

Ольга Фронская

ЕСЛИ ПРОТКНУТЬ ГЛОБУС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Анатольевна Гронская

Если проткнуть глобус. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69844165

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение подлинной истории одного кругосветного путешествия, которое в течении восьми месяцев совершили две подруги до начала пандемии. Вторая половина вояжа, перелет через Тихий океан из Южной Америки на другую сторону света. Путешественниц ждут Новая Зеландия, Австралия, Камбоджа, приключения в джунглях Суматры и в непальских Гималаях. Новые встречи, расставания, неожиданная помощь, удачи, потери и, конечно, новое понимание этого прекрасного, сумасшедшего мира, и себя в нем.

Содержание

Глава 21 На крайнем юге	4
Глава 22 Сантьяго де Чили	72
Глава 23 Последний осколок Атлантиды	126
Глава 24 Здравствуй, здравствуй, самый молодой материк	197
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Ольга Гронская

Если проткнуть глобус. Том 2

Глава 21 На крайнем юге

Как и мечталось, перелет в Ушуайю мы проспали. Проснулись по факту приземления, от удара шасси о взлетную полосу. И вот. Мы на краю света.

Может, приснилось? Нет, наяву. Вот она – холодная крайна планеты с другой стороны. Впрочем, не такая и холодная, терпимо. Может, потому что лето. Но пасмурно, влажно и, похоже, с вечными дождиками. Климат дерьмо, короче. Как и у нас.

Огненная Земля – загадочный остров, который входит в одноименный архипелаг. Это самый большой остров у берега Южной Америки. В состав архипелага Огненная Земля входят также 40 тысяч различных островков. Административно остров Огненная Земля относится к поделившим его странам Аргентине и Чили. Общая площадь острова составляет 47 992 квадратных километров, он занима-

ет 29 место среди островов мира. Остров Огненная Земля считается самым крайним уголком жизни на планете. Огненная Земля отделена от материка Магеллановым проливом, а от Антарктиды – проливом Дрейка.

От Мыса Горн до Антарктиды меньше 800 километров. Название “Огненная Земля”, не связано ни с вулканами, ни с лесными пожарами. В 1520 году известный мореплаватель Фернан Магеллан на корабле обогнул южный материк по проливу, названному сейчас в его честь, и видел на берегу костры, которые жгли местные жители. В переводе с португальского языка название звучит как – Земля Огней или Земля Костров. Столицей Огненной Земли считается город Ушуайя. Большинство туристических экспедиций в Антарктиду начинается именно из этого города.

Из всемирной кладези знаний

Городок Ушуайя с населением шестьдесят тысяч человек можно обойти пешком, что мы и делаем сразу после размещения под крышей туристического хостела, где не всегда есть кому открывать двери, поэтому вовнутрь запускают проживающие, кто случайно оказался недалеко от ресепшн.

Жадно обследуем столицу колымского края, то есть огненного края, нос везде суем, глазами впиваемся. Кстати, столица вся такая туристическая и совсем не бедная. Даже наоборот. Ухоженная. Домишки фешенебельные по окраинам настраиваются, растекаются, увеличивая площадь посе-

ления, улочки, лавочки блестят, витрины магазинов тоже как вылизанные, новехонькие ярких раскрасок и моделей автомобили по гладким дорогам шуршат или по обочинам элегантно припаркованы.

Когда солнышко периодически выходит, то выпуклые жирные капли на всех поверхностях скамеек и автомашин сверкают, вселяя ощущение апреля. Местность здесь еще какая пересеченная! Улицы то вверх гонят с высунутым языком, то вниз вприпрыжку сносят. Все расположено на холмах, на сопках. Недалеко за городом, говорят, даже горнолыжный курорт оборудован. Но мы лыжи не любим, поэтому кататься не пойдем. Дома, разноцветные и невысокие, улочки тесные плечом к плечу обрамляют, и во все-

возможные породистые торговые точки завлекают, искушают, заразы.

Цифры на ценниках в продуктовых магазинах безнаказанно дразнятся: «Что, не ждали? А мы тут такие, распоясавшиеся! Что, съели?» Да уж. Приходится примирять себя с действительностью мыслью: «Не съели, будем жрать поменьше».

В общем, все вполне цивилизно. Музеев несколько. Национальный парк с дикой природой. Ряженые в полосатых костюмах заключенных, с прикованными цепями к ногам ядрами бутафорскими из папье маше, на экскурсии завлекают, предлагают на паровозиках до Конца света прокатится, туда, где заключенные сидели. Здесь раньше тюрьма и была.

Говорят, даже русские сюда попадали. Вот радость то. Как и умудрились. Наши везде.

Как божий день, окончательно понимаем, что ни в какую Антарктиду мы не попадем. Времени на выжидание и поиск бесплатной «попутки» не прибавилось, а у нас еще Чили не пахана. На расспросы по этому поводу местных встречаем недоуменные взгляды: «А вы не хотите купить тур?». «Мы? Не-а. Не хотим».

Наверно, не там расспрашиваем.

–За деньги в Антарктиду любой дурак съездит, но мы не дураки, – быстренько и окончательно оправдываем мы себя с Людой, когда узнаем, что даже с самыми бешеными скидками, стоимость «проезда» все равно составит почти три четверти всего, что у нас «положено» на кругосветку.

–Калькулятора не надо, – соглашается Пятачок, который только-только дополучил полное финансирование поездки.

–То есть съездил в Антарктиду, померз рядом с пингвинами, вернулся, пообедал два раза и домой. В Череповец, – радуюсь, что это просто предположение, я.

Домой в хостел, где двери нехотя открывают, мы еще не хотим, поэтому начинаем обходить турбюро и воодушевляться информацией, что есть морские поездки по островам Огненной земли. Потому что в них нам обещают посещение колоний крайне южной живности и генерацию щекочущего ощущения, что ты реально на краю света. Дорвались.

Освальдо Танго: Я приветствую тебя, Ольга. Надеюсь, вы отлично долетели. Как ты?

Olga Tango: Привет! Рада, что ты написал. И не в формате ПДФ)).

Я смогу теперь перевести твои слова в переводчике.

Освальдо Танго: О... Я осел.

Olga Tango: Да.

Освальдо Танго: У тебя все хорошо?

Olga Tango: Да, все отлично, мы на краю света. Скоро поедем к пингвинам.

Освальдо Танго: Я бывал на Огненной земле. Плавал механиком на судне, когда мне было двадцать лет. Пришли, пожалуйста, несколько фото. Я буду очень благодарен.

Не теряя времени, сразу хватаем тур по островам к пингвинам. Маршрут стандартный, но для нас такая вылазка впервые. Тут турбизнес, естественно, на хороший поток поставлен, и на другой день с раннего утра мы уже отбудем на широком комфортабельном кораблике с буфетом, то есть, ура, с горячим чаем к неизведанным берегам. Ох, как я хочу это все увидеть!

Изучаем заранее в интернете информацию про места, куда направляемся.

– Так, – вслух читаю я, – Маяк Les Eclaireurs. Стоит на самом северо-восточном острове из пяти островов Les

Eclaireurs. Это в пяти морских милях к востоку от Ушуайя. На острове живут пингвины.

– Отлично, – говорит Людмила, – Еще куда?

– На остров Мартильо, его реально все так и называют Островом пингвинов. В проливе Бигл.

– Где-где?

– Пролив Бигл. Не знаешь, что ли? Ну, ты ващ-щ-ще! Темнота, – я разворачиваю экран телефона в горизонталь, чтобы лучше было видно, и тараторю, —Этот небольшой каменистый кусочек суши является домом для нескольких колоний пингвинов. Там даже можно увидеть королевских пингвинов. Прямо на берегу находится более тысячи гнезд магеллановых пингвинов и всего девять гнезд пингвинов Папуа. Этот редкий вид пингвинов в Южной Америке можно увидеть только на островке Мартильо.

– Знаешь теперь?

– Да ладно, – улыбается Люда, – Неужели только девять? Надо будет посчитать.

Утром заветные вакуумные пакеты с теплыми вещами распакованы, и все на себя напялено. Здравствуй, пуховичок!!! Поотвыкли... Но одновременно и привычно-уютно стало, как будто все правильно в жизни, когда ты как для нашей зимы одет. Мне даже нравится. Если ненадолго, конечно. А холодные широты – это ненадолго. Отсюда в самый южный материковый город в Чили махнем, а потом в столицу. Сант-Яго перелетим. А там опять будет тепло.

Порт, где нашли приют громадные десятиэтажные лайнеры, те самые, что умчат состоятельных счастливиц к пятому материку, а также куча военных и гражданских посудин поменьше располагается в небольшой бухте. Как, собственно, вокруг нее располагается и весь город, уже залезая, как это отлично видно с борта нашего отплывающего теплохода, на склоны невысоких заснеженных гор.

– Как же это все похоже на наш северный магаданский край или дальний восток с сопками, – восклицаю я, – Мила сердцу моему красота такая!

Сегодня, в пасмурную погоду, вид гор немного неприветливый, но по самобытному чарующий и незыблемый.

– Ну, где там ... пингины и морские котики?

Увидели. Познакомились. Кораблик прямо в берег тыкается и стоит, а ты с палубы смотришь на них. А они на тебя. Вода прозрачная-прозрачная с мелкой рябью, над желтым песчаным дном, студеная.

Когда пингины возвращаются с охоты, то к берегу они пролетают под этой водой, как черные стрелы, и ловко, будто торпеды, вылетают на берег. Скорость и длительность подводного скольжения поражает. Сначала мы все хором верещим от восторга, что являемся свидетелями этого трюка, и дружно показываем пальцами, чтоб никто из туристов не остался неохваченным. Потом таких возвращенцев становится больше, и мы привыкаем и просто молча дивимся совершенству процесса десантирования толстячков на сушу.

Сейчас здесь лето, мы попали как раз на период гнездования!

– Оказывается, пингвины здесь не круглогодично, – изумлена Люда.

– Ура, теперь знаем! – я тоже безмерно рада удаче, – Ох, как же здесь все-таки красиво – сурово – первозданно, несмотря на потоки туристов!

Когда смотришь на юг, то становится немного не по себе и мое сердце, чуток трепеща, сжимается, это потому, что я им чувствую, что там край. Холодный беспощадный материк.

– Я ощущаю себя первопроходцем и открывателем новых земель! – сообщаю я закутанному шарфом по самые уши Пятачку.

Мой друг, блистающими из-под шапки глазками впивается в пейзаж, а руками в рукавицах в поручень, чтоб не сдуло, и с вдохновенным лицом взбудоражено подтверждает, что тоже ощущает себя первопроходцем.

– Вот такие мы семеро смелых, – перекрикиваю я гордый ветер.

Мы проходим еще через кучу самых крайних островов планеты с морскими котиками, чайками, и совсем необитаемых и просто созерцаем, как они проплывают мимо. Как самые красивые корабли. Хотя на корабле сейчас мы. Но все относительно, а суть понятна... Возвращаемся под впечатлением. Свершилось. «Мы видели пингвинов».

– Теперь надо сразу сделать одно важное дело, – объявляю я сразу по высадке.

– Ужель такое важное?

– Да. Веревочка нужна, – я хлопаю себя по нагрудному карману и Люда коротко кивает.

Небольшая припортовая площадь около злачного морского терминала плотно утыкана павильонами для продажи сувениров. Еще вчера в одном из них, что побольше, я заметила, что кулоны- обереги в самодельных витринах подвешены на витиеватых шнурках разных неярких расцветок.

Замечательные шнурочки продавцы выплетают прямо на месте из прочных нитей хитрым способом и поясняют, что это древнейшее искусство местных аборигенов-охотников. Я засматриваюсь на изящные произведения искусства и спокойно понимаю, что это и есть то, что надо для моего талисмана. Понравившийся мне паренек обещает изготовить плетенку часа за два. Еще я прошу вставить в медаль новое колечко.

– Отремонтируем, нет проблем, мэ. Выбирайте цвет ниток для шнурка.

Когда через пару часов я получаю свой заказ, то не узнаю мое бронзовое сокровище. Пареньку так понравилась сия вещичка, что он помимо того, что вставил в нее серебряное прочное колечко, еще и начищает ее до золотого блеска. Я восклицаю от неожиданности, принимая солнце на ладонь...

«И все ж в темной патине она была загадочнее. Впрочем, сверкание бронзы недолговечно», — все равно не могу налюбоваться я.

Гладкие концы шнурка умелец мастерски связывает сложным накидным узелком таким образом, что одна ниточка может туго ездить внутри петельки другой. Подтягивая их, можно менять на шее высоту подвески. Концы веревочек он тоже завязывает узелками и запаивает.

Я немедленно примеряю свою драгоценность, медаль тяжестью ложится во впадинку между ключицами. Мастер улыбается и восхищенно смотрит на дело рук своих. Я несколько секунд согреваю медаль ладонью, потом поворачиваюсь к пришедшей за мной Люде и демонстрирую, сдерживая распирающее воодушевление:

– Ну как? Награда нашла героя?

Пятачок показывает большой палец и показывает глазами на выход, дескать все отлично, но нам пора идти.

Сверкая как медный, вернее, так же, как мой начищенный талисман, я прячу его под одежду, еще раз сверху оглаживаю рукой, чтобы почувствовать, что он здесь.

Люда чуть качает головой:

– Надо же, как угадал. Ты светишься.

– Эта медаль всегда была моей, – сообщаю я.

– Даже не сомневайся, – коротко подтверждает Пятачок.

Olga Tango: Ya sabes, aquí ordene un gran encaje para

tu regalo. Sabes, ahora uso tu colgante todo el tiempo. la medalla esta en mi pecho todo el tiempo. No puedo imaginar como vivi sin ella antes. Esta es mi medalla..? Como pensaste darlo exactamente?

Знаешь, здесь я заказала отличный шнурок для твоего подарка. Я теперь постоянно ношу медаль на груди. Не представляю, как я без нее жила раньше. Это моя вещь. Как ты догадался подарить именно ее ?

Освальдо Танго: — Cuando estaba construyendo mi primera casa, cavando los cimientos, descubri un tesoro. Contenia monedas antiguas, medallas, estatuillas, estatuillas de santos. Tenia entonces dieciocho anos.

Когда я строил свой первый дом, копая фундамент, я обнаружил клад. В нем были старинные монеты, медали, статуэтки, фигурки святых. Возможно, это оставил какой-то дедушка. Мне тогда было всего восемнадцать лет.

Освальдо Танго: Самое замечательное, когда я собирался на встречу с тобой, когда ты сказала, что мне нужно пойти на милонгу в последний раз, чтобы увидеться на прощанье, я почувствовал, как мое сердце забилося. Неожиданно я вспомнил о кладе, хотя не вспоминал о нем, наверное, более пятнадцати лет. На удивление легко я отыскал старинную шкатулку в кладовой. Когда я рассматривал содержимое, то

вдруг отчетливо почувствовал, что это именно то, что просится к тебе. Я захватил кое-что еще, чтобы у тебя был сознательный выбор, но я знал, что медаль велела взять ее с собой.

Olga Tango: Что-то есть мистическое в произошедшем. Я не могу объяснить, но я чувствую.

Освальдо Танго: Эта медаль ждала тебя всю жизнь. Как и я.

Olga Tango: Мне кажется, Вы немного преувеличиваете.

Освальдо Танго: И еще странно то, что я ассоциирую Вас с изображением на медали и всем, что связано с испанскими древностями, о чем я больше не вспоминал, пока не увидел Вас.

Освальдо Танго: Как будто я знаю тебя вечно.

Olga Tango: Иногда мне кажется, что ты говоришь от души, хотя я знаю, что это просто комплимент.

Освальдо Танго: Я думаю, что важна та искра, которая заставила нас встретиться. Вероятно, мы должны обратить на это особое внимание. Что-то заставило нас встретиться снова, даже если это только прекрасное танго.

Olga Tango: Да, я согласна с таким мнением. Что-то заставило встретиться снова. Ты хорошо сказал.

Освальдо Танго: Как случилось, что с первого дня я скучал по тебе, и тот факт, что я снова увидел те-

бя, доставило мне безмерную радость и одновременно тревогу. Я почувствовал это, когда мы попрощались, тебе не хотелось уезжать. Ты была счастливой и серьезной.

Olga Tango: Разве ?..

– Все-таки по телевизору «не так» показывали эти места, – капаю я вечером своими страшно умными мыслями Пятачку на мозги.

Я голодная, а мы еще только осваиваем территорию кухни, примериваясь, где тут чего лежит из утвари.

– Там оператор с режиссером видели так, у них свой сценарий. А ты через них, – Пятачок нашел свободную кастрюльку и с грохотом вытаскивает ее с полки. – Тебе что, не пришлось здесь?

– Пришлось, пришлось, конечно. Просто чего-то на философию потянуло. Всегда в реалии все «не так». Ни лучше, ни хуже, а просто не так, – я бережно прижимаю к сердцу упаковку спагетти, и, хихикнув, добавляю, – Не так, как придумали. Поэтому вывод, не надо придумывать и ждать.

– Это точно, – шеф-повар, залив в кастрюлю воды из-под крана, шарит глазами в поисках спичек и поражается, – Нету, нечем зажечь! У нас есть?

– Да, но в номере, идти неохота, – и я соображаю, где только что видела зелененькую зажигалку, – А! В месте для курения за запасным выходом, куда мусор выносила. Фигня,

сейчас.

Огонь добыт, зажигалка возвращена на место. Как специально через пару минут приходит куча народу со спичками и зажигалками, готовить ужин. Я криво ухмыляюсь:

– Мы привлекаем энергию. Принесло всех.

– Не преувеличивай, терпи, скоро уже, – Пятачок убавляет огонь, – Смотри за макаронами, я пока порежу помидоры и лук на заправку.

– Ага.

Я изучаю контингент. На кухне и в огромной столовой, типа, кают- компании, которую отлично видно с моего места.

Народ здесь реально со всех концов света: немцы, китайцы, естественно, англичане, шотландцы, Мексика и даже две тетки, тоже не первой свежести, француженки.

Я думаю, вот как могло всех занести, именно в этот туго набитый жаждущими экзотики туристами, дешевый хостел и именно сейчас, когда и мы здесь находимся?

Почему-то я периодически об этом задумываюсь. О хитросплетениях нитей-путей.

– Люда... – ожидая у конфорки на кухне, пока начнут расплзаться дозревшие макароны, пытаюсь завлечь в философскую думу подругу, – Вот как интересно они собирались сюда? Что толкнуло? Как брали билеты, планировали дату, то есть, как им вообще эта мысль про Ушуайю впервые в голову пришла? И ведь она у всех сидящих здесь была! И сработала в итоге.

– Сработала, это очевидно, макароны слей, готовы, – Люда раскраснелась над сковородкой, где уже приобретают цвет подливки томаты с луком, – А ты сама как узнала?

– Я же говорила, – немного обижаюсь я, – Из Клуба кинопутешествий! Но я не про это, я про то, как забавно, что здесь в это время оказались именно все эти люди! Что за хитросплетения?

Пятачок уже приступил к порезке на салат остатков дорогущих овощей, поэтому, на секунду оторвавшись, отмахивается:

– Собрались и собрались. Кто ее, судьбу, знает, сама говоришь. Завтра все уже и забудут друг друга.

«А вдруг не забудут?», —я снова пристально вглядываюсь в окружающую действительность.

У кого-то что-то дымится на сковороде, у кого-то булькает в кастрюльках на заляпанных газовых плитах, которых здесь целых пять штук. Без конца хлопают дверки холодильников, забитых подписанными пакетами с продуктами. Что-то режется, что-то строгаются, шуршит и распаковывается, с грохотом падает на пол, моется в раковинах.

И постоянно кипятится вода в электрических чайниках – все на крайнем юге, как и крайнем севере, любят горячий чай. Ура. Пища богов готова. Раздумья прочь.

Мы вкусно ужинаем макаронами с салатом и консервами, в перманентном гуле сборища неприкаянных романтиков. Разношерстные, незнакомые друг с другом путешественни-

ки в ожидании пищи, скучковавшись по принципу случайных чисел за общими столами, перебрасываются, вроде как по делу, минимальными простыми фразами. А потом, как-то незаметно, начинают общаться больше и вот уже болтают на английском и испанском, всю знакомясь друг с другом. Потому что все здесь отважные товарищи по этой замечательной аванюре.

– Смотри, – замечает Люда, – К ночи уже формируются милые компании по интересам.

– Вот и я про то. Дело молодое, – с набитым ртом констатирую я очевидное, – Не сидеть же в мухосранских номерах с двухъярусными койками.

Какой-то парень, вооружившись гитарой, начинает петь приятным голосом про то «как здорово, что все мы здесь, сегодня». И, понятно, моментально собирает вокруг себя круг восторженных почитателей. И почитательниц. Которых в этих широтах меньшинство, поэтому все очень красивые и неприступные.

Девчонки, не смотря на ледяной вид бывалых путешественниц, все равно через какое-то время попадают на неусыпное заигрывание ребят, тают и уже заливисто хохочут над шутками потенциальных поклонников, а когда идут к плите присмотреть за процессом жарки-варки, держат спины и головы прямо-прямо, еще как чувствуя, что вслед им смотрит куча восхищенных разноцветных глаз.

Воздух наполнен романтикой и простотой.

– Где мои семнадцать лет? – испытывая легкую зависть, вздыхаю я.

– Там же где и восемнадцать, – смеется отстоявшая дежурство Людмила, – В далеком прошлом. Тебе мыть посуду.

– Слушаюсь, сэръ! Спасибо за ужин. Разрешите выполнять?

***

Сначала я думаю, что мне кажется. Мы идем под грибным дождем по центральной улице, и вдруг откуда-то доносится академический вокал. Поет женщина.

Начав озираться, мы замечаем, что с одного из балконов, устроенных на серой стене здания исторического музея Galeria Tematica, даёт концерт оперная дива.

Мы даже сразу не понимаем, где она притаилась. На балкончиках музея выставлены бутафорские фигуры людей в гражданской и арестантской одежде. Они прям как настоящие, замерли, кто в приветствии, кто в наблюдении.

Приглядевшись, обнаруживаем певицу в полосатой робе заключенного, рядом с бутафорской фигурой какого-то джентльмена в сюртуке девятнадцатого века с атласными лацканами. До концерта этот джентльмен скучал на своем балкончике в одиночестве.

Дива устроилась рядышком и, сливаясь с композицией, выводит чистым меццо-сопрано канву какой-то арии, кото-

рую я не могу опознать.

– Не боится петь на холоде, не бережет связки, – успеваю не одобрить певунью знакомая с азами классического пения я, —Странно.

– Да это ее дело, знает, что делает, – заключает Пятачок, – А впечатление отменное.

Я хочу подтвердить, что да, и это все просто нереально, со всех точек зрения, но говорить уже не особо хочется. Мы, задрав головы вверх, околдованы дивными звуками. Как-то сочетается это все и с солнцем, и с дождем, и с суровым куражом края света. Неожиданно и прекрасно.

– Смотри, что делается, – только и могу сглотнуть я, видя, как рядом с осоловевшими нами, постепенно собирается толпа зрителей. По окончанию мы хором топим диву в аплодисментах и криках “браво” и закрываем рты.

«Никогда не знаешь, где тебя гармония догонит и по уши овладеет, – удовлетворенно млею я, – Интересно все-таки, по велению сердца это сделала или график выступлений у нее такой?»

На этот вопрос ответа не будет, поэтому, топя дальше, прикидываем, как будем перебираться в Чили, в Пунта-Аренас. Решаем на автобусе, то есть автотранспортом, с переправой на материк на пароме. Романтика.

В ближайшем турбюро оформляем билеты, выбираем места для длительного вояжа. Пора двигать дальше.

– Сколько там ехать?

– Двенадцать часов.

– Всего? А я отчего-то думала, что дальше и дольше, – приятно удивлена я.

– Нет, здесь недалеко, – радостно подтверждает Пятачок.

Дорога в Чили

Утром, к семи тридцати, идем по булыжной мостовой с чемоданами на место посадки. Это просто обочина, недалеко от турофиса, на спуске центральной улицы в порт. Не промахиваемся. Место это мы еще с вечера точно установили под надзором менеджера по продажам билетов, потому что официальной остановки, как таковой, нет.

Все цивильно: багаж в брюхо автобуса, рюкзак с ноутбуком с собой. Наши места, как всегда при поздней покупке, почти сзади, где обычно посвободнее.

Нынче со свободой не очень, и нам сразу даже не удастся просто разместиться. Дело в том, что один паренек из группы друзей-студентов уже уселся на наше место и ни в какую не хочет посмотреть в свой билет и, согласившись, что ошибся номером, свалить по месту приписки.

Непонятно, чего он так напугался? На нас ведь не написано, что мы русские... Может, почувствовал чего. Но факт, вжавшись в кресло, пацан вдруг лишается способности

что-либо сообщать. По-детски, с расширенными от ужаса глазами, он, быстро побледнев, уходит в глухую оборону от неприятной ситуации и чего-то предлагающих теток... Странный такой. Я хочу даже «козу» сделать, допугать, но чую, не надо, вдруг вообще в кому впадет.

Потом на разборки подходит второй водитель, его кто-то уже пригласил, чтоб из несознанки вытащить бедолагу.

Оказалось, что их билеты у жидкобородого лидера по группе, а тот просто рукой махнул друзьям, какие места занимать. Этот и занял. Их человек восемь, разве тут уследишь. Сели, как показалось удобнее: «Старший приказал». Естественно, разобрались, обморочного извлекли и переместили немного смущенное тело на законное место. А мы с Людой, устроившись поудобнее, даже с некоторым с уважением отмечаем, что парень стойкий.

– Мама хорошо научила конфеток от посторонних не брать, интересный экземпляр, – с оттенком задумчивости хвалит Людовик.

– Согласна, такая уверенная позиция в жизни, это больше плюс, чем минус, – приглядываюсь сбоку к бледному я, – Давно такого законопослушного идиота не встречала. А «козу» все-таки надо бы было сделать.

Теперь в путь. Сначала до КПП в Сан-Себастьян. Тут граница с Чили. Прибываем к часу дня. В другую страну переходим организованно, легально, нехотя очнувшись от очередного сладкого тихого часа после очередного перекуса, и

очень быстро. Потом еще километров сто семьдесят проводим в неспешных раздумьях от созерцания каменистого северного, то есть южного пустынного пейзажа, перемежаемого приходами морфея и, вот он! Магелланов пролив!

И не то чтобы на нас красота умопомрачительная свалилась, нет! Впечатляет, конечно, прикрытая тучами суровость и необъятность пролива даже в этом самом узком его месте, просто само чувство, что мы находимся именно здесь – будоражит и заставляет жадно вглядываться в горизонты с охватом на триста шестьдесят градусов.

– Господи, ведь про это только в книгах читали! – скороговоркой бормочу я.

Через пролив мы будем переправиться с Огненной земли на Большую. На пароме. На пароме! Глубоко втягивая гордыми ноздрями жгучий морской воздух.

Здесь навстречу друг другу курсируют два парома «Патагония» и «Огонек». Нам достается «Патагония», на которую мы, высаженные сильно заранее, пассажиры идем пешком. А наш автобус параллельно, не спеша, всплывает на борт по ребристому пандусу в гордом одиночестве. Все по правилам.

То ли наш рейс так удачно подогнан, то ли просто день такой ненапиханный транспортным потоком и очередью нервных людей, как пугали бывалые в интернете, но паром нам «подают» практически сразу, без какой бы то ни было толчеи и ожидания.

Мы внедряемся в него и тут же принимаемся осматривать

его устройство. Можно снаружи остаться в боковом проходе вдоль борта под ветром поморозиться, но наслаждаясь первородностью и честностью мироздания. А можно через белые круглые двери с иллюминаторами свалить в теплое нутро, где будто случайно прилажены какие-то потертые диванчики, столики, лавки, аскетичный буфет, гостеприимно предлагающий «чаю горячего с пирожком», и вполне чистый туалет с ручкомойником.

Сейчас едем в порт Пунта-Дельгада. Паром ныряет в волнах, морская качка и легкий шторм вполне ощущаются, но все происходит как-то быстро, минут сорок, не больше. Укачаться и соскучиться в переходе не успеваем. Ну, так ведь, здесь самое узкое место в проливе.

Организованно сползаем с баржи на твердь, внедряемся в любимый автобус и сейчас ать-два и мы уже будем в Пунта-Аренасе. Самом крайнем южном материковом. В общем, удачно все.

Даже более того... Случается Прецедент Путешествия. Первый раз доезжаем в конечную точку не то что без опоздания, а на час раньше расписания!

–Нет, серьезно, что ли? – лично я врубаюсь не сразу, и глядя на часы, пытаюсь понять почему произошел сбой в телефоне.

–Да все правильно. Это из-за того, что никаких пробок и ожиданий парома не было, – успокаивает друг Пятачок.

– Да, все было как по маслу. Может, к добру?

– А к чему еще-то? Конечно, – хихикает Люда.

Время пять с небольшим вечера, светло и солнечно. Не спеша оглядываемся.

– Так вот ты какой, Пунта-Аренас. Встречай! – распахнувшись простору, провозглашаю я.

Самый южный материковый город земли с населением больше ста тридцати тысяч человек расположен именно на самом берегу Магелланова пролива, по кромке которого мы, собственно, и ехали всю дорогу от Пунта-Дельгадо.

Испив кофейку на автостанции, без труда фрахтуем местную таксюшку и катим в наше новое жилище на окраину города. Телефон хоста, на случай непредвиденных топографических непоняток, наготове.

– Авеню генерала Эрнесто Медина Паркера, дом 660, как звучит громко.

– Что это, где это? – спрашивает Люда в надежде, что мне что-то известно.

– На юге, – не разочаровываю товарища я и расслабляюсь, видя, что таксист везет уверенно.

Город небольшой и, хотя по площади разбросан прилично, малоэтажная застройка преобладает, все равно весь в шаговой доступности, то есть от транспорта смертельно ты не зависишь, в любое время суток можешь хоть пешком, но добраться домой. Без трат денег на такси. Что ни говори, а это важно. Бабы мы пока еще не бедные, но глаз да глаз. Экономия должна быть экономной.

Вдоль всего города на многие километры тянется безлюдный песчаный пляж. Кое-где он одет в набережный камень, но большей частью это длинная-длинная кромка берега, на которую методично набегают волны. Сидя в авто, мы то убегаем от него за дома, то опять выныриваем на прибрежную автостраду, изумляясь открывающейся справа стальной бесконечности. Это, по-правильному, называется «пролив». Но он бескрайний и серьезный, поэтому называют его здесь океаном.

Отсюда до Антарктиды подальше, чем из Ушуайи, полторы тысячи километров, но именно сюда в порт Пунта-Аренас заходят те самые научные суда, которые и направляются к пятому континенту. По пятому океану. И только отсюда туда летают самолеты. На которые мы и хотели попасть в качестве груза, за сходную цену.

– И попали бы! – в качестве успокоения чуть прибитых амбиций, придумываю я, – Если бы не надо было торопиться и под визу на въезд в Новую Зеландию подгадывать. Да ведь?

– Да ведь, – подтверждает умный Пятачок.

«Мне нравится так думать. Да. И хотя наши чаяния на Антарктиду в эту кругосветку не дозрели до съедобного состояния, в сам Пунта-Аренас мы все равно приехали, не выбросив его посещение из путевой карты желаний.

– *Даже не из-за бесплатного проезда «зайцем» в трюме научно-исследовательского судна. Надо нам туда и все.*

— Так, почему нет, — без вариантов согласился в свое время Пятачок, хотя это «надо» в большей степени, понятно, мне.

Это я глобус спицей в детстве протыкала, чтобы узнать, где антиподы живут. И про ледник два года назад я начиталась. Именно про этот, про Торрес-дель-Пайне, который в Чили, а не про шикарный аргентинский Перито Морена. Впрочем, аргентинский мы все равно на самолете пролетели, не назад же возвращаться было. Мы заднюю плохо умеем давать».

Пока разрозненные мысли лениво пытаются объединиться в связную картину, мы абсолютно без накладок подъезжаем к типовому одноэтажному частному дому с низеньким одноступенчатым крыльцом без козырька. Зеленый сплошной металлический забор справа от угла, по-видимому, ограждает миниатюрную земельную собственность.

Хозяин дома, парень лет тридцати с небольшим, встречает нас на пороге и помогает затащить поклажу. Около ног крутится молодая собака черного окраса с белой отметиной на груди и ждет позволения, чтобы броситься облобызать новых гостей по уши, положив лапы на плечи.

Зовут ее Луна, это собака неизвестной породы, с которой наша взаимная симпатия возникает с первого внимательного взглядывания в восторженные глаза друг друга.

В домике три комнатки, кухонька с выходом в изрядно за-

хламленный внутренний дворик, тот самый, что за зеленым забором, и большой общий холл с двумя диванами и большим обеденным стеклянным столом с удобными стульями.

Удачно располагаемся с Людой в разных комнатках, это удача, что вторая маленькая, не занята, и нам ее отдают. Когда у каждой свое пространство, это здорово. Но места в доме не так много.

Не без толчеи привыкаем к несурзости тесной планировки, к отсутствию шумоизоляции и немного потрепанному виду мебели в комнатах. Получаем ключи.

Хозяин, который представился Николасом, как оказалось, по-английски не очень, даже совсем не очень, даже хуже, чем я. Поэтому он объясняет многословно по нескольку раз одно и то же, как слабослышащим детям-даунам, преувеличенно жестикулирует, поминутно ища признаки понимания, хотя все давно ясно, что он здорово приврал про себя в заявке на айрбнб. «Странно, – думаю я, – Почему он считает, что его плохо слышат?».

Так, освоились, теперь, как всегда, в ближайший магазин, на закуп. Лавок на нашей окраине вблизи дома две, обе как наши поселковые магазинчики, с товарами первой необходимости, то есть без выбора, что завезли, то и лопайте.

А цены!! Маманя... Ушуайя, говоришь, дорогая? Ха-ха. В Пунте не были. Но ничего не поделаешь, «жратеньки» хочется всегда.

Без сомнения, хозяева всех деревенских магазинчиков в

местностях с суровым климатом на всем земном шаре, это знают просто отлично. И не стесняются, паразиты.

Я еще немного бурчу, несогласная с тем, что «есть», но Люда в этом плане – наше спасение. Толково сортирует нужное и ненужное, прикидывает, чего на завтрак. И я под чутким руководством смиряюсь и принимаю неизбежность трат.

Рано утром Николас сваливает на работу, предварительно покормив и выгнав собаку во внутренний дворик, еще раз объясняет, что вернется не знает, когда. Луну вечером можно впустить в дом и звонить ему по всем вопросам.

Claro. Ясно.

Мы, еще немного повалявшись, перекусываем вполне себе яичницей с чайком и бегом сматываемся в город. На автобусе, тут восьмерка ходит от нас и двадцать четвертый прямо до центра.

Ой, как я хочу в город. И на океан.

Пунта-Аренас в переводе с испанского означает «песчаный мыс». Раньше, когда панамский канал еще не прокопали, здесь прямо Великий Новгород был, в смысле город-государство. Он на торговых путях лежал, через Магелланов пролив тогда связь Атлантического с Тихим была, поэтому богатейский был и никому не принадлежал. Ну а потом уже, как все Великие, когда караванные пути выбрали новое прибыльное русло, вышел в тираж, начал чахнуть, да и примкнул для спасения жизни к Чили. Но дух остался, что хотите, бы-

лая стать незаурядного и дух никуда не делись.

По легенде место это обозвал так во время крушения своего судна британский моряк адмирал Джон Байрон, по прозвищу «Джон –плохая погода». Выжил, вернулся, описал все, адмиралом стал, детей родил и внуков, кто-то пошел по следам деда, кто –то нет. Один из его внуков, Джордж Байрон моряком не стал. Вернее, стал не моряком.

Это все мы благополучно узнаем из интернета и уличных памятных табличек и плакатов. Пока мы ничего толком не знаем о месте, где мы находимся, поэтому, столкнувшись в жадном дефиле по ухоженной городской плоскости с какой-то очередным, заинтриговавшим монументом, лезем в телефон, и «о'кей, гугл».

В Пунте не особо много исторических достопримечательностей как таковых, несколько красивых зданий начала прошлого века, классической архитектуры, помпезностью напоминающих дворцы, несколько музеев стационарных, несколько музеев в настоящих кораблях, смотровая площадка и прямо в большом достатке скульптурные большие и маленькие оригинальные композиции, по всему городу, и особенно на морской набережной.

Очень впечатляет огромный монумент «Всем потерпевшим кораблекрушение» на набережной, с высеченным из камня носом корабля и напряженными людьми с флагом. Издалека они похожи на революционеров. Один полуобнаженный человек упал в море, но прилепился как лягушка к бор-

ту: «Наверно, выживет», – убеждаю я себя.

– Глядя на них, как-то очень неохота попадать в кораблекрушение, жуткая вещь! – пропускаю через себя я чувства прилепившегося.

– Да... для Магелланова пролива это актуально.

– А то... Иначе бы монумент не поставили.

Потом мы проходим мимо сборища старых морских буюв, грамотно увязанных в единый ансамбль с фрагментом настоящего корабля.

– Оказывается, все реально поднято со дна моря! – с затаенным благоговением шарим глазами по экспонатам мы, – Сколько же их тут полегло-то, братцы.

Но главное, конечно, памятник Hernando de Maggalanes, на центральной площади Plaza Munos Gamero, первооткрывателю сих земель. Фернандо Магеллану по-нашему

Увековечен отважный Магеллан в своем кафтане в полный рост и масштабе, наверно 3:1, на высоченном четырехгранном постаменте, где он, наступив ногой на пушку, картинно смотрит в даль: «Чтобы еще такого открыть, други мои!».

По сторонам постамента у его ног скульптурная группа из индейцев и русалки. А может, это тоже индеец. Но с хвостом. Так все скрупулезно с задумкой сделано. Красиво. Огромная босая нога одного задумчивого, подстриженного под горшок индейца спускается расслабленно вниз, как раз на подходящую человеку ниже среднего роста высоту. Чтоб головой до-

стать.

Вся ступня блестит золотым, потому как отполирована бесконечными прикосновениями жаждающих, ибо есть примета, хочешь сюда вернуться и чтоб в жизни все хорошо было – погладь голую ступню. Вот и глядят. Наверно, не мне одной тут в сердце запало.

Я так вообще ногу на голову себе поставила. Подлезла, так сказать, «под каблук». Чтоб наверняка.

– Кстати, Люд, а Патагония с индейского переводится, как «Большая нога». Выходит, выражаю свое почтение, – объясняю я фотографу.

– Сейчас тоже выражу, – сообщает тот.

Вообще, мне здорово почему-то хочется разобраться, что же тут такого необыкновенного, в этой обыкновенной, богом забытой Пунте. Пунта-Аренас.

Освальдо Танго: Ah entonces esa modalidad no sirve tendre que buscar otra pero vuelva reiterar lo que yo preguntaba la estatua la cual vos esta sentada teniendo el pie querepresenta para alla para ser un monumento en Chile.

OlgaTango: Проблема. Я никак не могу сообразить, что именно ты хочешь сказать. Ужасный перевод. Смысл теряется. Мой гугл-переводчик плохо знаком с испанским.

Освальдо Танго: Ах, тогда этот способ для перевода на русский не работает, мне придется искать другой,

но я повторяю то, что я спросил про статую, под пяткой которой ты сидишь на фотографии, и которая представляет собой памятник в Чили.

Olga Tango: Я написала, что теперь знаю, что значит прикоснуться к подножию статуи, это означает попросить вернуться.

Освальдо Танго: В Чили? Я был бы крайне доволен, если бы ты вернулась в Аргентину, и я хотел бы быть у Вас под каблуком.

Olga Tango: А я не поняла, что ты пишешь, думала с точностью до наоборот. Тогда я думаю, ты преувеличиваешь свое желание быть под каблуком.

Освальдо Танго: Я согласен – под Вашим.

Olga Tango: Подумайте хорошо)). У меня есть большой опыт в этом – могу обеспечить «веселую жизнь» любому.

Освальдо Танго: Я не сомневаюсь в этом, моя дорогая.

Из ПЗ. Пунта-Аренас

Не знаю, что от чего зависит, но лично меня просто прет от этого города, где не бывает по-настоящему тепло. То есть, если солнце, то даже можно в кофточке, но это минут на полчаса, потом порыв ветра, реально валяющий с ног, и даже пуховичок, отороченный мехом, ой, как не лишний!

Очень родной, на русский север похожий город с берёзками! И соснами. И другими фантастическими деревьями, названия которых мы не знаем, и с широкими, идеально вылизанными плиточными тротуарами. Говорят, чисто, потому что мусор ветром сдувает подчистую. И так тут душе спокойно почему-то. Океан шумит. Холодный. Пару раз с утра идёт дождь, прям страшный такой, с градом и деревьями до земли, на полчаса примерно. А потом, бац! И опять лето солнечное. Как хорошо, что здесь в домах есть отопление! Знакомое любимое слово! Соскучилась по любимой специальности. Обследую, смотрю в нашем жилище, чего тут устроено и как.

Отопление домика с помощью белой эмалированной газовой печки с горелкой, как в духовке, осуществляется. Поджигается устройство с помощью двух древних кнопок: «розжиг» и «подача газа» и как камин нагревает помещение теплым воздухом напрямую. В том месте, где стоит, там и нагревает. Никаких радиаторов по комнатам и прочей ерунды не предусмотрено.

– Хм... А дом-то не утеплен! И сеней нету, наружные двери со стеклами, одинарные и прямо на улицу открываются! – даже как-то неприятно удивлена я, – Окна тоже ни о чем, без двойных стеклопакетов. А где вечная мерзлота?!

Из всего я, как профессионал, делаю вывод, что несмотря на крайнюю южную расположенность, пятьдесят третья широта, климат здесь из-за близости океана мягкий, равномер-

ный, что ли. Зимой и летом одним цветом.

Уж мы-то знаем, как на минус тридцать здания конструируют. Не пуганный народ здесь. Залюбопытствовав, влезаю в информационную интернет-кладовую и точно – на самом деле, средние температуры летом в январе-феврале – тринадцать-пятнадцать градусов, а зимой, в июле плюс два, плюс пять!!

– Бывал, говорят, и минус суровый, аж до двадцати мороза как-то,

– сообщаю я внимающему другу, – Но на пару дней, и не каждое десятилетие.

– В суровом краю живут, что и сказать, – хихикает Пятачок – Да...

Поэтому предбанников и нет.

Правда, не все так предсказуемо. Во время «мягкой» зимы здесь бывает Вилливау. Очень сильный ветер. Это, говорят, «ужас-ужас». Длится этот кошмар, правда, недолго, не более минуты-двух. Собственно, это приступы ветра, скорость которых достигает в эти мгновения почти трехсот километров в час. И если не укрыться, то двух минут вполне может хватить, чтоб вспомнить всю свою жизнь, как киноленту, напоследок.

Теперь понятно, почему все деревья на разделительной полосе главного проспекта Мануэля Бульнеса растут изначально с наклоном в сорок градусов от вертикали. Сразу понятно, откуда Вилливау дует. И всех укладывает на лопатки.

Но вообще, «просто» ветер здесь почти на постоянку. Как задует, так и не остановить.

Задолбал.

Оползав город, познакомившись, насколько возможно для диких проезжих путешественников, наводим справки, как попасть на вожаденный ледник, и, естественно, решаем не брать дорожные турпутевки в Пунте, смех, а купить самостоятельно тур в городе Пуэрто-Наталес, что в трех часах езды от Пунты. И откуда, собственно, начинается дорога в национальный парк Торрес дель Пайн, Torres del Paine National park.

Если сказать красиво, то: Пуэрто-Наталес это город, откуда стартуют походы к вечным льдам Gray Glacier, Серого ледника. Это туда, куда снилось полтора года.

Как пишут люди, там есть кемпинг с палатками и можно как в экспедицию сходить по тем суровым местам. С проводником. Мне очень хочется остаться там, около самого ледника, в тундре, на пару дней, походить там, побыть. Прямо загорелось. Людовик, хоть и с сомнениями, но не против.

Добро, решено. Завтра в Пуэрто-Наталес и покатим.

Николаса предупреждаем, что на три ночи отъедем. Скорее всего. День в дороге, два в походе. Но не факт. Чутье подсказывает.

Ох, как мы не любим всякие планы строить, но приходится. Не одни живем. Понятно, на эти неоплачиваемые дни нашего отсутствия Николас людей на постой берет, вон поляки

проснутся на две ночи.

Бери, ясен пень. А мы на всякий случай договариваемся, через пень-колоду на смеси языков, что если вдруг вернемся раньше, то можно ли будет в холле на диванах переночевать? Чтоб по гостиницам не шариться ночью.

– Нас устроит. А Вас? – Николас говорит, что это возможно. И по мере необходимости спишемся.

Я шкурой чувствую, что он не до конца понимает полет нашей мысли, но предпочитаю не доставать его, может, и не потребуется этот финт с преждевременным возвращением. Телефон есть, решим.

Утром ключ оставим на полочке у входа, чемоданы компактно в уголке холла на хранение пристроим. И все. Дверь захлопнем. Адьюс.

Про Колю

*(пост-синдром, написано спустя три месяца)

Я не знаю по каким причинам, находясь сейчас в душных, пропаленных солнцем тропиках, я ловлю себя на том, что с завидным постоянством, имеющим какую-то ещё пока неясную этимологию, я вспоминаю

Пунту.

Пунта-Аренас

Самый крайний материковый южный город земли. Чили. Место, куда азартно выстрелило из глаз сверкающее любопытство при очередном сканировании глобуса в преддверии кругосветки, потому что в крайнем северном материковом городе Дудинке я была, а вот на самом крайнем материковом южном нет. Визуальная ниточка приобрела прочность и, наконец, стала видна невооруженным глазом.

На сетчатке глаза как в реальности сейчас отображается холодный для летнего «июля», который здесь называется январем, небольшой по численности, но распластавшийся по обширной площади вдоль океанского пролива город. Не поражающий броской архитектурой, приукрашенный занятными скульптурами и зелёными холёными бульварами с нашими берёзками и соснами город.

Город, где с утра всегда идёт мелкий штатный дождь, а потом, ближе к обеду, с уверенностью главного дежурного по школе, заявляет свои права солнце. Оно, войдя в стовор с прохладным и далеко не нежным ветром, быстренько насыщает приунывшее пространство искрящимися, озорными брызгами света и начинает с ухмылкой захватывать внимание, диковинно колыхая на серых и красноватых бульварных тротуарных плитках летние, пятнистые тени от коренастых деревьев. Эти тени живые.

Здесь холодный океанский воздух периодически ударяет

в нос и заставляет замереть, и щурить глаза на бесконечное бледно-голубое небо. Здесь все правильно и размеренно. По понятиям.

Каким-то непонятным образом, в этом жутко южном городе, проглядывают знакомые черты и веет каким-то родством, как от генетического брата, с которым разлучили в детстве, но структура ДНК – никуда не делась, поэтому сначала неосознанно тянет его пристально рассматривать, вглядываться в детали, искать какие-то незаметные признаки непонятно чего, но очень важного.

И они есть! Сначала едва ощутимые, но они чудесным образом начинают проявляться, потому что через какое-то время я ловлю себя, что уже постоянно внимательно прислушиваюсь к себе, ожидая, когда же очередной раз внутри солнечного сплетения и печенки пройдет оргастическая рябь иррационального счастья от детского узнавания. Непонятного чего-то. Возможно, сна.

Обосновались мы, как уже говорила, в небольшом доме на окраине этого призрачного города. Домик как домик, самое главное, что в нем есть газовый камин. Печка по-нашему.

Фронт печки заделан стеклом, как экраном, и виден «живой» огонек, это мне нравится ужасно. В потолок уходит родная гофрированная серебряная труба, через которую продукты сгорания выбрасываются на улицу. Печка гудит и шелкает, место около нее самое козырное.

Над печкой и вдоль коридорчика к спальным комнатам

натянуты веревки для сушки белья. Они завешаны выстиранными простынями, полотенцами, личной одеждой хозяйина. Поэтому как заходишь, то прямо сразу видно, что хозяин добросовестный и аккуратный. Домовитый. Правда, по мере обживания, возникает ощущение, что в доме не хватает женской руки, как-то не структурировано все, что ли, не блестит.

Над самой каминной печкой прищеплены для сушки детское в красную клетку платьишко, трусы и носки на пятилетнего ребенка. Правда, никаких детей по приезду мы, к счастью, не обнаружили, но «может, позже из детского сада приведут», – чуть насторожившись, прикидываем мы мимоходом и забываем.

Чудом природы в моей комнате, что побольше размером, оказывается громадный старорежимный телевизор. Места ему больше нигде не нашлось, поэтому установлен сей монумент массивно-сундучного образца на тумбочке, прямо перед единственным окном, да так удачно заслоняющим его почти полностью, что реально не хватает дневного света.

Включается этот раритетный экземпляр из семейства кинескоповых гигантов с пятого раза и при определенном сочетании клавиш на пульте. Николас старательно, как неразумных, обучает нас. Мне кажется, что он этот телевизор любит безусловной любовью.

Хозяин Николас, которого мы почти сразу между собой окрещиваем. Колькой, это человек, «который виноват». Он

виноват перед всеми. Всем своим существованием. За то, что не выучился на большого начальника, за то, что простой работяга, с такой же, как и у нас работой с восьми до пяти на стройке, за то, что не получилось с семьёй, за то, что выпивает по вечерам и, увы, не только по выходным, что любит гулять с друзьями, за то, что сдаёт комнаты в айрбнб и получает за это деньги.

Когда я, еще в самый первый ознакомительный заход на его микро кухнюшку «метр семьдесят на два двадцать», при легкомысленной попытке быстро пробраться в дальний ее конец к холодильнику и, самое главное, развернуться по достижению объекта к нему лицом, встав попой к тумбе с наваленной на сушилку горой посуды и открыть «о, боже, как это сделать?» дверцу морозилки, то непонятно чем задеваю огромную стеклянную пивную кружку, лежащую в неустойчивом балансе сверху той посудной горы. И, естественно, она смачно разлетается к чертовой матери на мелкие осколки. С характерным звоном обрушившихся надежд. Николай испуганно мчит на грохот. И сразу становится так сильно виноват, что даже не понимает, что я готова оплатить утрату или прикупить новую.

– Нет, нет! Извините, ничего страшного, это бывает! У меня тут так неудобно (это правда), бейте хоть все. Простите.

Простила. Больше бить ничего не стала.

Говорит Коля по-испански быстро, как положено, но вставляя английские слова. Английские слова он знает не

все, и те, что знает, здорово путает, поэтому через полчаса нам становится очевидно, что мы не очень хорошо понимаем друг друга при быстрых устных беседах, поэтому для избегания недоразумений, пользуемся переводчиком, если что важное надо уточнить. Впрочем, это тоже гарантией не является.

Колюня очень старается быть хорошим хозяином, как предписано в айрбнб: заботится, бесконечно что-то пытается поправить, предложить, угодить. Русскими гостями очень польщён. Он многословен, будто боится, что его не поймут.

Пытается на ходу выучить русский язык и постоянно спрашивает, как будет по-русски: «здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста». Демонстрирует знания про Россию «Москва» «Сибирь» и «Путин». Наш-то здорово популярен, оказывается. Приятно.

При каждом удобном случае Николас торопливо пытается выдать о себе как можно больше поясняющей информации, что с его точки зрения поднимет его рейтинг и сделает менее виноватым перед жизнью и людьми. Он утверждает, что у него трое детей, мальчик и две девочки, правда, от двух жен.

К сожалению, они не живут вместе. Не срослось. И, как отец, он сильно скучает по ним, по детям. У нас нет основания не верить, но Колька все равно тащит нас в мою комнату, где тычет пальцем в цветную фотографию, прилаженную в рамке справа от телевизора-монстра, где он с одуревшими от счастья, вызванного накатившим комом неизведанных

до конца отцовских чувств, глазами держит на руках крохотного черноволосого ребенка.

– Моя первая дочь! – с гордостью вещает он. – Сейчас с мамой в Сантьяго живут. У их бабушки и дедушки. Дочь ждёт в гости через недельку или две: «Должны привезти».

Возвращаясь, Коля будто мимоходом с нежностью кивает на детское белье, сохнувшее над гудящей печкой. Значит, готовится. А, теперь ясно. Детей из садика не приведут. Слава те.

Папа Николая тоже в столице живёт, естественно. И танго танцует по-настоящему. Конечно, даст координаты, чтобы быть введенными в мир столичного танго. Мы сразу верим и предпочитаем немного порадоваться, что нам опять повезло.

Днём мы остаемся в доме одни, Николас на работе.

Я научилась включать эту монстровую печку с двумя кнопками, и мы с Пятаком по большей степени кайфуем в тепле. Особенно, когда возвращаемся домой с обследования окрестностей или прогулки с Луной, беспородной, довольно большой и сильной Колькиной собакой.

Как все собаки виноватых людей, она очень приветлива, не очень воспитана, восторженна и безумно любит своего непутёвого хозяина. Меня тоже любит, и я отвечаю пылкой взаимностью, все-таки удивляясь себе, ведь я кошатник. Короче, не могу наобниматься с этой черной, кстати, вовсе не глупой бестией. Гулять вывожу каждый день из тесного двора на простор и думаю, покормлена она, или Колюня за-

был второпях.

Иногда Луна забывается, впадает в «раж» и может «забодать» своими нежностями и желанием играть и, конечно, в один прекрасный момент попадает «под раздачу». Я не сдерживаюсь и трескаю ее по заднице после того как оказываюсь чуть не уроненной с горячим чаем в руках прямо в дверях нашей микро-кухоньки. Луна изумляется, огорчается и долго лежит на своем диване «как побитая собака», горестно и безнадежно смотря в угол, пока моя совесть не зажирает меня окончательно, и я не подхожу со словами: «Ну, ладно, хватит помирать, оскорблённое достоинство. Давай мириться. Я не буду больше. Но ты тоже башкой думай своей черномордной! Я же без страховки уже живу. На хрена мне такое ожоговое счастье с травматизмом о стеклянный стол. Понимаешь?».

Луна ещё скорбит секунд десять и лижет меня в нос. Мир.

На второй день нашего житья был выходной, и наш хозяин приходит домой с девушкой. Поздно и весёлый. Очень поздно, после часа ночи. Мы вроде как спим. Тут мы первый раз узнаем, что Коля никак не понимает, что стены и двери в доме ни хрена звук не изолируют.

Он долго гогочет в холле, громко разговаривает со своей гостьей, стучит стульями, чайниками и копытом. Пока, наконец, они не затихают в его самой дальней комнате. Оттуда, вопреки ожиданиям, ничего как раз не слышно, и это из разряда «свезло». Я была готова к худшему.

Утром Николая представляет свою молодую темноволосую даму и раза четыре объясняет, что это не просто девушка с улицы. Он такого не приемлет. А это мама его третьего ребенка. Просто они разлучены и вот иногда встречаются, потому что сильно любят друг друга.

Мы с Пятачком рады за них и дружно доброжелательно киваем головами, усиленно демонстрируя веру. Только бы не начал объяснять в пятый раз.

Подруга стряпает северную, ой, пардон, крайне южную нанайскую еду: тесто скатанное в колбаску и нарезанное кубиками, как клецки, сваренное и припущенное с томатной пастой и луком. Дешево и сердито. Нас почти насильно сажают есть с собой. Благодарствуйте, судари!

Сытно, вкусно. Но не уверена, что этим можно питаться долго. То ли мяса охота, то ли овощей. Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят, и ребята так искренне радуются, что нам угощение пришлось по душе.

Тут мы в сытой неге понимаем, что если готовить будем мы, то безусловно с расчетом и на Николеньку. Это не обязанность, просто нам кажется, если он придет с работы, а тут есть чего пожрать, то наверно это будет здорово. Всем. У Людды вообще материнский инстинкт здорово развит. Я учусь.

Так и выходит. Когда Людовик изобретает суп из тыквы с вермишелью, которому я, даже не получив добавки, искренне присваиваю звание кулинарного шедевра «нашей с вами современности», смущенному Коле вечером достается целая

тарелка. Чувство вины у Николая быстро вытесняется ощущением прекрасного. Ох, как здорово, когда он молчит. Как так и надо. Все насыщены и добры.

– Где он ещё такое попробует? Нигде! – умиляемся мы.

Впрочем, я еще не забываю и о практичности:

– Патентовать надо рецептик-то, Люда, патентовать!

В то утро мы спешно убегаем на автобус в Пуэрто-Наталес, намылившись посетить ледник. Мы не знаем, как там сложится, то есть на какое время освобождаем жилье. Имея некоторые сомнения, что Николас точно понял, что мы созовимся с ним в случае непредвиденных обстоятельств и рассчитываем на приют хотя бы в холле, возвращаемся от дверей за последним подтверждением и застаем хозяина, развешивающим на веревках новую порцию постиранного хозяйского белья.

Над самой печкой цветными прищепками он аккуратно закрепляет крохотные носочки в полосочку. Поодаль уже чуть колышутся от теплого воздуха штук пять детских трусишек и красное платишко с оборками.

Днем заезжают новые постояльцы.

На ледник

И вот мы прикатили на рейсовом автобусе в Пуэрто-На-

талес. Далеко шляться нет смысла и, заселившись в ближайший к автовокзалу миленький хостел, уже через полчаса идем на разведку по населенному пункту с целью добывания информации как организовать вояж бюджетно. Путь к леднику состоит из трех частей, сначала на автотранспорте до Национального парка, потом пешком около часа по заповедной тропе до озера Грей, а потом на катамаране по воде, непосредственно к самому леднику для обзора и восторгов.

Где-то на пути к леднику счастливчиков, которые идут в поход на несколько дней и будут жить в палатках или кемпинге с отблесками костра в ночном небе, с катамарана высаживают на каком-то обжитом берегу в промежуточной точке и оставляют там на попечение проводников. Остальные однодневники продолжают на том же судне приближаться к леднику, проходят в его непосредственной близости, и только-только успев наахаться, сделать пару сотен снимков и в дугу замерзнуть, возвращаются к точке отплытия.

Мечта, за которую я готова была платить, то есть уход в ночную в тундру и на ледник с рюкзаком и палатками, почти сразу накрывается.

—Да вы что? Во-первых, в палатках, по погодным условиям в следующую неделю, не будут рисковать селить. Шторм ожидается. Во-вторых, на ближайшее время стационарный кемпинг уже забит умными туристами, которые все узнали и забронировали, в отличие от вас, наивных, заранее. Летний период же! Желающих, дамочки, тьма!

–Claro, muchas gracias por tus buenas palabras.

Тогда решаем, как быть с однодневным маршрутом.

По первой части: автотранспорт это или рейсовый автобус, который ходит два раза в день до администрации Национального парка, либо индивидуальное авто с гидом-водителем. Который еще и до озера по тропе доведет за руку, и экскурсию проведет, и будет холить и лелеять, чтоб мы, не дай бог, не устали и не замерзли.

Три агентства обходим в попытках отделаться от втюхиваемой индивидуальной доставки за руку, ни фиги не получается.

Или билетов нет на общий рейсовый, или с общественно-го мы не можем место на катере забронировать – «такой наплыв туристов»! А кто-то сообщает с честным взглядом, что «рейсовый вообще не ходит». А главное, «не так это дорого», персонального водителя нанять, а преимуществ «и не сосчитать», ага. Ну, понятно.

–В общем, шанса, похоже, нет, – поглядывает на мое текущие мнение Пятачок.

– Чистый сговор монополистов! – пыхчу я, – Собаки страшные! Хоть и не сразу, но смиряюсь, что наша судьба в этот раз – ехать в суровые места с оплатой за индивидуальный присмотр, и мы оформляем путевки на завтра.

– Ладно, потом «отобьем на бичиках», – по суеверному обычаю шучу я, типа в любви денежкам объясняюсь, чтоб не убежали. Чтоб мое любимое путешествие, хе-хе, раньше

времени не гавкнуло.

«Этого я, как огня, боюсь. Не хочу, чтобы это кончалось, ни за что! Иногда я понимаю, что готова экономить каждую копейку, мыть туалеты, ехать автостопом, все что угодно, только чтобы продолжать это скольжение по планете вместе с потоками воздуха, что называются ветром».

Так о чем это я? А.

Поглазев на Пуэрто-Наталес, где вполне достойная набережная и в достатке городских стандартных примочек, забираемся в свой душевный отель на боковую, с книжечками и чайком.

И тут звонок в одиннадцать ночи, женщина из турагентства на хорошем английском пытается втолковать Люде, что на пути между нами и Голубой ледяной сказкой возникают препятствия просто непреодолимой силы.

Пятачок, забыв выдохнуть, что-то переспрашивает и кладет трубку. Я, подозревая, что разговор был не о бонусном бесплатном питании в пути, спрашиваю:

– Хонсю, что ли?

Люда, надеясь, что ей показалось, трет лоб и подтверждает:

– Вроде, да... Они сказали, никуда мы завтра не едем по причине неисправности кораблика. И что-то про штормовую погоду и опасность для жизни.

Прислушиваюсь к себе – внутри спокойно! Ну, не колы-

шет!

– Слышь, по-моему, это ерунда какая-то. У тебя как? Пятачок замирает на две секунды и говорит:

– Чего-то спокойно.

– Да? И у меня тоже.

– Значит, обойдется – поедем.

– Чего еще сказали? – допытываю я.

– Что перезвонят, – добавляет Пятачок.

– Добро, подождем.

Серьезная женщина из турбюро перезванивает через десять минут с предложением подождать пятнадцать. О, не забывают, беспокоятся.

– Не иначе шаманят, с бубном бегают, – прикидываю я, – Сейчас прогноз перепишут. И нормуль.

Люда тоже так считает.

Прогноз переписали в начале первого, нелегкое это дело, погоду налаживать, перезвонили с сообщением, что все утряслось и состоится. Так ей богу, не сомневались. Люда спокойно и полусонно принимает радиogramму и заверяет, что все понятно:

– Вас поняла, вас поняла. Завтра в семь утра библика придет к отелю и нас заберет. Спасибо. И вам спокойной ночи. Отбой.

Вообще, не совсем понятно, что это за ночное представление было.

Мне даже кажется, что...

–Как ты думаешь, может, это я их достала сегодня по поводу снижения цены на тур? – озадаченно интересуюсь я мнением Люды, – И «мстя их была страшной»?

–Не придумывай, – успокаивает Пятачок, – много у них таких придурков бывает, не сомневайся, всех в час ночи обзванивать не будешь.

«И то верно! Много. Хотя... ой, не факт... Ох, смех, – сладко сворачиваясь под одеялом, заканчиваю думать я, – Фигня, все пучком! Неужели завтра сбудется вожденная полторагодовая мечта идиота? Да. Нет! Не идиота. Как же я так нехорошо могла о себе... Идиотки!».

И блаженно закутываюсь сном.

Из ПЗ. Эрнан или водитель по-чилийски

Утром в шесть тридцать наш личный заботливый водитель Эрнан уже связался с нами в Вотсаппе и сказал, чтобы не забыли дождевики. Ничего себе. Как мы можем их забыть? Все, что привезено из Пунты, все с нами и поедет.

А мы сказали, что выехать лучше в 7.15. Потому что здесь завтрак дают с семи утра, и никак его лишаться неохота... А он сказал, что:

«Конечно, конечно, покушайте. Успеем на девятичасовой кораблик, если не будем нигде останавливаться». «Так и конечно, чего нам останавливаться. Поехали! Все отлично».

Быстро выскочили за пределы маленького Наталеса. При-

рода, как Карелия, Тыва и ещё что-то. Очень красиво, низкорослая растительность, то равнина, то скалы черные, и все цветет нехитрыми «северными» красками, на нежарком солнце.

Да, да, солнце – погоду заказывали? Получите. Несмотря на ужасный прогноз с ливнями и большими серыми тучами, начало выходить бесподобное светило, и все преобразилось.

Шаманизм этих ребят из турбюро, это... эге-ге, брат! Сильная вещь. Каким-то образом мы проехали под крутой радугой и видели холмы, купающиеся в радужном свете. Сначала сияние было перед нами, потом мы были в нем, а потом оно осталось позади.

– Это что?.. Проехали что ли и под радугой? Мне не померещилось?

– Т-с-с-с, – шепнул Пятачок, – Чудеса случаются. Сейчас будет что-то волшебное.

– А..., – затаенно готовясь к счастью, выдыхаю я.

Раздавшийся пугающий выстрел и недвусмысленное хлопание лопнувшего колеса по грунтовой дороге с острыми камнями прервало потустороннюю идиллию. Приехали.

Правда... внутри опять иррационально спокойно. Наверно потому, что особо ничего не случилось вредного для здоровья, и, если исходить из логики, то у Эрнана есть запаска наверняка, не к теще поехал на соседнюю улицу, поменяет. Делов-то на пятнадцать минут. С дорогами.

Так и есть, наш Эрнан полез за запаской, стал греметь домкратом и деловито суетиться, мы, чтоб не терять время, привычно воспользовались моментом и, глядя в даль, на ветру размяли полусонные тулова правильными пассами. Зарядку сделали.

Ах, хорошо! Тонус растет. Только руки мёрзнут. И нос. И сдувает, а так все отлично. Сейчас тогда за камешек пописать сбегает, тоже не помешает, и дела все сделаны.

А ... Эрнан чего-то тормозит... Не май месяц. Да и кораблик в девять первый отплывает. Похоже, без нас.

– Чую, можем не вписаться... – подозревая нехорошее, подходим и сует покрасневшие носы в место ремонтного раскардаша и хором интересуемся, — Чего там? Проблемы?

– Таки домкрат чего-то не работает..., – не желая вдаваться в подробности с любопытствующим балластом, буркает озабоченный водила.

А, понятно. Это нормально. С чего бы домкрату работать, глупости. Эрнану не до шуток, потому что туристы могут остаться недовольны и будут правы, вообще-то. А туристы, чтобы недовольство не проявилось глубоко, советуют тому попробовать попросить домкрат у проезжающей машины.

Похоже, Эрнан озадачен, какие-то файлы не складываются, но, как и положено «по понятиям автопомощи в условиях крайнего Севера», я знаю, по Колымской трассе ездила, рядом с нами сам тормознул бодрый внедорожник с прице-

пом, из которого торчали крупногабаритные каяки.

Через пять секунд, не дослушав пояснения Эрнана, ребята сунули нам домкрат, просто сказав: «Потом отдадите. Там машину найдете». Посланцы небес торопились и поехали дальше.

–Добро. Спасибо.

Я подумала, что это группа отважных морозоустойчивых каякеров, потому что вода в озере плюс четыре. Что они отважные, я не сомневаюсь. Мы радостно выдохнули, теперь-то что, быстро махнем колесо и далее последуем к заветной!

Всех и делов-то. Но... чего-то, смотрю, колуется и колуется, маленький наш, время драгметалловое тянёт... Уже пора к администрации подъезжать, а колесо и ныне там!

И тут вдруг оказалось, что выдохнули рано.

–Ну, че там? – опять вклиниваемся в процесс мы.

–Прикипело... Не снимается... – на лице Эрнана написана работа растерянной мысли.

–И че? Первый раз такое у тебя? – удивляемся русские мы.

–Ага.. Никак. Не идет... Болтик заклинило...

–И чего, серьезная проблема? – еще не веря в такую «белотелость» мест ного дальнобойщика, пытаюсь прояснить ситуацию на предмет оценки ее водителем я, – Ты че?

Несчастный не отвечает и истово пытается опять сдернуть колесо. Похоже, серьезно. А мы в тундре. Мороз и солнце. Хорошо, конечно, что дождь отшаманили «взад»... Но вет-

реной морозной романтики хватает.

Эрнанчик периодически закатывает глаза к небу и, наверно, внутри матерится по-испански. Черт, а это ведь уже не шутки, реальное «попадалово». На девять мы однозначно не успеваем.

Что надо в таких ситуациях? Хоть какая-то помощь. Лично мне. Ну, вот просто, даже если кто-то изобразит участие, или немного волеет туда силы, поддержит, и то шанс на сдвиг с мертвой точки увеличивается. Ведь не атомный же взрыв произошел.

Участие. Основное слово!! Ага!

«Ну, значит, – думаю, – Надо участвовать».

Эрнан пинает по ободу. Потом пинаем вдвоем. Потом сильно, потом с разбега. Молотка нет у бедолаги. Результата пока тоже. Заодно дочурке ещё пишу, за поддержкой обращаюсь, она шарит в этих делах. Толковка. Говорит: «Да, все правильно. Простучать, чем можно, по ободу». И лично ей помог как-то железный прут, который просунула сквозь колесо, уперлась в тормозной диск и как рычагом смогла снять свое прикипевшее на трассе. Как все просто.

Короче, дочура вселяет мне веру в себя, я в водителя.

Упираемся, чем можем, рычагуем, ноги поотбили. Матюкнулись два раза, вслух, для порядка, как положено. У нормальных мужиков.

Правда, колесо ни хрена не подвинулось. Но дело точно идет. Просто нужна дополнительная мужеская сила, чую я.

Эрнан не чует. Поник. Куда-то названивает. Спрашиваю – какой план, что придумал? И в этот момент понимаю, что он заказывает сменную машину из Пуерто-Наталеса!!! Которая придет... через полтора часа! А мы подождем, раз такое дело. Что?!

– Да ты не охренел ли, дорогой?! – у меня аж в горле запершило от возмущения, – Совсем сбрендил?

– Мы же не на Колымской трассе, где за три часа может ни одной машинки не проехать? – продолжаю я, глядя на забывшего про Вселенское начало маленького Эрнана, – Здесь-то проедут. Помогут.

– Так, пык, мык. По правилам надо машину вызывать, тут так принято.

Вот тут я взвиваюсь по-настоящему, твою мать!

– А ну, абориген хренов, давай помощи просить! Мне пофиг, что у вас принято, что нет!

Нужна-то всего пара-тройка крепких рук на пять минут, и все!!

– Ой, а как? ...

– Да пошел ты.

Еще не договорив фразу, я с отлитым из бронзы суровым лицом Александра Матросова бросаюсь на подвиг. То есть торможу как по заказу проезжающую мимо блестящую машину. А потом ещё одна сама по себе останавливается, наверно, тоже в герои хочет. Ладно, берём и ее. Лишней не будет.

И вот у нас уже консилиум из четырех человек на дороге! И все в теме. Здорово напоминает Россию и деловитых мужичков, копошащихся вокруг проблемы, которая сразу съезживается, и уже очевидно, что ей будет не устоять под натиском воодушевленных знатоков.

Я сразу чувствую облегчение и как мавр отхожу из эпицентра сражения. Правда, на всякий случай пристально приглядываю за процессом с фланга.

Эх-ма! Нажали! Стукнули, обколотили, ещё разок, изнутри треснем.

– Эрнан-то как оживился сразу! —транслирую я, спокойному как танк Пятаку, коллективную радость, – На земле валяется, сосредоточенный такой, красивый. Все может, все умеет. Чего придурялся?

–Слушай, —достаю я, рассматривающего скудную тундровую растительность товарища, – Он просто из-за нас, наверно, беспокоился до этого, как за клиентов фирмы, чтобы не попасть под раздачу. Да?

–Ага, а никто и не собирался. Раздавать.

–Ага, – я мельком скольжу по опять не успевшему напугаться Пятачку. «Везет же кому-то с нервной системой», — и опять подхожу ближе к месту сражения.

Процесс починки тем временем идет в полную силу. И ещё усилие, и ещё! Пошло, родимое!!!! Эх! Здорово!

Дружное «ура» сотрясает девственную природу крайнего юга. Всем спасибо, мужики! Все свободны. Удачи.

Мы успеваем на рейс в час дня. Причем с солидным запасом, поэтому до сих пор счастливый Эрнан с чувством и толком успевает нам показать, помимо вариантов прохождения троп от кемпинга до берега озера, ещё пару мест заповедных, неподалеку. Говорит, на обратном пути бесплатной экскурсией еще дополнительные дикие места охватим.

Здесь ветрено. Сдувает, когда выходим на открытое пространство, ближе к озерным просторам, просто валит с ног.

Идешь под наклоном в тридцать градусов и чувствуешь себя топольком из Пунты-Аренас. Вокруг свистит воздух, заглушая мысли и полоща щеки. Пуховик и жилетка пуховая под ним в самый раз. Пару раз пришлось взвизгнуть, когда было неясно, хватит ли массы тела быть не унесенным в неизвестном направлении. Хватило. Но... , в общем, это все: ветер, простор, солнце – веселит и бодрит. Силу даёт.

В определении мест силы, посещенных нами, по мощи добавилось ещё и это. Как легко здесь бежится, несмотря на недетскую погоду, какой ясностью наполняется тело и голова. Прячемся за холмом с наветренной стороны, здесь потише. Ничего не могу, да и не хочу, с собой поделать, когда непреодолимое желание заставляет встать на руки, прямо на берегу озера, как в детстве, когда внутренний «пер» я могла выразить полностью только таким образом.

Вспомнилось ведь! И, плюнув на все приличия и опасения, я вскакиваю и, впечатав ладони в мокрый песок, делаю широкий взмах, отправляя красные ботинки в небо. Ух-

хху!!! И чего я думала, что вдруг не смогу? Все могу. И хочу. И делаю.

И такой кайф от этого... Счастье обыкновенное, одна штука. Вот оно какое, это место. Не зря я про тебя полтора года назад узнала. И не зря мы аргентинский ледник пролетели. Потому что надо именно сюда.

Подходит катамаран, с него сливается предыдущая партия страждущих. И мы идем на погрузку. Сейчас, сейчас откроется то, что снилось и призрачно рисовалось в думах... Где ты Gray glacier?

Одним из красивых мест в парке Торрес дель Пайне является ледник Глейшер Грей (Glaciar Grey). Из четырех ледников парка, Глейшер Грей самый известный, крупнейший и наиболее доступный. Ледник длиной 28 км и общей площадью 270 квадратных километров является частью огромного Южного Патагонского ледового поля, третьего по величине в мире после Антарктиды и Гренландии.

Так вот ты какой!

Дающий энергию и молчание. Приводящий в момент «здесь и сейчас» мгновенно и непреклонно. Напоминающий о вечном и прекрасном.

– Монументально, – выдыхаю я. У Люды, по-моему, ветер выбивает слезы.

– У меня мурашки по позвоночнику, – не отводя взгляд от

голубого света, подтверждает мой друг.

С борта кораблика сносит ветром, телефон вибрирует в руках, работая как парус. Может унести туда, к этим, в реальности синим, как подкрашенный синькой снег в новый год на уличных снежных бабах, глыбам. С трудом удерживаю камеру и себя в статичном положении. Немного жутко от такого напора. Это у меня последний телефон. Надо все-таки поаккуратнее.

Вода в озере молочно-белая, как разведенная известь. Говорят, что это специфика ледников. Это правда. Странно, ожидалось голубизны и прозрачности.

Позже такую хрустальную сказочную реку, с порогом, который они величают «водопадом», и озеро на территории парка Torres del Paine нам покажет Эрнан.

Тот держит слово и после возвращения с ледника обводит нас экскурсионно по этому гигантскому парку сколько возможно по времени.

Речушки, рассыпанные камни, кипящая вода порогов, мокрые скалы, причудливые четкие силуэты разноцветных гор, желто-коричневый растительный пейзаж неземного происхождения. Я даже не верю, что вижу это сейчас, не верю, что такая красота бывает на самом деле.

Что-то пытаемся фотографировать – надо. Но я стараюсь захватить, как можно больше именно глазами. Мне кажется, что они уже сверкают внутри, переливая впечатление безграничности в распертую грудину.

В районе ледника нет интернета. Дивное ощущение. Однако так кажется не всем. По возвращению В Пуэрто-Наталес я вижу несколько десятков сообщений от Освальдо.

– Потерял! – смеется Людмила.

Ах, как приятно, когда кто-то тебя потерял и волнуется! Но, вообще, не ожидала такой волны. Самое прикольное, что он начал разыскивать меня через Людмилу, у которой тоже, естественно, нет интернета: «Не знает ли она, где Оля?».

Мы с Людкой даже недоуменно хихикаем, ведь я писала Освальдо, что мы собираемся на ледник вдвоем.

– Здорово перепугался, – констатирует Люда.

Я, довольная и удовлетворенная востребованностью, быстро посылаю приятелю кучу прекрасных фотографий с ледника. В них сквозит сказочность. А в довершение отправляю пару эффектных фото, где я от избытка чувств делаю стойку. Черт возьми, так хочется похвастаться!

Я мельком обращаю внимание, что на одном из фото мои красные зимние ботинки выглядят коричневыми. Забавная игра света, как будто другие ботинки. Впрочем, наверняка, на это никто не обратит внимания в блоге.

– Вот смотрите, дорогой, как где мы были и что видели. Я на месте, здоровая и невредимая.

Освальдо объясняет, что неожиданно иррационально очень испугался, когда мы пропали со связи в ледниках: «Я

вдруг подумал, что никогда тебя не увижу. Путешествие – опасная штука, я потерял способность соображать». Я хорошо чувствую, что он хочет передать, хотя я сама за этот день, как-то не очень переживала об отсутствии связи. Даже совсем забыла, что кто-то ждет писем. Тут столько всего!

Освальдо восхищен пейзажами голубых льдов. Предлагает всмотреться в некоторые виды воды и неба, он видит в них что-то важное, знаковое. Да, а ведь точно! Этот мазок облака над голубым безмолвием... Как же я сама не заметила.

Ему нравятся и фото, отображающие мою розовощекую от морозного ветродуя и одуревшую от громады впечатлений физиономию, обрамленную прибитым шквалом мехом капюшона, и дуракаваляние со вставанием ногами вверх на влажном песочке с камешками.

–Странно, – пишет мой друг, – На одном из снимков твои башмаки коричневые. Какая забавная игра света. Или ты сменила обувь?

Освальдо Танго: Если вы можете завтра, пришлите мне аудиозапись со своим голосом на вашем языке; стихотворение, какое угодно.

Освальдо Танго: Мне нужно услышать твой голос.

Освальдо Танго: Я тоже пришлю короткие повествования из книги (они не являются личным мнением), просто некоторые из них соответствуют моему мировоззрению и настроению.

Olga Tango: Но ты и письменный текст пришли, а то я не пойму на слух о чем там.

Освальдо Танго: Это аудиозапись из текста, чтобы вы тоже могли слышать мой голос, даже если Вы не понимаете. На самом деле это не так важно.

Olga Tango: Да, да, позже сделаю. Всего хорошего!

По прочувствованной просьбе Пятачка: «Хочу домой сегодня!», несмотря на мои сильные сомнения и уговоры, покидаем Наталес и едем вечерним автобусом в Пунта-Аренас. С прибытием в двенадцать ночи.

На удачу, едем в дом, занятый другими жильцами, не дозвонившись с лету до хозяина, который в загуле. Но охота у Пятачка пуще неволи, и мы возвращаемся.

Чего-то я уже подозреваю, что нам придется ночевать в какой-нибудь Пунтовской гостинице. Потому как мы в течение полутора часов не можем дозвониться Колюшке с дороги.

Наконец он появляется в сети, мы ведем переговоры в переписке еще минут сорок, пока с перерывами. Мы не предполагаем, что втолковать Николасу, что «мы понимаем, что наши койки сданы, но мы не в претензии и согласны на диван в холле, который оплатим», будет так сложно.

Особенно активно я начинаю смотреть список недорогих отелей около автовокзала, когда после вроде бы достигнутого консенсуса, Коля вдруг опять обеспокоенно ставит нас в

известность, что «комнаты заняты...». Уй, мама. И это мы подключали гугл-переводчик, пытаюсь на испанском письменно сформулировать нашу просьбу.

Я начинаю подозревать, что этот язык не так прост, как кажется. Как ни странно, когда я теряю надежду на понимание, в какой-то момент вдруг все сдвигается! Наверно, мы наконец правильно перевели наше воззвание, и уф... Николас вдруг здраво пишет, чтоб просто позвонили, когда будем стоять около дома. Тогда он с другом в течении пяти минут подъедет и запустит нас в хату. Нет проблем.

– Да ладно? Это чего, все решилось, что ли? И так просто?.. – вздыхаем с облегчением мы и успеваем еще полчасика подремать в темном автобусе.

Колю его такой же развеселый друг по имени Луисито привозит всего минут через пятнадцать нашего ночного ожидания в свете золотых фонарей, у заветного крыльца после звонка с сообщением, что важные персоны прибыли.

Колюшка, оказывается, очень рад нас видеть и даже, как я улавливаю, чувствует себя немного виноватым за проволочки в разрешении ситуации и доставленное волнение.

Во всяком случае, после того как он запускает весь наш коллектив в темный холл спящего дома и врубает полное освещение, то вместо того, чтобы сразу приняв наши огромные благодарности, тихонько свалить на продолжение банкета, он начинает интенсивно, как будто оправдываясь, пересказывать обо всем, что и как он пережил, начиная с мо-

мента нашего отъезда. Причем не шёпотом.

Друг его Луис, полненький, живой и такой же громогласный, как Колька, уже через минуту принимает в разговоре самое активное участие, суть которого в предложении, раз такая интересная ситуация со встречей, закончить этот славный вечер всем вместе, зайдясь в ритме танца на их вечеринке.

Объяснить латиноамериканцам, даже если они с сурового «крайнего юга», что их воодушевленный разговор без понижения громкости ночью может кому-то мешать спать, а именно жильцам, которые платили деньги, нереально.

Нет у них такого понятия – тишину соблюдать...

Мои, продиктованные нарастающим тихим ужасом попытки тактично объяснить, что, пожалуй, мы в эту ночь от заманчивого предложения откажемся, и свести пьяный базар к тихой интеллигентной дискуссии, с помощью вежливого шиканья и запрещающего прикладывания пальца ко рту, дескать: «Ребята, заткнитесь, пожалуйста, люди спят!» – воспринимаются, как веселая пантомима и... Вызывают очередную бурю положительных эмоций. Ёпрст...

Люда, умоляюще глядя в бестолковые Колины глаза, одной рукой защипывает пальцами свои губы как прищепкой, делая их уточкой, а другой, с вытянутым указательным пальцем, сначала показывает на комнату, где, как я чувствую, что новые жильцы собрали весь польский мат, а потом машет этой комбинацией перед его лицом, как маятник.

Это помогает, Пятак в пантомиме мастер, но на три секунды. После этого длительного затишья, Луисито с радостным восклицанием вдруг вспоминает, что он танцует танго и хорошо поет.

Мне очень хочется, чтобы с помощью пальцев рот «уточкой» сделали Луису. Или лучше с помощью степлера. Хотя не факт, что это помогло бы. Потому что я вдруг с изумлением догадываюсь, что подогретые друзья-товарищи могут, стоя в холле, общаться до утра. А нам так-то и самим спать хочется.

Каждая дополнительная секунда отдается в моем мозге раскаленным стыдом, и я внутренне уже готова, что сейчас начнется польско-чилийско-российский мордобой. О, ужас!

Перейдя в атаку, мы уже чуть не открыто начинаем выталкивать законного хозяина из собственного дома, активно поясняя, что это для его же собственного блага делается – спасаем Колюньку от «минусового отзыва» по айрбнб. «...Блин, как же полякам-то не повезло». Наконец, дверь за горлопанами захлопывается, и мы, перекрестившись, хрюпаемся спать. Причем Люда на свое место! Ее комната все-таки свободна, просто мы не сразу уловили этот момент в многословных потусторонних Колиных объяснениях.

Так что нужен всего один диван и один плед. Какой он мягкий и удобный. Этот диван. Никакой подушки не надо. А сверху на дежурный пледик, я еще свой пуховичок набрасываю. Отменно!

Луна, лизнув меня в щеку на ночь, пристраивается на своем законном соседнем диване. Вот здорово, все и разместились. Через неплотно задернутую штору в темный холл проникает бледный отсвет уличного фонаря. А все-таки мы устали.

Утром сквозь сон, разлепив один глаз, вижу, как бледные поляки снуют по дому, готовясь к раннему отъезду. Желая выразить сочувствие и сожаление, осторожно киваю издали: «Дзень добри».

Радости большой, как лишний элемент в общем холле, я не вызываю, потому что, ясен пень, воспоминания о ночи в дурдоме еще крайне свежи. Что делать, простите, пожалуйста, ребята. Ей богу, не специально...

«Как хорошо, что воспитанные попались, – тихонько шеплет полусонная благодарность, – Я бы точно не вынесла».

Когда в следующий раз я вынырываю из сна – никого уже нет. Всех выжили. Луна, моя Луна счастлива, что я проснулась, мы обнимаемся и еще немного валяемся вместе на уютном диване.

Из ПЗ. Я могу смотреть на тебя бесконечно

Сегодня у нас полный день в Пунте. Но он последний.

С утра мы немного работаем в интернете, сидя за стеклянным большим столом. Я в блоге, Люда с кем-то из учеников. Тишина, завывание ветра на улице. Я напоминаю себе полярника на зимовке. В теплой одежде, у гудящей печки,

собака рядом верная. Интересное ощущение. Мне комфортно и трепетно. По-моему, именно об этом я и мечтала всю жизнь. Покой.

Днем прощаемся с Пунта-Аренас. Луна увязалась на последнюю прогулку вдоль океана. Счастлива! Бегает, как угорелая, норовит при переходе дороги напугать водителей встречных машин, но умница и слушается, аварийных ситуаций не создаёт. Почти.

Долго гуляем, дойдя по кромке берега почти до центра.

Очень солнечный и реально теплый день сегодня, даже сняли куртки по дороге!

Лето. Кусты мелких ромашек подставляют личики потоку солнца и радуются сюрпризному теплу. Луна норовит обильно меня облобызать слету, на прощание. Заражает своим неприхотливым счастьем.

Волны бесконечно накатывают на песчаный берег, бледный горизонт слипается с серыми водами Магелланова пролива.

Olga Tango: Здесь очень красиво. Бледный горизонт слипается с тяжелыми водами океана.

Освальдо Танго: Como poder traducir en espanol lo que hablas te trata de hablar algo en espanol como salga.

Освальдо Танго: Как переводить то, что вы говорите, на испанский? Переводчик пытается говорить что-то по-испански, как это выходит? Что слипает-

ся?..

Olga Tango: Хреново. Я не всегда понимаю, что надо точнее подбирать слова. Без иносказаний. Значения ваших слов не всегда соответствуют нашим.

Освальдо Танго: Я тоже чаще догадываюсь, о чем ты пишешь на самом деле.

Освальдо Танго: Я выясню, есть ли у меня здесь, в этом районе, учитель русского.

Olga Tango: Отлично!

Olga Tango: Ты просил русское стихотворение. Мне захотелось послать вот это.

Olga Tango: Может быть, есть хороший перевод этого произведения на испанском? ... Я тоже поищу. Это отличные стихи. Борис Пастернак.

«Единственные дни».

Olga Tango:

*На протяженье многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим.
И повторялся вновь без счета.
И целая их череда.*

*Составилась мало-помалу.
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.
Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,*

*Дороги мокнут, с крыши течет
И солнце греется на льдине.
И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.
И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.*

*Olga Tango: Как правильно сказать по-испански:
«Единственные дни»?*

Los unicos días? Так верно ?

Освальдо Танго: Да, можно так сказать, но нужна ссылка, например, единственные дни, когда я был счастлив, единственные дни тепла.

Olga Tango: Да, да! Именно единственные дни настоящего неподдельного счастья!

Освальдо Танго: Я понял.

Глава 22 Сантьяго де Чили

Вылетели и прилетели. Из Пунты-Аренас в столицу.

Все как обычно: досмотры, квитки, ожидание приглашения в самолет, пристегнулись-полетели, толчок, кстати, в этот раз весьма ощутимый, при соприкосновении с твердью, грохот шасси о бетон, ожидание багажа.

Несмотря на неизбежные тяготы дороги, опять при наборе высоты, ловлю в себе это бесконечно волнующее и радостное ощущение перемещения, течения, новизны... Глядя в иллюминатор, я тихонько напеваю:

«Там за облаками. Там-тара-рам-тара-рам...!».

Патагония под крылом самолета необыкновенно красива... Фотопопытки зафиксировать это в статике, понятно, что бледно передают мощь и цельность этих мест...

Кочевая жизнь продолжается – то взлет, то посадка. Песня такая есть у Визбора: «Уходишь – счастливо! Приходишь – привет!».

Потом стандартные вопросы по Вотсаппу хозяину очередного обитасьяна на сайте сервиса Airbnb, произносятся как Айр би эн би, корректен ли адрес, указанный на сайте, для понимания водителя такси, и можно ли заселиться пораньше. Поиски дешевого трансфера до места. Обживание нового пространства: «Ах, вот тут здорово», а тут: «Сейчас

все переставим и вымоем» или «Выдайте полотенца, пор фавор».

И первый выход в ГОРОД. Особенно, если ты собирался сюда в мечтах последние лет десять.

Он прекрасен. Сантьяго.

Ничего особенного не происходит, но ощущение «дома», словленное в Пунта Арена, продолжается. Только здесь лето, и опять благословенная для меня жара! С ветерком. Так, как я люблю! Ясное-преясное небо синее. Потоки тепла и солнца прилипают к голым ногам, заставляя вздымать грудь от удовольствия. Хочется бесконечно бежать, неважно куда и наслаждаться вкусным, очень вкусным воздухом!

И который раз, не имея возможности сдержать восторг от «открытия» потаенных глубин себя, любимой, отмечаю при-выкшему к моим телячьим излияниям Пятачку, что для меня – нюхача, это прям, первейшее дело:

– Тело считывает недостающую информацию из запахов, расслабляется и успокаивается! – обливаю я друга эйфорией от растворения в необъятности мира. – И все в порядке, когда «все дома». Мне так классно! Представляешь? А тебе?

Пятачок отлично представляет и, снисходительно покачав головушкой, изрекает: – Да уж. Мне тоже нравится. А воздух, по-моему, здесь пожирнее, чем в Байресе.

– Да! – воплю я, упиваясь ароматами, которые источают напитанные теплом деревья и цветы, – И безумно красивая архитектура здесь.

Понятно, в центре.

Сантьяго (исп. Santiago — столица и крупнейший город Чили. Административный центр Столичной области и провинции Сантьяго. Представляет собой конгломерат 37 разрозненных коммун без единого органа управления.

Население — 5 279 190 человек (2020), или 36 % населения страны, один из крупнейших городов Южной Америки. Главный политический, экономический и культурный центр Чили. Производит 43 % ВВП страны (2005). Транспортный узел на Панамериканском шоссе.

Город расположен в межгорной котловине у подножия Анд на высоте около 540 метров над уровнем моря, менее чем в 100 км к востоку от Тихого океана, подвержен землетрясениям. Климат средиземноморский.

Основан в 1540 году испанским консулом Педро де Вальдивия, назван в честь святого Иакова. Имеет статус столицы с 1817 года.

В прошлом на территории современного города проживали инки. В декабре 1540 года в долину реки Мапочо из Перу прибыли испанцы под предводительством конкистадора Педро де Вальдивия, впоследствии ставшего первым губернатором Чили, который 12 февраля 1541 года основал город под названием Сантьяго-де-Нуэва Эстремадура. Эстремадура была родиной Вальдивии в Испании.

Строительство нового города было поручено Педро де

Гамбоа, который спроектировал улицы по гипподамовой системе. В центре была разбита главная площадь — Пласа де-Армас («Оружейная площадь») с домом губернатора, собором и тюрьмой. Несколько месяцев спустя Вальдивия был вынужден отправиться на Арауканскую войну, и 11 сентября 1541 года Сантьяго был разорён индейцами.

Из всемирной кладези знаний

Метро в Сантьяго сочетает в себе как рельсовое передвижение на металлических колесах, так и на резиновом ходу, как в Мехико, помню- помню – зелёная линия номер пять. Чистое, красивое, но очень дорогое, как, собственно, и вся жизнь. Проезд семьдесят один рубль на наши, по сравнению с байресовскими тридцатью и мекхианскими шестнадцатью. Собственно, здесь, в Сантьяго, мы первый раз как-то стараемся брать с собой «жрачку», если домой не возвращаемся днем. А мы не возвращаемся, потому что город гигантский, и если куда упёрся, то уж с концами. И если взять чайку по пути, минимум сто двадцать рублей, ой-ей, и со своими бутерами умять, то и ничего в роде.

– Чем дальше едем, тем дороже страны попадаются, – хмурюсь я.

Сейчас сентенции по поводу дороговизны Гватемалы, по сравнению с Мексикой уже так смешны. И Уругвай вроде ниче так... хотя... Из надёжных источников знаем, что Чили по сравнению с Новой Зеландией, покажется дешевлешим

уездным городом. Но пока это теория. М-да... вот как-то не получается сразу привыкнуть к высокому уровню, типа, жизни... Смотрим цены на бензин! Делим на десять и примерно можно определить цену в рублях. Девяносто три... Нормально. Еда тоже дороже привычного.

— Все мне здесь нравится, просто очень, — определяю я, — кроме цен. Ну вот задраны цены, ну не верю я, что это столько стоит... Хотя мало ли во что я не верю. Где ты, Мексика?

— Да уж. Помидоров по двадцать рублей, как в Байресе, тут тоже не купишь.

Но в чем мы себе не можем отказать, так это в мороженом! Если идти от нас на метробус, это минут десять, то по дороге есть торгово-развлекательный центр, не самый громадный, но миленький и породистый. Так вот, именно там мы случайно при осмотре тряпичных магазинов, обнаруживаем на втором этаже с торца лавку с йогуртовым мороженым. Сначала берем на пробу просто потому, что захотелось тут посидеть на диванчике под пальмой с обзором на все стеклянные этажи центра. Разок можем себе позволить.

А потом мы понимаем, что ничего вкуснее и качественнее из мороженных не ели в жизни, и позволяем себе еще раз, и еще раз. В общем, каждый день. Под разным топами и в разных вкусах. Хотя бы просто шарик белого пломбира и шарик шоколадного, или фисташковое и манговое.

О, мы фанаты этого яства, и нам почти без труда удастся

себя убедить, что оно не очень калорийное и что стоимость его, почти в триста рублей, для такого качества вполне адекватна. И доступна. Люда так в этом совершенно убеждена. И я теперь тоже.

Все достопримечательности Сантьяго посещаются, как между делом. Что попадется, то и хорошо. Опять отсекаем, что не испытываем никакого желания таскаться по экскурсиям, музеям, рекомендованным путеводителем.

И не то, что не интересно, а просто Дух свободы какой-то чилийский, буйный здесь преобладает. Прямо протест против галочек и – «по- перпендикулярных» палочек.

– Страна землетрясений, – вспоминает Люда, – энергетика такая, наверно.

– Точно! – доходит и до меня, – Точно! Везде, где вулканы, да стыки земной коры гуляют, там и атмосфера буйная с революциями беспрестанными и качанием прав. Вспомни Никарагуа.

– Не знаю, насколько сильно это влияет, но что имеет место быть – однозначно.

– Тогда, забьем на культурную программу? Как получится. Здесь гулять хочется.

– О, именно это я и хотела предложить!

Из того, что уловили походя

Дивный парк Форесталь. Все продумано, тень и свет. Фонтаны и лавки. Дикий ландшафт и отшлифованная без-

упречность площадок. Деревья и цветы. Уходить не хочется. Вход бесплатный, но надо записаться для статистики в журнал на входе. Откуда, кто и куда. Опять буйные восторги по поводу России. Приятно, черт возьми!

*Посмотрели на президентский дворец Ла-Монеда. Изда
лека. Оказывается, это здание известно прежде всего тем,
что именно здесь во время военного переворота 1973 года по
гиб президент-социалист Сальвадор Альенде. А я ведь пом
ню все эти события, хотя маленькая была - здорово они
тогда по телевизору освещались. Злобный Пиночет, перево
рот, Чили в огне. Помню так сочувствовала бедным чилий
цам, лишенным социализма.*

*Шли случайно мимо и все-таки зашли в Национальный
музей изящных искусств. Понравилось. Особенно африкан
ская скульптура.*

*Холм Сан-Кристоваль. Со статуей Девы Марии. Виды на
город открываются потрясающие, забрались пешком, в це
лях укрепления здоровья и экономии средств при отказе от
помощи, в виде умопомрачительно дорогого фуникулера. Со
рок минут по жаре и там. Оказывается, это то самое ме
сте, с которого и было сделано, как оказалось, то ночное
фото города, что я долго использовала в качестве заставки
на моем персональном компе! Свершилось.*

*Город находится в котловине между железорудных гор,
и вечером на закате природная дымка, географически со-*

путствующая этому месту, приобретает сказочный оттенок. Преломленные лучи солнечного света, через нее город окрашивается во все переливы фиолетового, красного и розового цвета. Сантьяго уходит в сумерки.

В Сантьяго де Чили тоже танцуют на улицах народные танцы. Зачем

сюда так хотелось до сих пор не знаю, да и зачем ментализировать, если мне просто хорошо и уютно.

—Люда, знаешь, чего вспомнилось? Как в Барселоне две чилийки в народных одеяниях встретились в парке Гуэль. Наши пути тогда чудесным образом пересеклись, их заметила моя подруга и умудрилась разговориться. Не зная ни слова по-испански, мы понимали, что нас зовут в гости.

Освальдо Танго: Я безусловно рад, что ты находишься в добром здоровье и прекрасном расположении духа. И что твое путешествие продолжается. Освальдо Танго: По каким-то причинам я испытываю непреодолимое желание знать о тебе все. Это похоже, будто я знал это, забыл, а теперь вновь вспоминаю. Радость узнавания испытываю. И даже не могу удивляться.

Освальдо Танго: Ты мне не сказала, какую конкретно работу ты выполняла. Ты инженер по какой специальности?

Olga Tango: Теплоэнергетика. Производство и выработка и поставка тепла, газа, вентиляция (госпо-

ди, как же это на испанский перевелось, по-моему, косячно).

Освальдо Танго: Я знаю, про что ты, это увлекательно. Да, нам это подходит)).

Освальдо Танго: Я говорил тебе, что я тоже инженер, механик и энергетик. Короче говоря, я имею строительную фирму, выполняющие все виды ремонта от электрики до сантехники. Я работаю на стройке, делаю работу, что заказывают клиенты, направляю людей на разные работы. Штат большой, постоянно не держу, а нанимаю исполнителей в зависимости от предстоящей задачи.

Olga Tango: Да, я понимаю. Ты шеф.

Освальдо Танго: Ага. Кроме того, ранее я преподавал в колледже обслуживание зданий, как профессор-механик.

Olga Tango: Эксплуатация зданий, знакомая тема.

Освальдо Танго: Еще я давным-давно построил несколько домов в Лухане и сейчас сдаю их в аренду.

Olga Tango: Так ты еще и домовладелец.

Освальдо Танго: Да, это было заманчиво, и я думал об этом. Но доходы от сдачи в аренду не так велики, и главное, я люблю заниматься строительством, нетривиальными инженерными задачами, а больше всего мне нравится работать руками.

Olga Tango: Подходит мне.

Освальдо Танго: А Вы конкретно, какую работу вы выполняете, менеджер или вы занимаетесь какой-то задачей по техническому контролю качества?

Olga Tango: Я номинально являюсь руководителем отдела, но на самом деле работаю над проектами одна или только с одним помощником. Я анализирую систему теплоснабжения города и даю рекомендации, как это сделать эффективнее.

Освальдо Танго: Мне это нравится, и я много знаю о геотермальной энергии.

Olga Tango: Мой офис находится в Москве, но я больше работаю дома в городе Череповце. Удаленно.

Освальдо Танго: Это идеальная дистанционная команда.

Освальдо Танго: И так, они поставляют горячую воду для домов. И в промышленности для отопления или для потребления. Здесь это делается с помощью автономных резервуаров для нагрева воды или частных котлов, в редких случаях только проточная вода, нагревается природным газом.

Olga Tango: Я правильно поняла, что в Буэнос-Айресе централизованное отопление домов с большими котлами не применяется. Применяется местное теплоснабжение?

Освальдо Танго: Верно.

Olga Tango: Кто поставляет газ? Есть ли в Ар-

гентине добыча природного газа?

Освальдо Танго: Да, есть. Но и импорт газа тоже есть. Здесь, в Аргентине, энергия используется совершенно неэффективно, то есть специалисты, которые изучили, чтобы эффективно использовать энергию, чтобы сделать ее максимально пассивной, на самом деле не принимают наше преимущество, потому что они продолжают работать с очень старыми системами, ископаемым топливом и т. д. Компании заинтересованы в том, чтобы брать деньги за границу как можно дороже и предоставлять наилучшее обслуживание.

Olga Tango: Перевод, как всегда, оставляет желать лучшего, но суть улавливаю.

Освальдо Танго: Национальная компания Fiscales oilfield, в свою очередь, продает 49% акций иностранным компаниям. Какие из них получают наибольшую прибыль и добывают газ и нефть, а НПЗ продаются внутри страны, и также экспортируется до такой степени, что иногда нам приходится покупать газ и топливо, потому что они не соответствуют требованиям, или из-за очень плохого управления всем, очевидно, что для них нет управления, потому что они забирают все деньги.

Olga Tango: Хм... Ну что делать, везде так.

Освальдо Танго: Да и технически, у нас очень хо-

рошие техники и профессионалы, но, если государство должно делать самые большие вложения, это не способствует наиболее благоприятному для потребления жителями, что мы можем сделать, я знаю о солнечной энергии, я уже говорил вам об использовании геотермальной энергии, но им все равно.

Olga Tango: Надеюсь, я правильно тебя поняла. Но я стараюсь не тратить энергию на беспокойство о том, что я не могу исправить. Я делаю то, что зависит от меня, стараюсь делать это хорошо. Меня не беспокоит политика страны. Я пытаюсь использовать свою энергию на творчество.

Освальдо Танго: Чудесные нетронутые энергии. На самом деле я тоже не беспокоюсь, просто у нас латиноамериканцев привычка “ругать” правительство находится в крови.

Olga Tango: И у латиноамериканских мужчин особенно. Понимаю.

Просто такая манера. Мы сейчас обедаем в ресторане, тут звучит танго. Ооо... я скучаю по танго ...

Освальдо Танго: А по мне? Вы разрешаете мне сегодня заняться танго?

Olga Tango: Да, если Вы будете представлять, что танцуете со мной.

Из ПЗ. Орел и Решка или, как я ходила за сокровищами

Ещё в Пунте моя ихита, то есть дочура, подбросила эту коварно соблазнительную идею, поискать в Сантьяго сто баксов, упакованные там под камешек в одном коварном месте ведущей Орла и решки.

Как оказывается – одна из немногих прятков, где денюжку еще не обнаружили. Соблазнительно в кладоискателей поиграть? Ага!!!! Ребеночек мой выяснил все, что можно, по этому вопросу, потратив пару часов на определение максимально точной локации заветного. Удалось. Правда, любая точность – это плюс минус двадцать метров. Думаете, это мало? Ну, это мы уже потом поняли. Что много. Когда опыт пришёл. Гигантскими прыжками под знойным солнцем.

А так, деньги эти, товарищи-ведущие прятали ночью, опознавательных знаков на видео не видно и даже конкретный участок для поиска определить по фото не очень-то легко. Не буду подробно описывать, как мы ещё по ходу приближения созванивались с дочкой по ватсаппу, и она крутила меня налево-направо, сетуя на мою недогадливость, и двигала к заветной цели в прямом эфире. А на улице сорок два градуса, и, хотя я люблю такую температуру, долгое нахождение под прямым солнцем не есть хорошо. И пару раз это «не есть» загоняло меня на газон, где из сопла поливалки расфыркивалась дисперсионная водичка, поливая окружающие кусты и травки. Ааа!! Спасение, какой кайф. Первый

раз случайно заперлась туда в поисках и немного была шокирована, попаданием неожиданно холодной влаги на тельце, а потом спецом направлялась туда и, вымокнув по подмышки, с блаженной улыбкой, вытирая мокрый телефон, выползала обратно для продолжения розыскных мероприятий.

Правда, после третьего захода, пришел серьезный дядька в спецовке на голое тело и перекрыл воду. То ли график, то ли жаба задавила.

В общем, само место хоть и не молниеносно, но мы вычислили. Точно оно. У меня фото и видео так-то скопировано. Только все маленькое на телефоне и качество, как специально... Полное дерьмо.

А может и, правда, специально. В общем, эта «прятка», как выяснилось, находится на огороженной ныне территории.

С одной стороны автострада без тротуара, с балюстрадой металлической. Значит, горячей, при перемещении через нее. Это важно! Но не преграда...

Просто территория-то обнесена зелёным высоким забором-решеткой,

который в обозримом видении и конца не имеет. Гигантская такая территория огорожена с непонятным назначением.

Судя по запущенности, вообще без назначения. Короче, представление о том, как меня снимают с забора или с перил автострады бдительные охранники и под белы ручки-

ки ведут на расстрел, показалось мне не самым привлекательным... Хм, но попадать туда надо, по-любому... Взглянул за грузди, так накройся корзиной... Все-таки решила сначала поискать вход. А вдруг.

Пятачок, как личность дальновидная, еще в середине поиска решил свалить в ближайшее кафе и под предлогом того, что стельки тапок к ногам приклеились от раскаленного асфальта, аккуратно с невинной, светлой улыбкой оставил меня на полпути к заветной сторублевке. То есть стобаксовке.

Мудрый этот Пятак, ничего не скажешь. Жизнь подтвердила. В общем, пошла я в обход, искать проход. Про себя решила, если не получится, полезу через баллюстраду и хрен с ним... Иду, значит, иду, машины параллельно мимо со свистом навстречу пролетают. А забор-змея, зараза гигантская, не кончается. Но должен же где-то! Ага. Калитка. Но, конечно, закрыта, цепи какие-то никелированные навешаны.

Что уж, мать вашу, за секретный объект такой!... Там даже вышка какая-то наблюдательная брошенная стоит. Без людей. Иду, вглядываюсь. Ещё ворота нарисовались и тоже, естественно, на замках. Вижу сквозь решетку строения. Ну, вот! Понятно, что здесь. Обыкновенная трансформаторная подстанция, только большая, районная, наверно, какая-нибудь. Ну, тогда, конечно, смертельный объект... Леся пишет, не парься, раз уж такие препоны, не ходи...

Но врагу не сдастся наш гордый варяг. Хренушки теперь. Дохожу по инерции до последнего угла и вдруг вижу... про-

ход! В виде распахнутых еще одних, зелёных ворот. Не, реально... материализовались незапертые ворота! Я, ещё толком не поверив в удачу, не меняя скорости, проплываю через воротную черту и продолжаю, притворяясь невидимкой, двигаться дальше. Очень хочу быть духом бестелесным и прозрачным. И, правда, вроде как не замечают, один посмотрел и поздоровался. Я тоже «ола» кивнула. Ола (hola) – это привет по-местному. Кстати, иногда они произносят «Оля», на чистом русском, и я до сих пор пытаюсь обернуться и поискать, кто же это меня окликает!

Иногда просто дёргаешься. Если объяснять местным (пару раз пытались) почему я рефлексирую, у них начинается смеховая истерика на проблему дамочки, которую зовут «привет»! Типа «эй, ты».

В общем, когда один из валящих бензопилами старые эвкалипты товарищей спокойно, как со своей, поздоровался, я прикинула, что, может, все и нормально. Может, решили, что я тут работаю. Почему нет? Это придало уверенности и я, войдя в роль, начала шагать деловитой поступью, сурово сдвинув брови, и целенаправленно. Вдруг прокатит. Ну, точно, даже внимания не обращают! «Ай да Пушкин», – похвалила я себя, любимую. Неужели дойду в заветный угол? А он самый дальний и левый. И как на ладони сверху. Когда рабочие остались позади, сомнений не осталось – я почти у цели!!!! Никого нет! Где мои сто баксов?!!!!! Цель, правда, оказалась размытой. Сначала я переворачивала камешки,

которые казались подозрительными, их было много. И каждый прямо все подозрительней и подозрительней предыдущего.

Потом решила применить дедукцию: «Мы не будем полагаться на слепой случай!» И, увеличив, как возможно, средне-паршивого качества фото, стала искать признаки, позволяющие определить место клада, хотя бы с точностью до метра, двух. А то тридцать шагов от перекрестка, это интересно, от середины считать или уже когда земля началась. И шаги-то чьи? Какой длины? Копаю. Нет, не видно... Раз и нету, два и нету. Одиннадцать и опять голяк. Самое противное, что абсолютно точно вижу, что здесь проходили допработы и камней вывернуто и нанесено больше, чем было тогда, и, скорее всего, пропиты уже мои денежки местными счастливыми.... Но чем черт не шутит... Я же так верила, что найду их... В голове уже крутится абрис героического рассказа о победителях или «Как я нашла сто баксов!»

«Буду продолжать искать», – решаю я. Не прощу же себе. Ежели вот так бездарно сдамся.

Внимательно всматриваясь в фото и в местность, определяю камень, вросший в землю около авантюристки из Решки и вычисляю примерную проекцию по стыковке столбиков перил балюстрады наверху.

Они идут по одному, но через некоторый промежуток попадают два подряд. Вот через один пролет вперёд от такой стыковки, она и копошится на видео. И в тридцать шагов это

укладывается. И фонарь на заднем плане, вроде вписывается более-менее. Хотя съёмка хорошей камерой может отличаться от моего глазомера. Но чую, что правильно все. Переворачиваю, выкорчевываю, поднимаю и заглядываю. Старательно так. Клад ищу.

Дядю Федора с Матроскиным вспоминаю в ходе земляных работ – вот сходили же за кладом и нашли быстренько! Ну чем я хуже!

На всякий случай, метров на пять вперёд и назад захватываю участок.

Камней на поверхности много. Из них выросших ещё больше.

Денег охота. Круто разыскать клад охота. В «Орёл и решку» написать, похвастаться, ещё как...

Страсть к раскопкам проявляется на глазах. Пот струится, вода допита, окрестные мухи страстно хотят познакомиться с моими липкими кожными покровами. Вкуснятку чуют. Плечо грязное от граффити, к которому я прислонилась в момент недолгого перекура.

«Пилите, Шура, пилите, они золотые». Ещё раз сверяюсь. Ну, точняк – здесь. Место, в смысле. Нету. Денег, в смысле. Решаю ещё раз присесть на камень и, типа, отпустить все желания, смириться. Обычно помогает. Вошла в образ. Смирилась, отпустила. Такая вся светлая, светлая, не алчная совсем... Добрая даже где-то. Глубоко. «Ничего не хочу, ничего не хочу», – искренне убеждаю я себя, сидя на грязном

горячем камне, обмотанная сто раз перестиранной тряпкой шарфа. Хорошо хоть тень уже от стены увеличилась, и в ней можно наполовину сидеть. Все, смирилась! Не, точно, смирилась! Отрешённо и будто невзначай включаю бульдозер по переворачиванию и выковыриванию... Э-эхх! Раззудись, плечо.

Когда ценность потерянного времени и номинал сокровища стали сравниваться, я решаю кончать это мероприятие. Овчинка выделки и т.д.

Вспаханный участок у стены был заснят на видео. Моя утомленная, пыльная морда на раскопках тоже. Сам процесс «как я не нашла денег» был не заснят, оператора нету с собой, но был потом пересказан в глазок телефона на месте археологических терзаний. Типа, репортаж.

Только это все пропало. Стёрли.

Сохранилось только фото пустого пакетика, который я определила, как «упаковочный сундучок» для баксов, и по ватсаппу случайно успела отослать....

Стерли, потому что на обратном пути, когда я, действительно отпустивши свои бурные желания и расслабившись, хотела тем же путем выйти обратно, была сцапана охраной в виде главного из пильщиков кактусов, то есть эвкалиптов.

Да, запах там... божественный. Это невероятно вкусно. Когда эвкалипты.

Я думала, что выйду, как и зашла, спокойненько – кому какое дело. В общем, ворота через которые я сюда проник-

ла, были закрыты. И даже не особо смутившись, я, как наивная чукотская девчужка в степях Украины, попыталась найти выход без посторонней помощи. Не исключено, что нашла бы. Но, ещё мне захотелось...! сфотографировать, как выглядят спиленные эвкалипты в разрезе, чтобы чувствовался запах на фото... Неисправимый романтик. Тут меня и замели. Такой наглости не простили.

Фотки ликвидировали, меня нет. «Чего там делала, чего там делала...» – бурчу я в ответ на вопросы бдительного охранника, – Гуляла, блин, по солнцепеку!» Люблю на загаженных территориях солнечные ванны в полдень принимать, до обморока. Спрашивают херню. Я уже голодная, вообще-то. Но улыбаюсь, конечно, на всякий случай, такая вся честная, открытая.

Реакцию мою на удаление фото секретных объектов этот главный по тарелочкам наблюдает – интересно ему. Не дождешься, ни один мускул не дернется на моем мужественном лице: «Подавись, жлоб».

Заценил. Тут мне ужасно хочется повредничать, себя отстоять, то есть статус-кво восстановить. Говорю смело этому стройному загорелому с буравящим взглядом: «А что, цветочки тоже нельзя снять? Секретный объект?»

Там на грудах старых опилок от эвкалиптов, (давно, наверно, пилят) проросли какие-то диковинные то ли лилии, то ли орхидеи. Нежно розового цвета, оттеняющие несоответствие происходящего здравому смыслу, напоминающие

любовь во время войны.

«Оксюморон. Сильная хрупкость. Жизнь в смерти...», – засмотревшись, подыскиваю я созвучные нутру сравнения.

А, да. Чего-то понесло, с голоду, что ли? Или с жары. Тут охранник достает здоровенный мачете. И я думаю, что, наверно, «статус-кво» он восстановит быстрее, чем я бегаю.

Короче, я сопротивлялась, но мне нарубили с помощью этого зеркального мачете этих неземных цветов. Огромный букет. Понятно, у ворот, до которых меня под конвоем довели, пришлось ещё выслушивать треп о красавице дочери главного охранника, живущей в Белоруссии. Они там все, похоже, в Белоруссию замуж выходят. Поветрие.

Объяснила провожающему, что я не скажу сколько мне лет, потому что он в виде трупа ловеласа, скончавшегося от шока у пока еще неоткрытых ворот, мне не нужен. Просто потому, что я рискую не выбраться отсюда никогда. И что оставшиеся четыре дня погоды не сделают, может расслабиться: «Ох, эти латиносы...»

Долго пользоваться служебным положением я ему не даю и до Пятачка, ждущего в ресторане, я добираюсь с опозданием всего минут в пятнадцать от обещанного.

Прибываю грязная, голодная, но вроде довольная. Ещё не поняла. С тяжелым букетом метровых цветов наперевес. От всех братков, короче. Отмываюсь в ресторанном туалете. На человека становлюсь похожей. Настроение... классное, по моему. В тонусе. Вот ведь и пойми себя. При полном прова-

ле мероприятия. Хорошо так внутри... Может, потому, что сделала все, что могла? Не знаю... Гештальт закрыт.

«И от бабушки ушла и от дедушки... При-кдю-ч-е-ние!»

Букет мы с барменом вставляем в ведро для шампанского с талой водой. И официант водружает это колышущееся розовым сооружение нам на стол. Тут его и оставляю... не с собой же таскать. Чаю заказываю горячего себе тоже ведро.

Теперь просто посидеть, просто попить чайку. И помолчать от избытка.

Хорошо...

В общем, хреновый из меня кладоискатель. Впрочем, сложно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. С дружеским приветом из чилийских застенков! Ваша комрад Ольгита.

Посылаю Освальдо, как я думаю, провокационную фотографию усталой и довольной меня в ресторане с гигантским букетом наперевес. Вот такая я, развеселая и востребованная девчонка.

Он отмечает, что длина моих шортов... которые и на самом деле, примерно, чуть длиннее трусов, и далее будет заставлять дарить букеты и приставать всяких посторонних мужиков. И что смотрится это все с голыми загорелыми ногами, конечно, потрясающе и заманчиво. Тем не менее...

Освальдо не высказывает прямо, но я чувствую, что мой

друг предлагает немного думать головой. Видимо, предполагает, что она у меня есть. Ага, спасибо за комплимент. А чего думать-то. Жарко здесь, просто очень жарко. И я здорово отвыкла в мерзлой России, что ко мне можно приставать.

Черт возьми, а как оказывается здорово, что можно. В разумных пределах, конечно.

Из ПЗ. На океан в Дель мар

–А не махнуть ли нам на море-океан? – разомлевши от столичной жары, предлагаю я.

–Отчего же не махнуть, – лениво отзывается Пятачок, – Куда?

–Понятия не имею, глянь, ты хорошо ищешь, чего там поближе, – сваливаю решение я.

Пятачок без слов углубляется в телефон.

–А вот. Пляжи Винья-дель-Мар находятся на берегу одноименного

модного курорта Чили, третьего по величине города страны.

–Далеко?

–Сто двадцать километров. Самое близкое. И восемь от Вальпарисо...

–Класс! Про Вальпараисо что-то слышала! Чего там еще интересного написано?

–Вдоль длинной береговой линии с пляжами Эль-Норте, Акапулько, Калета-Абарка, Лас-Салинас, Плайя-дель-Соль

тянется набережная Вергара, за которой расположена самая оживленная часть курорта, изобилующая ресторанами, дискотеками, ночными клубами, фешенебельными отелями.

Самый процветающий город побережья известен колониальной архитектурой, большим количеством музеев и памятников, особым национальным колоритом.

—Едем. Название подходит, Винья-дель-Мар. Прямо для меня.

—Ага.

Это действительно недалеко, и страшно удобно на рейсовом автобусе добираться. От автовокзала в Винья-дель-Мар четыре квартала, и ты уже шлепаешь по берегу, облицованному в набережную. Выбираешь место у воды на кромке пляжа, покрытого мелким белым песком

и, глаза по сторонам и на горизонт, вслушиваешься в звуки толпы воодушевленных отдыхающих разноцветных человечков и серого дышащего океана.

Спуск в воду пологий, дно отличное песчаное, правда, океанский прибой препятствует спокойному купанию. Здесь совсем нежарко от ветра, но смелый народ купается. В этот раз я не желаю упустить такую возможность поприветствовать Тихий океан и решаю окунуться. Может, и ничего.

Блин, вода реально холодная! Но раз решено, значит надо. Притерпелась, вроде и нормально: «Занырнуть под эту волну или голову лучше не мочить?»

Океан не любит нерешительных, и когда я, наконец, важ-

но собираюсь осчастливить пучину погружением без «головы», то опаздываю с толчком, и волна, бескомпромиссно толкнув тело, неожиданно легко сбивает меня с ног и проглатывает в своих объятиях. Охренев от молниеносности, я соображаю, что в кувырке прибита головой ко дну «низовкой», отходящим течением. Причем чувствительно прибита так, что мои ноги отдельно от всего остального лихо проносятся над этим всем остальным в сероватой воде, довершая разворот на глубине метра в два с половиной. Где у нас верх? Там. Так, развернуться. Как холодно.

«Теперь главное без паники, – жестко командую себе, – Спокойно».

Толчок, я усиленно работаю руками, черт, это немного глубже, чем я предполагала, а я без воздуха. Ничего, все нормально, хватит, не так уж и глубоко. Успею. Вот светлеет уже над головой, скоро кислород. Из воды, набрав скорость, я выскакиваю как дельфин на представлении. Теперь – отдышаться. «Ниче се крутануло, но все пучком, – как со стороны прокручиваю я, – Испугаться толком не успела».

Вид поддерживаю бодрый и улыбающийся, никто и не догадается, что я не хотела «голову мочить», просто лихой пловец сделал красивый занырк. Переодевшись в сухое, с наслаждением растягиваюсь на теплом песке.

– Вода такая холодная, градусов шестнадцать, не очень кайфово купаться, – сообщаю Люде, и, улыбаясь, добавляю, – Но бодрит.

– Еще бы не бодрила. Вдоль побережья Южной Америки проходит Перуанское течение из Антарктиды, даже летом не выше семнадцати, – уже успел узнать Пятачок.

– А, Перуанское из Антарктиды, – вникаю я, – Тогда понятно.

Повалявшись, я делаю фотоснимки. Что-то нужно для блага, что-то отправить друзьям и теперь, конечно, в Аргентину.

Освальдо Танго: Olguita, моя дорогая леди, в эти моменты я думаю, и когда я думаю, я чувствую огромную разницу между любовью и страстью: страсть в маленькой девочке вызывает малейший ветерок, и он же выключает ее. Любовь — это пламя, которое не гасит даже величайший ветер, а только распространяет ее.

Освальдо Танго: И это очень хорошее доказательство: я знаю, что большие расстояния гасят маленькие страсти и увеличивают большую любовь, только время – свидетель.

Olga Tango: Да, я знаю эту поговорку.

Освальдо Танго: У тебя есть парень или партнер в России?

Olga Tango: Ужасный перевод слова «novio». Не уверена, что правильно поняла, что ты спрашиваешь...

Освальдо Танго: Сейчас в разводе, больше не заму-

жем?

Olga Tango: Да, я одна.

Olga Tango: А ты?

Освальдо Танго: В разводе официально и теперь влюблен в тебя.

Olga Tango: Не преувеличивайте, пожалуйста.

Освальдо Танго: Вы должны дать мне свое полное имя и фамилию, дату рождения и время, чтобы увидеть это астрологически.

Olga Tango: Хотите сделать прогноз? Вы увлекаетесь астрологией?? Тогда и ты мне дай полностью свои данные, я тоже хочу посчитать.

Освальдо Танго: Да. Какую программу мы с тобой должны выполнить, чтобы оказаться вместе на этом этапе нашей жизни, чтобы вернуть себе правление или просто быть счастливыми.

Освальдо Танго: Да. Какая у тебя группа крови, вторая?

Olga Tango: Да. У тебя тоже?

Освальдо Танго: Конечно.

Освальдо просит фотографии всего, что нас окружает и, конечно, моей физиономии на фоне всего этого. Я потихоньку привыкаю делать фото «себя», оказывается, отвыкла совсем.

—Зачем ему столько фото? Никогда так много с юности

не фотографировалась, – чувствую лишнюю заботу я, – Еще ведь надо красиво получиться, а это нынче не так легко.

Волосы высохли.

–Ну давай, что ли, несколько фотографий меня в полный рост на фоне океана – морщусь я, вовлекая подругу.

Я сижу на белом песке, подогнув колени под себя, голубой шарф намотан на шею и падает на плечи, волосы немного растрепаны и уносятся ветром к облакам, я улыбаюсь. И в кадр над головой, распахнув крылья, влетает стремительная чайка.

Как Люда здорово умеет меня фотографировать. Как у нее получается так?... Невероятно!

– Людка! Ты же гения! Спасибо.

...Неужели это действительно я?

Из ПЗ. Мишаня

Наш обожаемый хост рыжий Мишаня! «Прыличный еврейский мальчик», аж душа радуется.

Дома практически не бывает, образован, тактичен. Если мама сказала, что тряпочку для кухонного стола надо класть на левый край раковины, а коврик после душа вешать на борт ванны, чтоб не стух, то сомнению это не подлежит, и просто должно исполняться беспрекословно. Всеми, и именно так. И это не ментальная прихоть, не принцип, а полная уверенность, что мама знает лучше. Ах, какая прелесть. Какой пре-

красный сын.

Мишаню начинаю обожать априори, потому что, мне кажется, что я все про него знаю, и с удовольствием разглядываю его житие-бытие, отслеживая по нехитрым фотокарточкам, периоды его взросления от школы до университета. Везде чистый взгляд, сметливое, открытое лицо в веснушках.

Особенностью Мишиного жилья было «забубенистое», на уровне циркового аттракциона, включение газовой колонки для подогрева воды. Колонка расположена на кухне, на стене, но перед ней стоит холодильник и в расстояние между окошечком для розжига колонки и стенкой холодильника, голову не засунуть.

Как поджигать-то? Газ вообще-то. Миша, чувствующий себя волшебником, знакомит нас с последовательностью манипуляций по добыванию огня и, как следствие, горячей воды из крана.

Если перед дыркой в колонке установить телефон с камерой, направленной на «себя», на селфи, то в зеркале видно, зажегся ли огонек после того, как ты открыл общий газовый кран и несколько раз пощелкал пластиковой кнопкой поджига на фронтальной панели. Причем постоянно держать входной кран открытым, как у нас, нельзя: «Мама сказала, что надо закрывать». В целях безопасности. Вероятность того, что незнакомые с этой технологией жильцы могут не увидеть, что огонек не зажегся вовремя, и поджечь газозвоздушную смесь, когда ее будет слишком много, мама не учла.

В общем, когда огонек загорится, а это я должна была успеть увидеть в своем меркнувшем для сонного режима телефоне, то можно добавлять газ поворотом ручки на корпусе и включить воду на проток.

При Мише получалось. Без Миши из четырех попыток добыть воду за четыре дня пребывания, удалась одна, остальные три раза до вечернего прихода хозяина приходилось споласкиваться прохладной водой, что, впрочем, учитывая, что на улицах столицы стоит милая сердцу жара, и по сравнению со страхом взорвать подчистую дом, было сущей мелочью.

В остальном все нормально, Мишино чистоплюйство и аккуратность больше радуют, чем раздражают.

Я в этот раз должна была спать на раскладной кровати с матрасиком. Подумав, а чего нам тут тесниться, спросила у Миши разрешения перебраться от Люды в большую общую комнату, вот в самую главную залу, площадью пятнадцать метров.

Квартира, надо сказать, состоит еще из трех комнаток, помимо

«залы», одну из которых хозяин занимает сам. Вторая, размером с кладовку, переоборудована в подсобную комнату с хозяйственными принадлежностями, гладильной доской, сушилкой, постельными принадлежностями во встроенном шкафу, полками с туалетной бумагой и моющими средствами.

А третья комната находится прямо у кухни и предназна-

чена для сдачи гостям. Это длинное и узкое, как пенал, помещение тоже со встроенным шкафом, вмещающее одну узкую кровать под белым хлопчатобумажным покрывалом, с возможностью втискивания поперек к дверям на ночь еще одной раскладной. Моей. Без возможности выйти по надобности.

Короче, получив разрешение «да, пожалуйста», на переселение в огромный зал, я мгновенно собираю манатки и сваливаю на новое место жительства.

Устраиваюсь на надувном матрасике вдоль большого окна, завешанного темно-синими плотными гардинами, и, обложившись дополнительными подушками и мохнатым покрывалом, понимаю, что здесь крайне уютно. Аж не ожидала. И телевизор есть. Хотя зачем он на испанском языке. Все поглядываю на стоящую в углу гитару в чехле. Думаю, не зря Микаэль ее на фото в рекламе комнаты выложил.

Квартирку ведь выбирали с музыкой, как всегда. Главной приманкой для меня является сначала цена вопроса, а потом фото музыкальных инструментов с заверением, что это не муляж и хост имеет отношение к тому, что я люблю больше всего в жизни. А именно: к музыке и искусству.

Таки угадали.

И свою музыку проигрывать есть на чем в качественном звучании, Миша колонки и усилитель, что базировались в моей обители, сразу выдает в пользование. Это не с телефона или ноутбука слушать. Отрываюсь я, танцую. Важно это

для меня. Как говорят иноязычные граждане – делает меня счастливой.

И в конце пребывания наш Михаэль исполняет по нашей просьбе, не ломаясь, как очень воспитанный человек, и очень душевно пару песен, пояснив, что это песни Виолеты Парра и Виктора Хары. Ну, про Виктора слышали, а про Виолетту впервые.

Удивительно, тут в Чили тоже все помнят и уважают свою историю.

Виолетта, оказалось, патриотические с глубоким смыслом песни пела еще в пятидесятых-шестидесятых годах. И вообще, это оказалась признанная звезда мирового масштаба, самобытное уникальное дарование, и поэт, и художник, автор и исполнитель баллад. Бывала в России пару раз в шестидесятых.

«Почему я не слышала о ней? Как странно», – мне нравятся эти песни. Мне нравится Миша, который их знает и, иногда не попадая в ноты от волнения, пытается передать нам их мощный смысл.

Мы тоже любим свою историю, поэтому наше общее селфи напоследок мы делаем под марш «Прощания славянки», от которого Михаил приходит в полный восторг. Попробовал бы не прийти.

По-моему, Миша и рад, и одновременно не рад, что мы сваливаем. С нами буйно, конечно, но интересно.

В такси смотрю на общее фото и начинаю ржать до икоты,

потому что на Людиных селфи, все, стоящие посреди симпатичных нас, мужики, получаются ...на одно страшное узкое смуглое лицо! Как близнецы-братья с жидкими бородками. Что Леонардо, что Михаэль... Непонятно, почему мужики у нее так получаются?

За час до отъезда в аэропорт успеваю позвонить Освальдо. В отличие от него я не особо люблю говорить по видео, потому как чувствую сильную неловкость от того, что не понимаю язык. Но мне приятно его видеть.

В комнату через предоставленные Мишаней колонки как раз льется мелодия танго, запущенная с ноутбука для внесения гармонии в процесс сборов.

Я сообщаю, как могу, что мы улетаем en avion a nueva zelandia сегодня. И предлагаю просто молча потанцевать. Взяв телефон, глядя в лицо партнеру, я, кружась, наполняю нами комнату. В отражении на экране телефона за моей головой проплывают стены. Взгляд Освальдо пристальный и излучает свет.

«Какие у него потрясающие глаза».

На ту сторону света

Вот одного не понимаю, как я, человек, который страховался фейковыми билетами всегда, даже при выезде из стран

в Центральной Америке с пересечением сухопутных границ, где они никому не нужны, не позаботился об этом, влетая в Новую Зеландию! Где, как нас уже напугали, все копают, вплоть до аптек, жуть как проверяют. И непонятно, почему так вышло.

Я уже, похоже, устала этим озабочиваться, а Люда еще не приняла этот раздел подготовки на себя. Оправдания потом. Хотя очень хочется сразу.

Но факт оказывается фактом.

В Окленд мы по билетам прилетаем десятого февраля утром, а когда и куда вылетаем далее, мы как-то по привычке уже не заморачиваемся, виза на въезд в Австралию до середины марта. Типа, как захочется, так и сделаем.

Короче, латиноамериканская расслабленность играет с нами злую шутку.

Если бы мы так не спешили на самолет, думая, что опаздываем, то успели бы осознать, что рейс задерживается, как раз на нужные для неспешного оформления необходимого липового билета на будущий выезд из Новой Зеландии в Австралию, сорок минут. И мы преспокойно бы сели где-нибудь на лавочку, в зоне хорошего интернета, и, рассчитав время пребывания в Зеландии, выбрали бы точку следующего отправления. И затем грамотно, по наезженной, оформили бы эту «как настоящую» бронь на дурацкий выездной документ.

И этим бы себя в рамки территориального и временного

коридора пребывания в такой хоть и дорогушей, но роскошной стране не поставили бы. Твою мать. Как я это не люблю.

Но если «бы», да «кабы», то.. в нашем частном случае, когда мы подбегаем к выходу, то уверяемся, что посадка уже почти закончилась, раз людей нет на посадку. По времени действительно похоже, что финиш.

Начинаем бегом оформлять последнюю регистрацию у молодой сотрудницы, уже непосредственно у гейта, суя ей посадочные и паспорта.

Почему-то тут у гейта эта новозеландская самолетная компания предусмотрела еще один «шмон». Не только на паспортном контроле, где мы как раз подозрений не вызвали, а еще и здесь, перед самым выходом на свободу. Именно здесь девушка со спокойным приятным лицом, выдающим принадлежность к азиатским кровям, проверив документы, вдруг так мило вопрошает: «А где ваш обратный билет? Предъявите, пожалуйста».

И услышав «какой билет, на хрен?..», и, поняв, что «нету», сообщает, что пустить в самолет не имеет права. И мы тут и останемся. Навсегда.

А мы стоим и уверены, что счет на последние минуты. «Пипец, что ли?»

Закипающая кровь с пузырьками поднимается к голове и пыхает через кожные покровы. Потому что в данный момент сгорают билеты в Новую Зеландию.

«Надо действовать, срочно! Хоть что-то делайте!» –

транслирует из покалывающих ног страх, потому что голова как-то сразу решила не принимать в этом участия.

Я ощущаю, как тело превращается в полую гулкую трубу, и слышу, будто со стороны, наши утробные взывания к сотруднице непреклонных Новозеландских линий: «А что делать, девушка? Делать-то что?! Вы что! Не понимаете, что ли?!» —мы вливаемся в преграду глазами сердитых агнцев, ведомых на заклятие.

А девушка, в серой форме, спокойно, вот зараза непробиваемая, говорит:

– Так возьмите сейчас билеты на вылет из Новой Зеландии.

– Так времени же нет!!

– Почему, вполне есть, – со спокойной вежливостью поясняет пропускальщица в другое полушарие. О том, что вылет задерживается, она опять не уточняет, видимо думает, сами понимаем. Но «понимание» это не про нас сейчас, поэтому я сначала возмущенно напрягаюсь:

– Ни хрена себе, есть! Для нее семь минут, это «есть»?

А затем пытаюсь автоматически перенять от девушки уверенность.

«Раз она реально видит шанс, значит он в наличии. И если спокойнее, то его можно реализовать».

Я все еще не отступаю от судорожной идеи о приобретении простой брони на вылет, от которой потом можно отказаться. И где тут у нас любимый сайт по бесплатному бро-

нированию?

– Ну где же ты?! – чувствую физически, как утекает время.

Надо быстрее! Легко сказать, быстрее, когда страх уже до ресниц поднялся. Пытаюсь дрожащими руками тыкать в экран смартфона, еще надеюсь на чудо, что вот сейчас получится элегантно оформить фейковую бронь.

Как в кино. Выдержку призываю свою.

Выдержка пришла, правда не полностью, а интернет ушел, правда тоже не полностью, но завис тупо, твою же мать! Так всегда от ужаса бывает. Интернет штука чувствительная.

Я ругаюсь:

– Тут не то что поддельный, а и реальный билет не взять! Хотя какая, к черту, разница, если интернет не пашет...!

Мы переглядываемся с Людой. Да, понятно. Мы уже согласны и настоящие купить, потом разберемся. Главное, в самолет попасть. Но и это никак не получается. Телефон, все-таки, среагировал на панику жестким обмороком. Скотина старая тщедушная.

В качестве помощи для реанимации интернета начинаю применять русское, словесное и сильное. Как обычно делаю в стрессовых ситуациях. Часто помогает. Сегодня нет. Не тот день. Звезды не сошлись! До вылета минуты.

Я просто вижу, как билеты Сантьяго – Окленд, сожранные нежным бирюзовым пламенем, уже почти превратились в кучку пепла. Этим пеплом очень хочется обильно посыпать

и свою голову, и непреклонной девушки, и всех, кто придумывает эти дебилские регуляции. Основанные на недоверии человека человеку!

Не мигая, еще не совсем запелёнными глазами, мы смотрим на девушку. Она на нас. Секунда, другая.

– Да, вы можете чем-то помочь?! – вдруг почти сдержанно рывкаю я на нее, как будто это она тут главная по злу и виноватости, – Со своего телефона купить или еще что?

Девушка явно пытается понять, что я хочу. Почти поняла уже.

– Нет интернета здесь, нормального! Не могу купить сама! – продолжаю сердито пояснять я, трясая перед ее восточным лицом с припухшими веками дохлым телефоном, – Разве не видите, что из-за ваших идиотских правил, приличные люди гибнут! За металл.

Тут Люда выступает на передний край линии фронта и бледными губами четко формулирует нашей сотруднице на доступном английском языке: – Можете помочь нам купить билеты? Помогите, пожалуйста. Вы же видите, как все хреново.

И тут правильную девушку осеняет, и она говорит: «Да, могу!».

– Так давай!!!

И сотрудница новозеландских авиалиний добротнo и спокойно начинает выискивать рейс на своем мобильном.

Мы переглядываемся с Людой: «Твою мать!.. Неужели не

все пропало, Лелик?».

–Ну значит, берем настоящие, – будто меня кто-то спрашивает и вопрос еще не решен, с облегчением смиряюсь я. И, оправдывая собственную бестолковость и панику, важно обозначаю в аэропортовое пространство, – Не до свободы выбора нынче.

Люда сосредоточенно молчит, что означает, что не до свободы. Девушка, как рыбка ориентируясь в глубинах сайта своей авиакомпании, быстро и сосредоточенно задает нам первоочередные вопросы для покупки.

–Дата вылета?

–Эээээ...

Мы на ходу соображаем: «На когда билет взять»? Хором спрашиваем друг у друга:

–Хватит нам двенадцать дней?

–Хватит!

–Тогда на двадцать первое февраля. Девушка, давайте на двадцать
первое.

Девушка соглашается и продолжает:

–А откуда вылет? Тоже из Окленда?

Упсс!

–А мы куда поедем в Зеландии? И, главное ... «до куда»?

–Шоб я знал, – искренне говорит Пятачок... – Куда вынесет.

–Это понятно, но надо сказать точку вылета, иначе билет

не дадут.

А девушка тем временем настаивает:

–Из Окленда?

Хочется согласиться и подтвердить, что из Окленда, чтоб быстрее все это закончить. Мозг не впиливает как-то. Но остатками сознания соображаем, что если поедем по острову «вниз» на юг, то возвращаться в северный Окленд, ну точно никак не с руки будет.

Силимся вспомнить названия новозеландских городов, которые собирались посетить, когда мечтали. Тужимся. Не, ни в какую. И карта Зеландии у меня тоже не открывается на телефоне. Потому что висяк.

Сметливая Люда вспоминает, что там есть столица – Веллингтон, и что в любом случае мы в нее заедем, потому что она в середине страны.

А если проедем дальше нее, на Южный остров, то можно и вернуться в столицу, это не в Окленд пилить обратно. И мы, переглянувшись, изображая знание географии, говорим девушке:

– Давайте из Веллингтона. Она говорит:

– Отлично. Поняла, – шевелит клавиатурой, и уточняет: –

А куда? Что «куда»?..

– Летите куда?

– В Австралию. Куда же еще.

Виза у нас в Австралию. Значит туда, на зеленый континент.

– Город какой? – еще надеюсь, что мы в здравии, переспрашивает девушка, – Куда летим-то?

Люда смотрит на меня, я смотрю на Люду, и повторяю, как попка:

«Куда летим-то?». И, надеясь отыскать осмысленный блеск в глазах друга, спрашиваю: «Ты помнишь какие-нибудь города в Австралии?».

Люда говорит: «Помню, но тебе сейчас не скажу».

А я говорю: «Я тоже так-то помню. Но воздержусь от констатации». Секунда судорожного сбора резервов памяти и о... , всплывает, что хотели в Сидней попасть, театр оперный на воде посмотреть.

Фух, слава Богу, один вспомнили! Ай, молодцы!

– Тогда давай в него и полетим сначала? А там разберемся, куда и как маршрут проложить. Не до жиру тут. Последние минуты жизни проходят.

И мы с облегчением выпаливаем ожидающей девушке:

– Давайте в Сидней! В Сидней хотим. Всю жизнь причем.

И, определившись со временем вылета по критерию: «Позже. Чтоб к ночи точно успеть в Веллингтонский аэропорт из места Икс, которое мы еще не знаем, но «откуда» мы будем в столицу возвращаться, чтоб в Австралию утром засветло прилететь, чтоб там не мыкаться», – даем добро на покупку билета с вылетом в два часа ночи.

Как всегда, процедура занимает не более шести минут. Это уже с прохождением реального платежа с моей карты.

И вот мы обладатели драгоценного пропуска на ту сторону земли в виде выездных билетов! Причем однозначно свидетельствующих о наших благих намерениях, по поводу своевременного покидания богатых сказочных островов, где снимался фильм «Властелин колец».

–Как все просто и быстро, когда делает здравый человек, – с завистливой усмешкой, в то же время переполненная легкостью от свалившейся с плеч проблемы, совмещаюсь с жизнью я.

Все! Схватив сумки, мы пытаемся быстро проникнуть, как опоздавшие, в самолет, но девушка нас опять тормозит и с улыбкой предлагает подождать.

–Что, как? – мы хором недоумеваем, предчувствуя страшное, – Мы же все оформили!

Девушка говорит:

–Так молодцы, поздравляю. Вылет просто на час задерживается, посидите пока, объявят.

И тут я начинаю нервно хихикать над собственным неискоренимым паникерством. Твою мать. Вся в папу!

А мудрый Пятачок говорит:

–А кто его знает, Оля, зачем это все надо было. Может, и хорошо, что все определилось так быстро и с реальными билетами. Не смогли сделать, как хотели, значит, и не надо.

И я, уже полностью успокоившись и расслабившись, важно соглашаюсь с мудрым другом:

–Хорошо, что хорошо кончается. Возможно, «маленькая»

большая встряска нам не помешает. Все-таки в другой мир переезжаем. Совсем в другой.

Люда, вспомнив нашу «кинокомедию», хохочет:

—А то бы здесь остались! Представляешь?

Я представила и тоже начинаю смеяться, и, желая поиронизировать, вдруг выпаливаю:

—А может быть, нам и надо было... остаться?

К теме не пристаем, потому что у нас теперь отлично, как у кошек, получается не тратить на переживания больше времени, чем необходимо. Обошлось и обошлось. Мы просто идем рассматривать симпатичный Сантьяговский аэропорт.

О, прикол! На стене около мест для ожидания, сделана фотовыставка черно-белых портретов известных людей, похоже, артистов и певцов.

Разглядывая их, мы с удивлением обнаруживаем портреты Виктора Хары и известной нам теперь Виолеты Парра. Они и на стене рядышком прикреплены! Непонятно, к чему, но забавно, мы запечатлеваем это дело на фото и тут же посылает их Михаилу, с прощальным приветом:

«Вот, дескать, ровно то, с чем ты нас познакомил, как здорово, пиши, всего хорошего и большой светлой любви! Маме привет!».

Мишка рад, отвечает, что в следующий приезд только к нему. Будет ждать. Следующий приезд... Как хорошо звучит эта фраза.

А рейс-то наш будет через Аргентину. Такие странные рейсы с пересадками тут у них в Южной Америке. Как не бери, а прямого нет, все равно с пересадкой: или в Сантьяго, если из Байреса через океан надумал вылететь, и в Буэнос-Айресе, если вылетать из Сантьяго. Интересно, почему так? Пассажиров набирают?

– А последней точкой в Южной Америке все равно Буэнос-Айрес будет. Как ни крути, – напоминаю я Люде.

– Да, – задумчиво смотрит в окно Пятачок, – Наше все.

– Сейчас Освальдо напишу. Напугаю, что лечу к нему в Буэнос-Айрес на ПМЖ, интересно, как отреагирует, – коварно хихикаю я.

***

Были какие-то потрясающие облака под нами. И горные вершины со снегом и без. Долетели до перевалочной базы в Буэнос-Айресе отлично. Вылет на самую Нуево-Зеландию задерживается.

«Наверно, чтобы осознать, проститься и с Аргентиной, – понимаем мы, – Все таки, переломная точка и вершина путешествия.

Но это уже детали, и не вызывает лишних эмоций. Мы в пути.

Опешивший сначала от неожиданности Освальдо, поняв, что «я к вам пришла навеки поселиться» только шутка, все-таки намерен приехать в аэропорт. Попытаться через окно

транзитной зоны рукой помахать.

Конечно, я великодушно отговариваю его от этой пустой затеи, потому что, наконец, врубаюсь, во-первых, что расстояние от его города Лухан до аэропорта семьдесят километров. До этого Лухан все казался ближним пригородом столицы. Во-вторых, что в транзитной зоне нет окна. В-третьих, ни к чему такие подвиги. Обозначил готовность и отлично. Не пятнадцать лет. Хотя, знаю, что внутри была бы польщена, если бы он не послушался.

В окнах главного аэропорта имени Министра Писторини непробудная чернота, и в ней отражаются стойки баров и круглые плафоны лампочек на потолке.

– Пожалуй, надо подзарядить телефоны.

Мы устраиваемся на высоких табуретах в спец-месте Free Print Zona, где и распечатать можно спешное, и поработать удобно, сидя за длинным столом-прилавком, разделенным вдоль темно-серой перегородкой с USB разъемами на обе стороны для страждущих.

Эх, а юэсбишные гнезда расшатаны до безобразия, непомерным усердием проезжих заряжающихся. Еще «живые» гнезда, те, что держат разъем методом тыка без человеческого участия, уже найдены и заняты такими же страждущими. Теперь мы привязаны к своим розеткам, руками придавая жесткость соединению, то есть держим шнуры.

Но и это не спасает – любое неосторожное шевеление и упс, зарядка не идет. Пожалуй, моего терпения не хватит.

Вокруг стоит умеренный равномерный гул, слева от нас заряжается парень в шортах, из-под которых вместо правой ноги торчит металлический протез в кроссовке.

Парень, сосед справа, метнув быстрый взгляд на нашу застывшую композицию, без звука втыкает в свое гнездо зарядник на четыре юэсбишки и делает приглашающий жест рукой, чтоб перетыкались к нему, у него держит.

Теперь можно расслабиться и отвязаться по очереди на прогулку по аэропорту. Пор фавор, дорогой! Спасибо. Мы научились ценить помощь, в любых проявлениях. Это классно. Просто по-человечески здорово.

–Как теперь без испанского языка-то будем? Практически родной стал,

– с грустью молвлю я, – Комфортно, когда он вокруг переливается.

–Привыкнем, – предполагает Пятачок, – Мне, конечно, в англий

ском пространстве спокойнее.

Время до рейса незаметно тает. Пора на посадку.

Olga Tango: Мы садимся в самолет. До свидания. Напишу уже из Новой Зеландии. Обнимаю тебя и благодарю за все.

Освальдо Танго: Я желаю доброго полета, моя дорогая. Буду охранять тебя в пути.

Освальдо Танго: Ты знаешь. Сегодня ночью я видел

тебя как яркую точку, и плавая перед моими глазами, образ твоих глаз остался, как темное пятно, окаймленное пламенем, подобно если ты смотрел на солнце.

Освальдо Танго: Куда бы я ни смотрел, чтобы увидеть, как вспыхивают ваши зрачки, но я не мог вас найти, как вы выглядите?

Освальдо Танго: Я знаю, что есть огоньки, ведущие путника к гибели ночью. Я чувствую, как тянут твои глаза. Но куда они меня тянут, я не знаю.

Olga Tango: Странное видение... Немного тревожно.

Освальдо Танго: Я скучаю по тебе. Я так скучаю по тебе.

Огромный самолетище набирает высоту.

В голове опять вертится песенка: «Там за облаками... там за облаками». Там-там-та-рам, там-там-рам...

Из ПЗ. Как больно, милая, как странно

Трансокеанский перелет протекает отлично, несмотря на то, что самолет набит почти под завязку.

Все устаканивается лучшим образом, хоть и не сразу. Люду ее законное кресло в проходе вполне устраивает, а я нахожу себе место «под солнцем», отличное от указанного в билете.

Потому что мое «указанное» было, ну, не совсем ахти, в

серединке трехместного ряда с соседями. Хоть и не упитанными, но от тесноты, ясно дело, постоянно недовольно копошались по бокам.

А ты в середине, как куколка гусеницы под раздачей, отчетливо вспоминаешь пост-утробный период тугого пеленания, безвыходный и беспощадный.

Понятно, выжила бы, конечно, мы уже неприхотливы, расслабляться умеем в каких угодно условиях, но зачем? Если через несколько рядов за мной, о неужели, есть блок кресел, где сидит всего один человек!

И я это обнаруживаю при походе в ватерклозет и изумляюсь: «Как никто не заметил это счастье раньше?»

Спящий в одиночестве на крайнем сиденье мужик даже не просыпается, когда я, задев его смиренные колени некоторыми частями своего тела, одним широким шагом просто перелезаю через него на свободное место к окну, где удовлетворенно закутываюсь в запасной пледик, и воздав небесам за королевские условия, тут же вливаюсь и сообщество дрыхнувших.

Правда, стюардессы особо ламинарно поспать не дают, потому что в час ночи кормление и пеленание, и в пять утра кормление-поение, даже выпивать заставляют, окаянные. Наливают беспрерывно, но... Не хочется чего-то. Кормят вкусно. Новозеландские линии – это, как «Эмирэйтс» благословенный. В перерывах между возлияниями мирно гудящий, туго набитый самолет окутывает сонное забытье.

После очередной побудки я неожиданно не хочу сразу засыпать, а хочу вглядываться в черноту за иллюминатором. Я пытаюсь идентифицировать немного тянущее, похожее на тоску ощущение в солнечном сплетении.

«Опять ностальгия?».

Не знаю... Зыбкие мысли растворяются от прикосновения. Вместо них в голове почему-то настойчиво материализуются слова «трясаясь в прокуренном вагоне, он полуплакал... полуспал»...

«Полуплакал, полуспал – как точно, да», – слова, как тяжелый дым, растекаются по телу и становятся моей сущью. Мерный перестук «колес» погружает меня в небытие. Я сплю и не сплю.

«Как больно, милая, как странно, сроднясь в земле, сплетаясь ветвями...». Я тихо удивляюсь, что в мареве поверхностного сновидения забытые строчки так легко возникают из ниоткуда: «Как больно, милая, как странно, раздваиваться под пилой»...

Я просыпаюсь от ползущих по подбородку слез, когда медленной волной через полупрозрачную меня протекают сотканые из света слова: «И никого не защитит вдали обещанная встреча...».

Я тихонько промокаю рукавом влагу, хорошо, что все вокруг еще спят, ужасно не люблю, когда видят, как я плачу. На высоте в десять километров.

«Так, все! Достаточно соплей! Что-то я расквасилась, –

предлагаю я себе завязать с наваждением, – Надо взять себя в руки».

Ничего не случилось. За расставанием будет встреча. Вот так, умница.

«Сейчас сделаем массаж ступней и активно подышим. Путешествие и жизнь продолжаются», – здраво объясняю себе я и принимаюсь за дело. Через полчаса оказывается, что выспалась я вроде весьма неплохо. Чувствую бодрость и голод. Реально выспалась!

Подозрительно гляжу на часы, проверить, от чего это я такая отдохнувшая, и вижу, что почти одиннадцать дня по Южной Америке!

Этому я ирреально не верю – темнотища ведь за окном, но факт есть факт.

«Вообще да, – прикидываю я, по факту догоняя теоретические основы астрономии, – Когда летишь не навстречу солнцу, то догоняешь сплошной день, как тогда на Кубу, а если в обратную сторону, как сейчас, с запада на восток через Тихий океан и ночным рейсом, то весь полет у тебя ночь. Сплошная. Вот и спится по полной программе, при таком раскладе. Со сновидениями».

Умываюсь, завтракаю, перебалтываю с Людовишной, которая в своем ряду тоже вполне довольна отдыхом, смотрю, а и лететь совсем ничего остается – часа четыре. Что мы благополучно и переживаем, занимаясь разными полезными делами, типа, дополнительной разминкой в проходе на борту

и просмотра очередного фильма. Даже как-то не верим, что так... быстро.

Из суеверия и уже по привычке, решаем заранее не радоваться. Еще в Аргентине, педагог наш путешественник Леонардо подробно рассказал о своем посещении Новой Зеландии.

И какой досмотр с пристрастием для товарищей, прибывшим именно аргентинским самолетом там был устроен, и как таможенники привязывались из-за пустяков, и досматривали в три этапа. Впрочем, Леонарду Леонардово, а слесарю слесарево. Раз на раз не приходится. Но морально подготовились. К худшему.

– Пошли. С богом.

Действительно, несколько кордонов, все серьезно так. Я спросонья в самолёте при заполнении декларации умудрилась поставить галочку «нет» на вопрос: «Знаете ли вы, что лежит у вас в чемодане?»... Ну, объяснилась. Это же прикольно, как вопрос: «Наркотики, оружие есть?».

Таможенника «выбрали» нормального, тот тоже просто посмеялся над моим огрехом, как вчерашний обаяшка на паспортном кордонном выпуске из Чили.

Тот чилийский, на паспортном контроле, вдруг заинтересовался, когда возвращаемся в Россию: Не в Австралию, а домой.

– Прямо из Новой Зеландии?

– Да с чего бы это? Чего ты нас в Россию-то запикиваешь? Страницы мы, собачку говорящую идем посмотреть.

– А как?.. – не укладывается у красавца в погонах, что перед ним великие кругосветные путешественники.

– Через Австралию, потом посмотрим, наверно, в Индонезию, – довольные произведенным впечатлением сообщаем мы. И понеслась логическая цепочка... взаимного интереса. Латиноамериканского.

Даже уходить неохота было, так бы и пикировались, блестя зубами. Но надо было в Новую Зеландию ехать. И чилец остался на своем пропускном пункте. Не спросив билеты на вылет из Новой Зеландии.

На паспортном все проходит гладко: цель визита, на сколько дней, виза в порядке, велкам. Но дальше боязливыми новозеландцами еще дополнительный контроль, с просветкой ручной клади на самом выходе в багажную зону придуман.

Опять со сверкой паспортов и заодно прилетных билетов. Который я уже неизвестно, куда положила. Билет, в смысле. Хорошо, выкидывать привычки не имею, но потерять запросто. Поволновалась, пока отрыла его в заднем кармане брюк, что он там делал и как попал, ума не приложу, проказник.

Народу, сразу с трех самолетов, накопилось с полкилометра. Окленд большой город. Рейсов множество, со всего земного шара.

Опять медленно переваливающаяся очередь из пассажиров, упорядоченная в многоходовой коридор, обозначенный оранжевыми лентами на столбиках. Всех соседей в очереди уже в лицо знаешь, потому что так и двигаемся противотокм навстречу друг другу по этому змееподобному лабиринту, то мы вправо они влево, то наоборот.

Возможно, это хорошо, что много народа. Не до глупостей там таможенникам. Не до приставаний. К моменту нашей очереди на проверку, уже изрядно уставшие мы, на вопрос в усмерть уставшего *defensor del cordon*, защитника кордона со сверлящим взглядом, о том: «Везем ли мы... НЕДОЗВОЛЕННОЕ», мы без лишних разговоров дружно стучим левой

пяткой в правую грудь и хором браво рапортуем, что контрабанду, никак нет, герр офицер, не провозим.

«Только чуть-чуть если!» – хитренько мелькает в голове воспоминание о Людиной нелегальной коке в чемодане. Но я решаю не заострять на этом внимание даже в мыслях.

–Идите на просветку.

–А билеты на выезд? Почему не проверяете? Разве не надо? У нас есть.

–Поздравляем. Да идите вы уже отсюда.

И мы идем. Я говорю Пятачку:

–Вот гадство! Зря муки принимали.

А Пятачок говорит:

–Не зря.

После последнего просвечивания я ожидаю еще како-

го-нибудь обещанного «шмона» с раздеванием, но мы уже получаем багаж и, не особо очаровываясь, я спрашиваю товарища:

–Чего, все, что ли? Люда, улыбаясь, говорит:

–Походу, да.

–Уходим?

–Угу.

И мы сваливаем. Ох...С мягким шелестом разъезжаются стеклянные двери и...

Вот и свет божий! Воздух! Новая Зеландия! Мы тута!!!
Это как? Пока не верю сама.

Ну, здравствуй!

Глава 23 Последний осколок Атлантиды

Освальдо Танго: Сердце, у меня была серьезная проблема с компьютером. Я хотел сохранить все наши сообщения WhatsApp на компьютере, но питание было отключено.

Освальдо Танго: Вы можете прислать мне все, что у вас есть, с тех пор как мы встретились? Другими словами, ваши и мои сообщения с тех пор, как мы встретились, потому что они очень важное сокровище для меня. И с этого момента я буду записывать их в блокнот, чтобы они не стирались.

Освальдо Танго: Я с нетерпением жду тех сообщений и всего остального от прошлой ночи, потому что я был полусонным, а потом не смог их прочитать.

Olga Tango: Да, конечно. Теперь нам надо чаще делать резервное копирование.

Освальдо Танго: Однозначно. Оказывается, я до холода в позвоночнике боюсь потерять любое, связывающее нас с тобой.

Из ПЗ. Окленд и его окрестности

Наш территориальный угол, где миленькую комнатку мы сняли в доме у китайки, живущей с мамой и двумя детьми, похож на большую деревню. Все здороваются, тишина, одноэтажная застройка, малоллюдно и очень чисто. Про цены молчу. Чего зря рефлексировать. Это опять из разряда:

«В Чили дорого было? Ха! Павлины, говоришь... Эх ма!».

Здесь в Окленде тепло. Я была готова к подтверждению интернетовских зарисовок о возможности резких похолоданий и тому подобное. Но оказалось очень даже приятно. Даже жарко. Днем можно купаться. Главный критерий.

Во всяком случае, когда я, не таская за собой уставшего Пятачка, убежала в первый день знакомиться по-быстрому с окрестностями, то случайно обнаружила в паре километров от нового адреса водоем с песчаным берегом. Впоследствии определила, что он относится к акватории дальней оконечности залива Hillsborough bay и является частью Тасманова моря.

А пока, практически не раздумывая, только скоренько убедившись, что людей вроде поблизости не наблюдается, быстро с укромной стороны небольшого пляжа сиганула в воду, оставив для приличия на себе только трусы. Вода хоть и не перевозданной чистоты, но соленая и достаточно теплая. Я даже не уверена, что здесь можно купаться, но на реальный пляж достаточно похоже. Ох, как же я соскучилась по

плаванию в море. И если очень хочется, то можно.

И лишь намного позже, когда я, довольная заплывом, уже вылезла и, переодевшись, все-таки прикрываясь шарфиком, а вдруг кто наблюдает, в шорты на голое тело, наслаждалась теплом песочка, на берегу появилась компания из трех очень пожилых людей, старика и двух манерных дам, которые немного поболтав, так же начали принимать морские ванны. Причем плавали они отлично и гораздо дольше и дальше, чем я. Тут я поняла, что нюх вывел правильно. Это нормальное оклендское место для купания.

К вечеру стало немного холодать. Это хорошо, что я переоделась. Ненавижу мокрое белье на теле.

Из глубин интернета

Окленд, год основания 1840, – самый крупный город Новой Зеландии, единственный миллионник. До 1865 года был ее столицей. Зажатый между бухтами Хаураки и Манукау на тонком перешейке Северного острова, стоящий на пятидесяти трех вулканах, он разделяет Тасманово море и Тихий океан. Это красивейший город-порт, один из немногих на планете, что имеют выходы к разным морям. Новозеландцы прозвали его «городом парусов» за бесконечное множество парусников, яхт и катеров у причалов. Небоскребы диковинной архитектурной мысли соседствуют с английскими зелеными газонами, местные жители никуда не спешат, и иногда кажется, что спят на ходу, а погода не предска-

зуюма.

По комфортности проживания говорят, что Окленд входит в десятку лучших городов планеты. В городе проживает больше трети всего населения Новой Зеландии. Считается, что основное население – это европейцы, а на втором месте – азиаты, что-то около 19 процентов, потом – аборигены маори 11 процентов.

Телефонный код +649. Часовой пояс UTC+12.

Климат в Окленде мягкий и теплый. Это, пожалуй, самый теплый и солнечный город среди всех крупных городов Новой Зеландии. Однако, погода тут переменчива, рекомендуем всегда иметь при себе зонтик, так как в течение дня дождь и солнце могут сменять друг друга не один раз. Дни без дождей бывают только новозеландским летом — с декабря по март. А вообще, дожди здесь идут круглый год.

Эх, пропало начало рассказа! Уснула вчера, не дописала. Придется переписывать... В общем, территория города большая, преимущественно одноэтажные частные застройки. Население примерно миллиончика полтора с копейками. Окраины – чисто деревенский уклад жизни. Давно в таком сладком покое не почивала.

Пешком тут не ходят. Или бегают трусцой от инфаркта по жаре, или на велосипедах ту же кардионагрузку добирают, но в основном, конечно, автомобили все заполонили. И они, как правило, новые, всех моделей приличных. Как до-

ма. Только Бентли побольше. И все блестят, как у кота одно место, потому что грязи нет и лето.

Машины здесь у всех, а вот яхты всего лишь у каждого третьего.

Мы, конечно, помним, что движение здесь левостороннее, а транспортные средства, соответственно, праворульные, но теоретически. Поэтому, решив вечером для попадания домой опробовать общественный транспорт, мы долго ожидаем автобус на остановке со «своей» правой стороны. Ждем-ждем, пока не приходит едущий в обратную сторону.

«Ой, вроде ведь и знали!» – изумление насчет степени собственной нейронной инерционности перекрывает сожаление о потере времени.

Но так это дико, что перестроиться сразу никак. Даже просто перейдя на другую сторону улицы, мое тело сразу не верит, что сейчас мы поедem в нужную сторону.

– Все-таки двери автобуса, расположенные с правой стороны, вызывают какое-то внутреннее сопротивление, – заявляю я, усаживаясь в «неправильном» автобусе на переднем сиденье с отличным обзором.

Немного о голоде

Значит, если написано, что в нашем деревенском краю до

магазина пять – двадцать минут, то это на машине. И лавок с едой на каждом шагу, как везде в нормальных странах, нет!! И если ты уже немного голодный после намотанных километров решил сбегать в магазин что-то купить «по-быстрому», как мы, то тут тебя и ждёт засада...

Ошибившись с общепитом в Аргентине, где, несмотря на мрачные прогнозы бывалых путешественников, магазинов оказалось навалом, мы и от Новой Зеландии никаких подвохов не ждали. Ну не может же быть, чтобы не было дворового магазина. Как-то вот автоматом решили, что не может.

А зря.

Когда мы поняли, а лично у меня с этим проблемы, что есть нам все равно захочется, мы решили, не дожидаясь голодного кризиса, сходить в магазин. Ну, всё правильно, грамотно. По-взрослому, как Люда говорит.

С чувством лёгкого голода мы отправились, как нам с навигатором показалось, в ближайший, минут десять – пятнадцать ходьбы, естественно, китайский магазин. Нашли. С чувством выбрали харч.

Самое приемлемое, понятно. Но много. И вкусное. «Ну вот, а мы боялись! Не так уж, чтобы рядом, но терпимо» – и пошли платить.

А карта только Виза принимается. Странно, днём, когда ели в кафе в нашем районе, Мастер кард прошел нормально, а тут «сюрпрайз». Никто не предупредил. У нас с Визами

не густо. Голод уже протягивает к желудку свои сухие, цепкие ручки, но ещё ничего. Времени жаль. Банкомата рядом нет. То есть наличку не снять. Плохо у них с банкоматами на краю Зеландии.

Парню хочется, чтобы мы все выбранное купили. Нам тоже. Он уж предлагает дать ему всего десять долларов, половину стоимости, в залог, до завтра. Но и небольшую наличную долларовую заначку мы тоже, как специально, оставили дома. Чего зря таскать. Картой же удобнее расплачиваться в цивилизованной стране. Бросив взгляд, полный боли, на оставляемые на прилавке сиротливые продукты, мы ретируемся на улицу. И поскольку голод крепчает, решаем сделать жест и прямо сейчас подарить себе ещё и ужин в по соседству расположенной забегаловке. Тоже китайской.

«Наверное, в кафе пройдет платеж» – предполагаем мы, – «Раз утром в нашей ближайшей харчевне прошел». Логично. Выбираем какие-то пельмени по сносной цене, вроде неплохой выход, потому что до следующего магазина ещё минут пятнадцать. На машине. А перед глазоньками уже начинает потихоньку разливаться желтый голодный туман. Как у меня с этим быстро... Даем карту оплатить, ...упсс! Опять не лезет. Твою мать! И так и эдак! Никак! Хорошо, что здесь предоплата. Хотя, скорее плохо. Наелись бы, а потом уж как-нибудь решили, как в приключенческом кино, что делать. Парень из магазина подошёл, тоже интересуется, как мы там, ещё держимся?

А мы уже и не держимся. Умом понимаем, что сейчас придется идти в дальний всеядный супермаркет, потому что выхода нет. Но голодные, утомленные тела сопротивляются...

Как всегда, призвав на помощь память о героических воинах, сегодня, например, о партизанах, и, вспомнив, что муки героев войны были сильнее наших, мы по навигатору направляем стопы по бесконечной асфальтированной трассе в «Каунтдаун».

Так называется сеть приличных маркетов, где нас могло ждать спасение. «Мересьев дошел, и мы дойдем», – сурово сдвинув брови, поддерживаю я нас лозунгом. Главное, ветра нет. По дороге видим ещё один китайский магазин. Не удержавшись, вламываемся и туда.

Тот же облом, та же Виса, Виса. Хорошо, что долго уже дрожащими руками харч не выбирали. Умные. Попробовали пробить хлебушек и все, свободны. Каждая минута на учете теперь.

Мы, конечно, дошли. Гарантий, что и тут в супермаркете работает

мастер кард, нет, но шанс велик. Ведь платили же уже сегодня где-то. Туман в глазах уже приобретает зеленовато-бу-рый оттенок с малиновыми вспышками. Брюшко ссохлось и втянуто вовнутрь. Пытаюсь радоваться, что худею. Не получается. Я представляю, как растворяется трудно поддающийся жирок на боках и пузике. Растворяется... Растворяется...

А вон конфетки лежат россыпью... Роше в золотых фантиках... А, помню доча рассказывала, что некоторые бессовестные люди в магазинах разворачивают еду, тихонько съедают и фантики в шелки разные запихивают. Наверное, это тот самый случай. Вот сейчас возьму, разверну... И... А можно даже и не очищать от обертки, зачем шелестеть зря?
...

О, я сейчас понимаю, что это делают не бессовестные люди, а голодные. Или бессовестные и голодные.

А мы какие? Люда ничего, а я почти бессовестная уже. Но пока держусь. Пока карта не примется к оплате. Дальше видно будет. Ещё немного, ещё чуть-чуть. На всякий случай пытаюсь разыскать в себе запас прочности, чтобы не взвыть очень громко на случай, если сейчас «не пройдет». Когда добираемся до кассы, постояв небольшую очередь, я уже ничего не боюсь... В крайнем случае, запихаю в себя быстро несколько бананов и, не жуя, проглочу. Не достанут.

Кассирша считывает товар, водя штрих-кодами. Пройдет, не пройдет... У меня новая стадия голодного обморока. Синий туман в голове дает покой и отрешённость взгляду, прикованному к тележке с продуктами. Мы успеваем отойти от кассы, в которой все, как в замедленном фильме, но благополучно пробивается. Только три шага, до ближайшей стены. И

закрывать тележку телами.

Больше ничего не помню. Черный туман начал рассеиваться.

ваться, только когда мой ссохшийся желудок наполовину наполнился страшно офертным, молочно-какавным детским коктейлем из коробочки, который всасывался по узкой трубочке гигантскими втяжками, шумно слепля бока коробочки при засосе. Рядом Пятачок, хищно разорвав целлофановую упаковку на буханке, дожевывает кусок и уже что-то пытается передать вербально.

Звучало это примерно так: «А ииео илепп ооопаааааса. Ууууссссоо». Что означало: «А ничего хлеб попался. Вкусно!»

«Аха, о оооэ уусоо», – подтверждаю я, уминая с коктейлем два по-настоящему бесподобных куска зернового, одновременно всунутых мне в рот другом. Ресторан французской кухни отдыхает. Потом мы ещё полируем ужин в супермаркете пластинкой плавленого сыра и каким-то батончиком с арахисом.

– Божественно.

– А уже стемнело, – удивляется Людочка, – Надо же, как быстро здесь. И восьми нет.

– Да...осень, – созерцаю я через окно залитое фиолетовым пространство, – Пошли, что ли?

Тонкая новозеландская луна, как колыбелька, горизонтально висит на темнеющем закатном небе. Птички щебечут вечернюю песенку. А до дома-то от этого магазина, если напрямую, не так и далеко оказалось.

Olga Tango: Ты долго не отвечал мне сегодня. Работал?

Освальдо Танго: Я заснул, потому что у меня были очень неприятные предзнаменования и люди, которые собирались уйти, как когда-то мой погибший сын, и я не мог ничего с этим поделать, поэтому из-за боли я заснул и не мог ответить тебе.

Olga Tango: Ты потерял сына??

Освальдо Танго: Да. В 2007 году.

Освальдо Танго: Ты знаешь, в тот страшный день во сне у меня было предзнаменование смерти одного из моих детей, и я не мог идентифицировать событие, я чувствовал, но ничего не мог сделать. Тогда ему было 26 лет, и он был убит наркоманами.

Olga Tango: Я не знаю, как такое можно пережить.

Olga Tango: Прошло почти двенадцать лет. Это был старший сын?

Освальдо Танго: Второй.

Olga Tango: После событий, которые вы пережили, мои переживания кажутся незначительными и несерьезными.

Освальдо Танго: Да, и у меня здесь тоже были очень неприятные предыдущие события. Аргентина — это война. Без оружия, с большим количеством преступлений. Но это ценные жизненные переживания.

Olga Tango: Все что нас не убивает, делает сильнее.

Ты это хотел сказать?

Освальдо Танго: В этом деле замечательно то, что я верил, что я все преодолел, и все в порядке. Пока не встретил тебя, лишь тогда я понял, что снова счастлив.

Olga Tango: Да, думаю, что понимаю, о чем ты, даже если перевод не идеален. Я тоже хочу понять о тебе все. Ты важен для меня. Такой какой есть.

Из ПЗ. Идеал Идеалович Лубков

Никогда!

Никогда не даст Новая Зеландия миру поэтов, художников, мыслителей и живописцев, то есть тех людей-бунтарей, перевернувших мир и сознание обывателей, чье творчество связано с мятежностью и исканиями, жаждой изменить жизнь и изменить себя!

Почему? Да потому, что здесь нечего менять. И незачем. Здесь Идеал

Идеалович Лубков. Один сплошной гобелен с пастушками как будто.

Но это не потемкинская деревня. Они действительно так живут, мерно выдавливая из себя жизнь, как полосочку мармелада из тюбика.

Страна, сотканная из грез, сонное царство.

Красота на красоте. Аккуратность на аккуратности. Ни

бумажек на улицах, ни бомжей, газоны вылизаны, дома как игрушки. Ну полное безобразие! Так нельзя.

Мы с Людочкой живём в добротном ухоженном доме с двориком. Так вот, самое большое желание здесь – это лежать на газоне или в кресле-качалке, примерно неделю. А потом начать раскачиваться.

Лень и довольство всем разлито повсюду. Безмятежность здесь такого уровня, что дома не запирают. Стекла в машинах не поднимают, так и оставляют у дома, как приехали: залезай кто хочет. А никто не хочет. Своего хватает.

Дворы не огорожены за редчайшим исключением. Домики пряничные, нарядные. Один другого слаще.

А вот к морю не подойти, все прибрежные территории оккупированы

«новыми» новозеландцами. Сплошняком, муха не пролетит: «Территория приватная, охраняется злыми собаками». Это мне повезло, что я сразу маленький неоккупированный выход с пляжем в нашем районе нашла. Я говорила об этом. Как о большом счастье.

Хоть и ожидаемым, но все равно не очень приятным сюрпризом является то, что мои воскресные занятия, начинающиеся по Лос-Анджелескому времени в 10.30 утра, по Оклендскому теперь приходится на полпятого утра. Разница девятнадцать часов вперед. Кряхтя, привыкаю к новому режиму. Подъем, разминка, теория, практика. А что делать? Это дает силы. Всех наших очень рада видеть. Дополнительные

встречи группы русских практикующих, это вообще, как глоток кислорода: Серега, Оля, Ира, родные мои друзья. Выспимся после!

С домом тоже девять часов разница, но это хоть как-то терпимо. Вечерком разговариваю с только проснувшейся дочурой: «Салам аллейкум, солнце! Я пошла спать». Приколь-но.

Освальдо Танго: Доброе утро, дорогая! Как ты?

Olga Tango: Доброе! Новость случайно прочитала. После ЧМ-2018 в Аргентину не вернулись 500 болельщи-ков. Всего не вернулись 12 тысяч человек (на конец де-кабря). Их хватают и отправляют домой. Сейчас ко-личество оставшихся уменьшено до 5,5 тысяч. Кто-то влюбился в женщину, кто-то влюбился в Сибирь, кто-то открыл бизнес.

Освальдо Танго: Надеюсь, вы хорошо отдохнули, а про-блема с иммигрантами, надеюсь, не проблема, чтобы поехать в Россию. Мне нужно получить паспорт, по-тому что я никогда не выезжал за границу. Здесь, в Аргентине, вы можете оставаться сколько угодно, ничего не происходит. Я надеюсь, что это изменится.

Освальдо Танго: здесь 3 часа дня или 3 часа дня в воскресенье. У тебя уже 7 часов утра в понедельник? В какое время вы встаете оттуда на завтрак? Я лег спать в 2 часа ночи. Я немного расслабился, начав

чинить окно в одном из моих домов. Я только что закончил.

Olga Tango: Да, я видела, что ты всю ночь в сети. Сейчас у меня онлайн-занятия в Интернете (воскресенье и четверг). В Южной Америке они проходили в час дня, что, к сожалению, неудобно разделяло день, а здесь очень ранним утром.

Освальдо Танго: Что ты учишь онлайн?

Olga Tango: Я занималась многими эзотерическими направлениями. Но вернулась в традицию исследования древнего тольтекского наследия. Энергетические практики проводит ассоциация “Быть энергией”, ученики Кастанеды. Они называют это «Путь с сердцем». Иногда говорят Путь воина)). Понимаешь?

Освальдо Танго: Герметические науки?

Olga Tango: Нет, теперь доступно всем. Кстати, многие латиноамериканцы и твои соотечественники занимаются этим на наших классах.

Освальдо Танго: Это об использовании энергии на уровне планеты? Или межличностная энергия? Как мне найти это в Интернете? Дело в том, что я практикующий Воин. Много лет.

Olga Tango: Невероятно! Напиши мне, пожалуйста, чем занимаешься ты.

***

Окленд – город парусов, вмещающий в себя треть населения страны. Здесь небоскребы соседствуют с идеальными зелеными газонами, местные жители никуда не спешат, а погода меняется каждые десять минут. Это «плавильный котел». Сюда приезжают люди со всего света, от Америки до Азии, это замечаешь сразу, как только попадаешь в центр.

Само собой, такой город имеет достопримечательности, которые привлекают туристов со всего мира. На главной улице Окленда, Квин-стрит, находится известная башня Скай-Тауэр. Конечно, обедать в ее ресторане на верхотуре, как томно советуют путеводители, мы не стали, с вчера еще сыты, но рассмотрели снизу все, что можно.

Центральной мост Харбор-Бридж отметили своим вниманием, в какой-то музей Морской славы хотели зайти, но, слава богу, закрыт оказался. В принципе, здесь можно пройти по туристической шестнадцатикилометровой тропе «От берега до берега» по перешейку. И считай, что посмотрел все.

Интернет сообщает, что тропа начинается от The Auckland waterfront и ведет через основные достопримечательности, такие, как самый старинный парк The Domain, самый высокий вулкан на горе Иден, откуда видно весь город, парк «Холм одного дерева» с тенистыми аллеями, планетарием и гуляющими по холму овцами. Все круто. Но мы не пошли. Как-то не срослось, даже не знаю и почему. Просто ленивая информация не успела дойти до расплывшихся на газоне нас.

Отсутствие автомобиля под задницей, здесь в Окленде ощущается, как отсутствие ног, как паралич. Моя любимая «пешая доступность» здесь кажется идиотизмом.

Мы, конечно, быстро осваиваем систему общественного транспорта, пользуемся активно, с этим все в порядке, особенно в ультрасовременном центре города, но ощущение чего-то похожего на беспомощность, даже меня с моей любовью к длинным пешим переходам, периодически накрывает.

Вот не вписываюсь я здесь, не в таком уж и огромном городе, со своим менталитетом пешехода. Вибрации не те. Ловлю себя на тривиальной мысли: «Вроде он на вулканах стоит между бурными морями, воодушевлять должен, как Сантьяго, а он усыпляет, убаюкивает».

– Неужели наша теория не работает? – спрашиваю я Люду.

– Работает, работает, мир многовариантен, – не пристаёт к моим ментальным раздумьям Пятачок, – Исключение подтверждает правило. Здесь так.

– А, ну ладно тогда, – успокаиваюсь я, – Но знаешь, я даже опасаюсь здесь долго оставаться, а вдруг процесс «обленивания» станет необратимым?..

Людка задумчиво кивает и через три дня, не испытывая ни тени сожалений, мы с дорогим моим спутником сваливаем в город Нейпир. Всего семь часов от Окленда на автобусе.

Нейпир. А почему, собственно, он?

А вот и не случайно!

Нейпир – это город, который, собственно, был «спусковым крючком» для включения Новой Зеландии в программу кругосветки.

«Так чего в Нейпире-то надо?» – люди спрашивают.

Да, собственно, ничего. Прикольная зацепка, которая не столь важна по своей сути, послужила хрупким мостиком, позволившим осознать свои мечты. Это к слову о «спусковом» крючке.

Пару лет назад, мое внимание походя привлек сюжет из какой-то телевизионной передачи, где милостивая полненькая женщина спокойно ведала о том, что она с детства проживала в Штатах, была с младенчества сиротой по невыясненным причинам и очень хотела знать свои корни.

Однажды, после автомобильной аварии она вдруг «увидела» во сне место, где родилась и из которого в детстве была то ли похищена, то ли потерялась. И четко услышала название города «Нейпир».

Навязчивые мысли и сновидения продолжались, становясь четче и вселяя крепнущее ощущение, что ее ждут. Она успела улететь в Новую Зеландию за пару дней до того, как ее обеспокоенный жених запланировал сдать несчастную на

лечение в психиатрическую больницу. Добравшись до Ней-пира, она просто пошла, как будто знала маршрут, прямо за церковь и увидела маленький дом, тот самый, из видений. На пороге стояли мужчина и женщина. Это были ее родители. Даже если это и утка, не имеет значения. Запало. Это рассказывалось для меня. Мне нужно в Ней-пир.

И я нашла эту белую церковь, что нетрудно в этом городе. Вот она. Дом, конечно, под сомнением, тот или нет, это лет двадцать пять назад было. Да и неважно это. Но я никогда даже в самых смелых мечтах не предполагала, что буду здесь стоять. В месте, где сбываются мечты. Необыкновенное чувство. И в то же время все вокруг бытовое, и как раз обыкновенное. Просто все получилось. Само как-то сделалось.

Харизматичный город-порт Нейпир (Napier) расположен на Северном Острове Новой Зеландии на южном берегу Залива Хоук. Коренное население маори поселилось здесь много веков назад и назвало это место по имени своего вождя Аурири. В 1769 году капитан Кук обнаружил залив восточного побережья Северного острова и переименовал его в честь сэра Эдварда Хоука, Первого Лорда Адмиралтейства Англии. Британские колонисты обосновались в этом регионе с середины XIX века и построили город, названный в честь генерала Британской Империи сэра Чарльза Нейпира (Sir Charles Napier). Второе рождение города произошло через сто лет, когда после разрушительного землетрясения

1931 года Нейпир остался в руинах. Правда, он за несколько лет был выстроен по новой с сейсмически устойчивыми зданиями. Мощное землетрясение в 7,8 баллов кардинально изменило ландшафт города и подарило людям новые территории (1500 кв. км) за счет исчезнувших лагун, разрушенных холмов и поднятия земли на 2,7 метра.

– Ничего себе городишко пережил.

Здесь не так много городских событий и праздников. Но мы попадаем именно на начало праздника – фестиваля Арт-Деко! Сначала не догоняем, почему по улицам дефилируют люди в реальных нарядах 30-х годов и раскатывают, красуясь, начищенные до блеска раритетные автомобили!

Даже некоторые маленькие школьницы одеты в наряды тридцатых и важно пересекают городские парки, идя парами на классную прогулку в напыленных по самые глаза маленьких шляпках-колпачках.

Так забавно это! Очень впечатляет, как в машину времени попал! Блеск! Как сказала бы Эллочка-людоедка, носившая такую же шляпку.

Из любопытства сразу начинаем копаться в интернете и спрашивать в отеле, что к чему.

Оказалось, что период восстановления Нейпир после того ужасного землетрясения в тридцатые годы совпал с яркой эрой «арт-деко», модного и популярного архитектурного стиля, который встречается во многих городах мира.

– Для сооружений этого периода характерны экстравагантность, яркие цвета, смелые геометрические формы, оригинальные отделки и четкие линии. Вот круто, – начав читать Википедию, радуюсь я, – Теперь и мы знаем! Но только в двух городах мира на нынешний день – Майами и Нейпире стиль «арт-деко» доминирует в строениях и вне зависимости от ваших познаний и желаний, символизирует целую эпоху и окунает вас в чувства и настроения людей во вторую и третью декаду XX столетия. Во как! Тебя окунает?

– Не знаю, как Майами, не была, но Нейпиру это неплохо удается, – впитывает товарищ, – Особенно в праздник ему посвященный.

– Ага. Только праздник какой-то... чего-то не хватает.

– Ладно, посмотрим к вечеру.

К сожалению, никаких пьяных ночных гуляний с салютами мы в славном Нейпире не наблюдаем. Вечером здесь всё в независимости от дня календаря замирает.

– А как же День города?.. – горестно взываем к разуму местных, но ответа не получаем.

Вымерший ночной таун с широкими пустыми улицами, запятнанными желтым фонарным светом и продуваемыми ветром, ирреален, силен и немного пугает. В две тысячи седьмом году Нейпир внесен в Сокровищницу Мира за уникальный архитектурный комплекс в стиле «арт-деко». Хотя я уверена, что вносить его в сокровищницу можно было и по другим причинам.

Olga Tango: Забавно — ты, испаноговорящий товарищ, глубоко изучаешь русского Гурджиева, я русская, занимаюсь испаноговорящим Кастанедой. Как ты пришел к Гурджиеву? Кстати, я намерена теперь перечитать его внимательно.

Освальдо Танго: Почему-то здесь он издавался, конечно, на испанском языке, и это можно было достать подпольно. Время тогда было демоническим, поэтому мне приходилось читать книги и прятать их, чтобы никто не увидел. Но тяга к знаниям была потрясающая. Особенно в начале, Гурджиев — как ниточка с Россией. Я всегда видел себя как иностранца на своей земле.

Освальдо Танго: Ты знаешь, в детстве меня дразнили «русским». Так что, почти не зная тебя, я чувствую себя полностью отождествленным, мне нужно, чтобы ты многому научила меня своей культуре, мы можем быть счастливо серьезными и учиться друг у друга, а когда у нас возникнут сомнения, давайте уточним, что преобладает — порядок, гармония и понимание безусловной любви, в основном.

Освальдо Танго: Из какой книги ты процитировала фразу, из какой главы четырнадцати томов его произведений?

Olga Tango: Глава двенадцатая.

***

–Что хошь, не зря сюда принесло! – переполнившись необычной энергией, говорю я Люде, сладко потягиваясь по пробуждению в нашем хостеле на берегу океана, – Нейпир— это один из тех городов, которые затягивают без эмоций, но, похоже, навсегда.

–Это который по счету? Что навсегда? – без тени усмешки просто интересуется для дневника наблюдений подруга.

–Э...– клюнув на подлинную внимательность, пытаюсь посчитать я, но плюнув, ухмыляюсь, – Но не последний.

А Люда не смеется, потому что действительно сегодня как-то серьезно и глубоко воспринимает мои погружения в проблески осознания, и я продолжаю: —Энергетика Новой Зеландии, действительно, отличается от всего. Вибрационная составляющая настолько тонкая и не похожая на все, с чем сталкивалась раньше, что не сразу и уловишь. Тебе как?

–Да... не в таких терминах, конечно, но здесь воздух шепчет.

Круто! И меня с утра посещает мысль, что эти проблески и ощущения надо сформулировать для блога, для наших, кто практикует и, может, кому еще пойдет.

–У пришлых переселенцев этой вибрационной составляющей нужной частоты, которая может со настроиться с энергией места и слиться, как мне кажется, вообще нет. Они все делают отлично, они вежливы, добры, адекватны, – вспоми-

наю я заодно, как нас «без нас» выселяли из комнаты ровно в десять утра, загрузив имущество в картонные коробки, когда мы задержались на прогулке, – Но они, как арендаторы земли, о которой мало что понимают... У славян все-таки это есть. Не отмерло, хотя тоже только –только...

–Хочется в это верить – кивает Пятачок, – Абсолютно, думаю, дух этой земли чувствуют только маори. Аборигены. Хотя не факт. Они, оказывается, только в четырнадцатом веке сюда пришли.

–Я, наверное, верю, что это остатки древней Атлантиды. Настолько на этой земле по-другому течет энергия. Ты находишь это?

–Да, конечно!

–Я даже подозреваю, что большинство людей здесь чувствуют, что что-то не так, типа, «не туда идем, товарищи», а до конца осознать, не говоря, сделать, не могут, потому что «рояль заперт, а ключ потерян». Смутное ощущение, что тебя зовут куда-то, но ты забыл, куда и кто.

– Я думаю, что ты правильно написала в блог, что никогда отсюда не выйдут великие творцы и реформаторы. Из самых известных, я посмотрела, только Резерфорд, как абсолютная величина, да и тот открыл неизвестное в Англии.

– Да...А ничего не получается целенаправленно делать, не потому что лень или усталость, а потому, что здесь требуется ...как-то по-другому подходить, что ли, к вопросам мироздания, – пытаюсь сформулировать подкатывающее я, –

Отмотать на сорок тысяч лет назад и пойти другим путем. Правильным... Хотя, кто знает, какой правильный?

«Может, тот, что планету не отягощает негативом? – задумываюсь я,

– Да.. я точно из категории утопистов-идеалистов. Не люблю их».

В общем, закончив с потугами сформулировать и описать чувственные данные, я понимаю, что не знаю ничего, а могу только с детским удивлением человека с диагнозом «амнезия» смотреть на океан, немного морща нос в тщетных попытках уловить слабый отзвук. Вот сижу и морщу, чего еще делать. Раза три в день.

Возможно, поэтому именно здесь, на безлюдном песчаном берегу, в один из солнечных дневных приходов, я неожиданно всеми волокнами чувствую, что океан живой. Шум мощных волн вливается в меня, расфокусировав зрение, и я без сомнения в одну секунду знаю, что Он меня видит. А я его. И нечего объяснять. Мощное интимное безличное чувство. Это так по-настоящему, что первый раз в жизни я абсолютно не испытываю потребности в оценке происходящего кем-либо.

На этом же сакральном для меня месте, при вечерней вылазке, на чистом ночном небе низко у горизонта я наконец идентифицирую Южный крест!

Раньше-то не судьба было. Даже на крайнем юге. То пого-

ды нет, то обзора.

Громко ойкаю от нокаута Вселенной и коротко с сипом вытягиваю воздух. Выдохнуть, ясно, получается не сразу. Понимаю, что ничего особенного в моем открытии нет, оно тут давно висит, но глазики от чувств немного набухают. И, по моему, даже бороздят горяченьким левую щеку. Да. Романтичная натура неистребима.

«Папа, а я ведь дошла».

***

Долго ли или коротко сказка длится, а поехали мы на автобусе дальше, в Веллингтон. Столицу Новой Зеландии. По дороге в автобусах, да и не только, я по большей степени сижу в Вотсаппе. Меня всецело поглощает перманентный разговор с Освальдо. И тут я с изумлением тихо понимаю, что, кажется, «приплыли» – все мое свободное и не такое свободное время уходит на это. Причем все жутко интересно: кто, с кем, когда, зачем, сколько, почему, а ты как про это думаешь, а у вас, а у нас...

—Люда! – полушутливо сержусь я, – Ну что такое! Мне некогда смотреть по сторонам, я постоянно в Вотсаппе! Блин! Если меня спросят потом, была ли ты в Новой Зеландии, я не смогу точно ответить!

—Понятно, – ухмыляется друг, – Конфетно-букетный период.

–Он, зараза, – соглашаюсь я и сокрушаюсь, – Что делать-то? Попадалово?

–Эт точно, – ухмыляется опытный Пятачок, и хитренько добавляет

– Ничего не делать, купайся в нежности. Через какое-то время втянешься и отрегулируешь. Он ведь тоже работает и время тратит.

Я отрываюсь от мятного экрана и внимательно смотрю на друга:

–Втянусь? Работает тоже?

–Да, – отвечает Пятачок, – И это нормально. Оба будете спокойнее. И все видно будет, куда интерес выведет.

«Оба... Как странно и емко это звучит, – но я отгоняю наваждение и сердито думаю, – Нет, конечно, я это отрегулирую быстрее!»

Ну так же нельзя, у меня «куча» других задач!

Освальдо Танго: О, Ольгита, Ольгита!! Большинство людей игнорируют то, что раз мы изучали технические профессии, у нас очень высокое понимание вселенной, поэтому мы духовно возвышены, хотя мы кажемся холодными и безличными.

Olga Tango: Интересно, я тоже всегда говорю, что энергия двух людей увеличивается в геометрической прогрессии, а не в арифметической. Надеюсь, перевод

позволит вам понять смысл...

Освальдо Танго: Ты сияешь ярче, чем...бриллиант.

Освальдо Танго: Поздравляю вас с тем, что вы смогли реализовать свои мечты. У меня никогда не было мотивации путешествовать в другие страны, кроме той или иной приграничной страны; пока я не встретил тебя

Освальдо Танго: Я очень хочу встретить твоего знатока.

Olga Tango: В смысле, меня как опытного странника? Ну, это отличная мотивация! Тебе может понравиться) Думаю, что это было бы крайне интересно путешествовать с Вами.

Освальдо Танго: Моя дорогая, я собираюсь отправить вам несколько сообщений, описываю по-своему то время, когда мы встретились и танцевали танго. Это интересно для Вас?

Olga Tango: Больше, чем я предполагала.

Освальдо Танго: Ты знаешь, я все время вспоминаю нашу встречу, все нюансы и мельчайшие детали того вечера.

Освальдо Танго: Ты больше, чем кундалини; вы — то, что побуждает кундалини. Вот почему в ту ночь, когда я встретил тебя, я ощутил тебя до того, как увидел, как твой запах усиливает твою кожу под синим платьем.

Olga Tango: То есть, как «до того»? Что ты имеешь ввиду?

Освальдо Танго: Я с кем-то танцевал, и в одном из этих поворотов почувствовал, как меня охватил озноб. Толчок между лопаток. Я обернулся и увидел, что ты стоишь, прижавшись к столбу и смотришь мне в спину. Твой взгляд был отсутствующим, но я знал, что ты смотришь именно на меня. Ты была серьезна, но я уже знал, что приду к тебе позже, и позову на танец, даже если ты откажешь мне. И я подошел, хотя очень боялся, и это алхимия случилась, искра, меня тянуло ласкать твой живот, не прикасаясь к тебе, я чувствовал себя неразрывно соединенным с тобой.

Ой, кажется, моя «куча» подождет.

***

Город Веллингтон находится на самой южной оконечности Северного острова, на берегу глубоководной гавани Веллингтон, со всех остальных сторон он утоплен поросшими зеленым лесом, холмами, которые переходят в бесконечный горный массив Римутока.

По-настоящему название города звучит, как «Те Фанауи-а-Тара», что в переводе означает «великая бухта Тара». Это на языке маори. Понятно, это мало кого волнует, назва-

ние Веллингтон город получил в честь выдающегося британского полководца Артура Уэлсли, первого герцога Веллингтона в середине девятнадцатого века. И пока оно неизменно.

Если сесть на паром, то, выбравшись из гавани, попадаешь напрямик в знаменитый пролив Кука, переплываешь его, и привет Южному острову. Туда тоже надо попасть обязательно.

Веллингтон – это, особенно для столицы, маленький городок, чуть больше четырехсот пятидесяти тысяч население. Карманный размерчик, зато все в пешей доступности, что для нас, ходоков-любителей, просто кайф и сплошная экономия. В 2010 году город занял первое место в мире как самый экологически чистый. Кто бы сомневался.

Встретил нас самый чистый в мире город ураганным ветром, с порывами до восьмидесяти километров в час. Это хорошо, что тут ничего на улицах не валяется из ударного или режущего в полете.

В этот раз мы из-за нереальных цен на частное жилье мы решили обосноваться в хостеле и нам выпал неплохой вариант, в центре, и реально повезло, что наш приют находится в двух минутах ходьбы от автобусного терминала. Поэтому не сдуло, пылью-грязью глаза и лицо не забило, только обморозило.

На другой день дождь с утра и хмарь. Ох уж эти все приморские поселения. Но, понятно, это не помешало ушлепать

на оглядку местности. Настроение все равно отличное, поэтому потихоньку все наладилось на небесах и засверкало. Что внутри, то и снаружи. А тепло ещё тут. На канале гребцы, пловцы тренируются.

Тепло не в плане «лето-зима», а в плане широты, перемещаемся-то на юг, ближе к полюсу. Я почему-то все жду, когда будет комфортно, и я замерзну. Начиталась. Ждала-ждала, пока не дождалась. Нормальное лето, нормальная переменная, без температурных заскоков, погода. Днем приходят мысли о том, что неплохо бы искупаться. Что еще надо.

Как положено и по интересу, и для «галочки» в блоге написать, столицу исследуем.

Она емкая, часть ее это современные авеню, лежащие в тени на дне ущелий из не небоскрежных, а просто многоэтажек, отражающих синее облачное небо в зеркальных стенах. С кучей магазинов, офисов, банков и многочисленных холельных заведений общепита «не дай себе засохнуть», а часть парковая, будто лесная, и она холмистая, непредсказуемая, в смысле, иногда ошарашивает с какой-нибудь верхней точки, с умопомрачительным видом на окрестности.

Понятно, запечатлеем общедоступные и общепризнанные достопримечательности, типа, здание Парламента, бывший Дворец правительства из четырех этажей, говорят, чисто из дерева построен, второе в мире по величине и размаху деревянное здание, мемориальный парк Кэтрин Мэнсфилд, самой знаменитой писательницы Новой Зеландии, о которой

как-то, ай как нехорошо, не очень наслышана, парков здесь вообще немеряно, город-парк, старую белую церковь Святого Павла в стиле неоготики 1866 года изготовления, хвалятся, что тоже деревянная и без единого гвоздя построена. Нашли чем удивить.

По Куба-стрит, самой известной улице Веллингтона прошли несколько раз, веселенькая, живая, объявлена в 1995 году объектом исторической ценности.

Все в Веллингтоне есть: и оперный театр, и симфонический оркестр, Королевский балет, куча музеев, галерей. В Оперный театр или на балет охота, но не пойдем, брешь для бюджета солидная образуется, ну его. А вот в Музей истории Новой Зеландии можно. И нужно, наверное. По правильно-му, это называется Музей Новой Зеландии, посвященный культуре аборигенов и колониальной эпохи, а также естественной истории или музей Те Рапа Tongarewa. Что в переводе с маорийского обозначает

«место, где хранятся сокровища этой земли». С художественной галереей искусства. Огромный, красивый, ультра-современный. Вылизанный. С большими круглыми окнами и видом на море.

С самой историей в Новой Зеландии не «густо», конечно, по нашим

меркам, поэтому собрано здесь все, что можно, все, что хоть как-то подтверждает то, что здесь иногда что-то происходит или происходило: коллекции марок, собрание ар-

тефактов с островов Тихого океана, экспозиция старинных нарядов, гербарий с двумястами тысячами засушенных растений, зоологическая выставка, где всякой твари по паре, от насекомых и рептилий до гигантского кальмара весом в четыреста девяносто пять килограммов. И, конечно, все, что связано с колонизацией бедных маори, в фотографиях и предметах.

Но так все бережно, так проникновенно и с шикарным размахом, что через какое-то время отпадает охота снисходительно «судить» зеландскую историю, которой «кот наплакал», и приходит принятие, что у них просто получилось «так». Чем богаты.

Может, это и здорово, что у них без потрясений, кроме порабощения несчастных маори, просто привыкли мы гордиться своими страданиями.

Хотя я вот, как продукт эпохи, не представляю, как можно жить, не

чувствуя под ногами многовековую глыбу истории.

Кстати, необычным кажется и считается то, что до маори тут вообще никто из млекопитающих не жил, только птицы. Земля птиц.

В частности, только на этой земле обитали гигантские нелетающие пернатые моа. Но пришедшие на острова к тысяча трехсотым годам предки маори съели ее подчистую уже к шестнадцатому веку. Подтверждено ДНК исследованиями, в смысле, что маори пришли в четырнадцатом только веке,

а понять, что до этого было, пока не для наших умов. Кто-то считает, все здесь было процветающим, но по другому типу. Чему я, собственно, склонна поверить.

Короче, маори хоть и тонко чувствующие товарищи, но поговаривают, что такая беспечность однозначно привела к белковому дефициту, и новопришедшим пришлось попробовать на вкус друг друга.

Вот тебе и история.

Танго в Веллингтоне

Ну вот, в Веллингтоне ориентируемся. Вчера после недолгих поисков нашли в интернете танго-школу, потому что набранная в Аргентине скорость, понятно, начинает снижаться, и хоть и понимаешь, что это неизбежно в наших условиях, но замедлить процесс отлучения хочется. Поэтому мы, загребая задними ногами, мчимся по указанным в анонсе координатам.

– И русская преподавательница там есть, Елена! – мы с Людочкой прям прыгаем от радости в предвкушении...

От Лены, миловидной и спокойной женщины за сорок, узнаем, что она замужем за киви, то есть за местным уроженцем. Жить здесь можно, и неплохо можно, хотя есть свои нюансы. Женщин уважают, в семьях равноправие. Можно не работать, но она предпочитает быть занятой, помогая мужу

в бизнесе.

– Не скучно? – сразу интересуемся мы. Лена, подумав, говорит:

– Да нет, день занят, расписан, дел хватает. Сегодня, например, еще надо к вечеринке подготовиться. Мы сегодня принимаем с мужем. «Зеленая» вечеринка.

– В смысле, зеленая? – не зная точно, что подумать, уточняем мы.

– Это все выдержано в зеленом цвете. И еда, и одежда, и интерьер.

– А зачем?...

Лена смеется, изображая легкую степень безнадежности:

– Тут так принято! Придумывают сами, сами организуют, сами веселятся, вот такие обычные развлечения.

– Так действительно интересно? – переспрашиваю непривычная я.

– Вполне. Забавно даже, народ приятный, образованный, – и, посмотрев время, озабоченно прикидывает, – К пяти дома обещала быть, опоздаю.

– И что будет, что муж скажет? – желая прочувствовать истинную картину отношений в зеландских семьях, заинтересованно спрашивает Люда.

Лена, не меняя выражения лица, по-учительски вздернув брови, строго поясняет:

– Подождет! – и подмигивает.

И мы понимаем, что все здесь на острове в плане домо-

строю нормально. По-нашему.

Новой знакомой не терпится рассказать, как она вышла замуж, нам это тоже вполне интересно.

Была по делам работы, познакомились, переписывались, и он женился по-быстрому. Чтоб такое сокровище не упустить. Здесь тоже, оказывается, женщин не лишка. Леночка добавляет:

– Все легко. Если с языком все более или менее в порядке, то устро

иться не проблема – расхватают сразу. У вас ведь наверняка в порядке?

– интересуется она, как будто познакомиться с кем-то мы должны

прямо сегодня, на зеленой киви-вечеринке.

Мне вдруг становится смешно, и я, адекватно оценивая свои знания языка, представив ситуацию знакомства, едва сдерживаю хохот и горестно констатирую:

– Вот, Люд, тебя расхватают. А меня нет... Опять мимо кассы. Люда, подхватив игру, успокаивает:

– Ничего, Оля, в этом деле язык не главное.

– Ты думаешь?... – с озабоченным видом, уточняю я.

И через секунду мы все грохаем, заходясь от собственного остроумия.

Атмосфера в клубе доброжелательная, партнеров, правда, уже не хватает, но парочка есть, плюс сам преподаватель участвует, и хорошо танцующие за мужчин опытные танцов-

щицы помогают.

Елена вскоре убегает, мы тепло машем ей издалека, счастья желаем и продолжаем новозеландское танго-занятие. Бальзам.

Уф, вот теперь хорошо. Вытанцевались, туфли проветрили. И мозги. А то наши аргентинские знакомые периодически подбрасывают онлайн фото с милонг, гады. Здорово, конечно, но как серпом по одному месту.

Да и когда оно, следующее занятие, будет? Неизвестно. Скорее всего, на родине осенью. Не так легко все это охватить и совместить в путешествии. Хорошо, здесь городок маленький, все рядом. Временной фактор позволил посетить.

Olga Tango: Освальдо, как ты пришел к танго? Можешь мне рассказать?

Освальдо Танго: Да, дорогая. Очень здорово, что ты спросила об этом!

Это касается нас.

Освальдо Танго: Я всегда любил двигаться под музыку. Это дает мне энергию. И всегда изучал новый стили.

Освальдо Танго: На самом деле я тоже из другой музыкальной области, такой как болеро, кумбиас. А 15 лет назад я начал заниматься танго. Мне было очень трудно разучивать шаги, я пришел к выводу, что мне это не понравилось, не подошло. И я прекратил

тренировки. Потом это случилось однажды днем: я был дома, подметал пол щеткой, и радио начало играть *eltango la cumparrita sung*, я начал танцевать со щеткой, и произошло волшебство: эмоции танго были такими, что оно окутало меня так, что я парил в воздухе, и мое лицо было покрыто слезами счастья и радости. У меня были крылья на ногах. Танго танцевало сквозь меня!!!! В ностальгии о прошлом, настоящем и будущем я танцевал с метлой, это была моя первая любовь и страстная встреча с танго. И с этого момента ... я больше «не танцую» танго ** Я есть танго.**

Освальдо Танго: В последствии я никогда больше не испытывал такого всепоглощающего растворения. И вот однажды...на метле в Аргентину прилетела ты. Я не мог спутать этого чувства. Ты моя первая страстная встреча в танго после *escobillon*.

Olga Tango: Я думаю, мы должны обмениваться в письменной форме полными почтовыми и электронными адресами, документальными данными, аккаунтами в сетях. Наша нить еще очень тонкая. Я вдруг испугалась, что телефон и компьютер могут украсть, а я хочу быть уверенной, что несмотря ни на что, я смогу найти тебя на этой земле.

Освальдо Танго: Это очень толковая мысль. Мне тоже невыносимо думать, что я могу потерять те-

бя. Но я знаю, мы не можем потеряться.

Из ПЗ. А не махнуть ли нам на Южный остров ?

Долго в Веллингтоне не насидишь и по танго не находишься. Тут у нас график посещений страны, с точной датой обратного вылета.

Поэтому едем дальше, на Южный остров. Сейчас на паром. Поплывем через пролив Кука в Южную Зеландию. Маршрут Веллингтон-Пиктон. С переправой проблем нет, океанские паромы Interislan der и Bluebridge, огромные, вместительные, надежные курсируют величественно туда-сюда, бери билет и вперед.

Опять здорово, что и морской вокзал, откуда эти махины отчаливают, находится прямо через дорогу от нашего столичного обиталища.

И вот, оставив на хранение в демократичном хостеле лишние пожитки, на радостном «легке», предвкушая путешествие, мы воодушевленно грузимся на гигантское судно, просто не зная, где притулиться. Не потому, что нет мест, а потому, что интересно везде! И по началу хочется не сидеть, а оббегать территорию маленького паромного государства, чтобы ничего не упустить, везде заглянуть: и в бары, и в зоны отдыха, и во всякие отсеки для удобной работы с ноутбуками. Потом уже выбрать, где понравится, прильнуть к круглому иллюминатору и наблюдать, как мимо проплы-

вают, удаляясь в монохромность, холмистые берега.

Пролив Кука в самом узком месте имеет ширину всего двадцать два километра. Но поскольку переправа между островами начинается и заканчивается не в крайних географических точках островов, то морской путь увеличивается до ста восьмидесяти километров.

Если описать маршрут, то это звучит гордо и заманчиво: из бухты Веллингтон выходим в открытое море, потом ложимся на курс по проливу Тори и заход в залив королевы Шарлотты. Кстати, именно в этом самом проливе, затонул «Михаил Лермонтов». Наш круизный лайнер в 1986 году. Но хоть тресни, находясь на этой махине, перевозящей железнодорожные составы, никакой опасности или волнения я не чувствую. Только одно пьянящее удовольствие от масштаба и комфорта. Кстати, а розетки в стенах около удобных кресел в носовой части, где дивный обзор, расшатаны, и телефон не заряжают.

Недоработка, товарищи новозеландцы! Да, забываю сказать, что в Новой Зеландии модно ходить босиком!

Реально, в любую погоду. И по городским улицам, и по магазинам, и по жилью. И, конечно, по таким мягким парходам. Босоногая тема. Дописываю через двадцать минут: забылась и тоже побежала босиком по паромным ковровым покрытиям. Ах, кайф. Это как свобода.

Короче, прибыли мы в Пиктон, в нем и обосновались. Маленький красивый городок. Пиктон – город в регионе Маль-

боро на Южном острове Новой Зеландии. Город расположен возле головы Королевы Шарлотты Саунд, в двадцати пяти километрах к северу от Бленхейма и в шестидесяти пяти километрах к западу от Веллингтона. Удобно возвращаться.

На стене хостела, где мы урвали комнату с двухъярусными кроватями не на десять человек, а всего на четверых! (и, ура, только девочки), висит карта мира, утыканная цветными булавками, кто откуда приехал. Истыкана Европа полностью, испещрена Америка, особенно западные и южные штаты, крайне много народа из любимых: Аргентины и Колумбии. Ну, Австралия и сама Зеландия, понятно – в мелкую пыль уделана, вставлять некуда.

Россия... Хм, ну да... пара «кнопочек» из Москвы, один товарищ из Питера. И Томск. Все. Во всяком случае в этом хостеле. Ну, держись Южная Зеландия!

Точно определяю место, вчитываясь в мелкие обозначения, и прикол! На этой карте, висящей в заштатном городке южной Зеландии Пиктоне, прописан латиницей, как и на моем домашнем микро-глобусе, непосредственно Череповец Великий! Cherepovets! Вот это да!

С наслаждением ввинчиваю острие кнопки с белой головкой, и еще одну с голубой за Пятачка. Вот теперь на плоском глобусе и Череповец проткнут. Удостоился. Почему-то приятно. Ухху- ху!! На пыльных тропинках далёких планет останутся наши: «Киса и Ося здесь были!».

***

Большая марина здесь. Яхты в ней – крутизна, океанские, новые, стремительные пришвартованы.

Ни с кем не спутаешь австралиек. Под и за сто восемьдесят сантиметров, светлые, здоровущие. Специфичные лица, не очень красивые, но породистые. В основном из Сиднея попадают, это куда мы скоро полетим. В хостелах Зеландии нравится, потому что много разнообразной посуды. Именно то, что много красивых тарелок, и собраны все стопочками по ранжиру на полках. Чашку себе всегда присматриваю, какая понравится, а их всяких! Красивых, всех форм и расцветок, а вот ложек не хватает всегда и везде! Впрочем, у меня всегда своя с собой, сейчас это

Колькина из Пунта-Аренас, доставшаяся мне вследствие круговорота ложек в природе. Я почему-то очень берегу ее. Вода. Вода!!! В Новой Зеландии не вода, а песня. Чистая минеральная из-под крана. Голубая в ванной. В Нейпире даже объявление в хостеле висело советующее: «Не покупайте воду в магазине, если хотите экономить. Пейте из-под крана, потому что это замечательная и лучшая в мире вода». Согласны. Туалеты тоже блеск, тоже везде безупречно-бесплатные. Люда в восторге. Сразили, говорит, наповал. Транспорт междугородний – туши свет, бросай гранату.

То есть не сами автобусы, хотя весьма сиденья неудобные и без сан-удобств, а их расписание. У всех жителей сказочно богатой страны свои машины, автобусов мало и поэтому...

битком! И один рейс в день. Как мы практиковались в hitch-hiking. Что в переводе значит автостоп, расскажу в следующей главе.

Регулярно, наконец, после Нейпира хожу смотреть Южный крест. Созвездие, как оказалось, изображено на флагах аж четырех стран! В более южном Пиктоне созерцаю его, наконец, во всей красе. Окружные холмы не заслоняют, и погода то, что надо.

Чем вспоминается слету Новая Зеландия – красотой. Красота природная, умиротворение, растекающееся в пространстве, березки, воздух – вода – запах, деревянные глаза клерков, аккуратность, регуляция всего, коровы-овечки, дивные пейзажи, шикарные машины, глаза в «кучу» от цен, и всегда голодная. И хлеб такой вкусный. Много хлеба. Вкусного.

Olga Tango: Зачем вы прислали гимн России??? Я думала, ты про танго говоришь???

Olga Tango: Ты слушал песню, которую я тебе отправил? Или все еще не смог?

Освальдо Танго: Я отправил это, потому что мне как раз понравилось танго, которое я не нашел на русском языке.

Освальдо Танго: Иногда я работаю по ночам, обслуживая панели, когда производство прекращается и когда техническое обслуживание завершено, поэтому иногда телефон остается открытым, потому что кто-

то его использует, иногда обращаются к нему по этой причине не я, обычно сплю по ночам, но ложусь поздно.

Olga Tango: Я ждала твоего ответа! Спасибо!

Освальдо Танго: Спасибо за слова.

Освальдо Танго: Я говорю, что не хочу много писать, чтобы не ассоциироваться с вами, но я также привык разговаривать с вами.

Освальдо Танго: Если ты устал, хорошо отдохни night.

Olga Tango: Я не устала. Я отдыхаю, когда говорю с тобой.

Olga Tango: Я правильно поняла, что вы хотели бы писать меньше, потому что чувствуете зависимость, а это вам не подходит?

Olga Tango: Хотелось бы без ошибок разобраться в этом моменте. Это важно на будущее.

Olga Tango: Думаю, ты сейчас конечно занят, пиши, когда сможешь.

Освальдо Танго: Слово АССОЦИАЦИЯ не идет: я хотел сказать, что не хочу писать вам много, чтобы не задушить вас, подавляюще; но я люблю с тобой общаться: Даже если ты не вовремя ответишь, я засыпаю поцелуями. Ты не очень верно все поняла.

Olga Tango: такой перевод дал переводчик.

Освальдо Танго: Не верь ему сразу. Он провокатор наших собственных

оценок себя.

Освальдо Танго: Надеюсь, встретиться с нами - это наша миссия? Освальдо Танго: Прекрасно, это хорошее знамение, с комфортным.

Освальдо Танго: Пишите, когда хотите, это всегда вовремя

Освальдо Танго: Хильда – это 2-е имя или прозвище? Анатольевна? – это – сложное имя, фамилия вашего отца или имя отца? Гронская? Фамилия вашей матери? Мне интересно, потому что мое обучение техническое и собирает данные.

Olga Tango: Ольга — официальное имя. Хильда — неофициальный псевдоним, так мама звала, (наверно я напрасно упомянула об этом, ты только запутаешься). Это моя девичья фамилия. То есть это фамилия моего отца. Я не меняла фамилию, когда женилась. В России это возможно.

Olga Tango: О...давайте я попробую объяснить немного позже, моих сил просто не хватает на этот дурацкий переводчик.

***

На другой жаркий день мы обходим прекрасные, как всегда, окрестности, находим в приличном отдалении симпатичный пляж для семейного отдыха и заваливаемся позагорать и, наверно, искупаться.

Народ приезжает семьями, и многие со своими домами на колесах и славно проводит здесь, в тени прибрежных деревьев, уикэнды. Укомплектованные всем необходимым для комфортного отдыха трейлеры стоят в положенных местах рядами.

Около них расставлены столики, стулья, кое-где оборудованы навесы, новозеландцы выехали на пикники и природу. Резвятся дети, кто-то обедает, кто-то играет.

Я тоже решаю залезть в воду, хотя мне не очень заходит этот заливчик, все-таки чуть грязноват, хотя лучше городского. И купаться я люблю больше, чем не купаться из-за опасений.

А так, ещё надо перезагрузить. Сегодня просто не очень хороший день. Очень нехороший. Нервный какой-то. То ли я перманентно голодная, то ли просто так стекается. Но раздражение преследует. Бывают такие.

Я несколько раз с самого утра пыталась «завестись» на Люду, сначала мне не нравилось, что она не хочет идти на дальний пляж, потом, что опять приходится спать на верхнем ярусе кровати, а внизу не посидеть, что вчера был плохой интернет во время воскресного онлайн класса, и я пропустила половину занятия с долбанными зависаниями видео. Праведный поиск виноватых. Может в атмосфере чего или звезды сошлись, но, скорее всего, это голод.

Я просто психологически не могу два раза в день отдавать за стандартный сэндвич в Subway по шестьсот рублей! Один

раз могу, два нет. А приготовить что-то удастся только вечером.

И как-то вот так. Выхожу из себя и забываю дорогу обратно. Нету выдержки...

«Добром не кончится. Людке я тоже порядком надоела», – подозреваю я, видя, как сегодня она, профессионально вовлеченная мною в процесс раздражения, сопротивляется и даже отругивается.

Наконец, с периодическим успехом сохранить мир, мы все-таки до ходим до дальнего голубого пляжа, оккупированного автотуристами с домами на колесах, где решаем поваляться и насладиться прекрасными видами природы. Вроде ничего.

Ладно, сейчас окунуться в заливе Шарлотты и в магазин, за едой. Перетрется, не впервой. Чтобы не замочить ушуайскую веревочку от подарочной медали, и чтоб при купании не потерять драгоценность, перед омовением я снимаю ее и кладу Люде на подстилку:

–Приглядишь? Пожалуйста.

–Хорошо, – думая о своем наболевшем, обещает Пятачок.

Когда я выбираюсь из не такого уж в этом месте и мутного водоема, вполне удовлетворенная, и начинаю шаркаться полотенцем, Люда вдруг вспоминает, что уже очень много времени, и нам пора идти думать о хлебе насущном. В общем, оказывается, ей надоело здесь сидеть и ждать меня с омовения, и она собирается сейчас уходить.

О, ничего себе. Наверно, тоже проголодалась. Или чего-то еще разозлило. Или кто-то. Догадываюсь даже кто.

–Ок, раз надо, значит надо. Я не против сворачиваться, действи

тельно, норма.

И я молниеносно включаюсь в процесс, чтоб успеть за Людой, запихивающей в пакет подстилки и полотенца, шустро забрасываю в рюкзак книжки, крем и воду, и вуаля! мы организованно уходим в город. Быстрее, в какой-нибудь ближайший к дому магазин. Что-то меня смутно тревожит весь обратный путь. Тянет из души. Вот ведь привязалось сегодня до кучи.

Выйдя из магазина, я привычно касаюсь рукой грудины и неожиданно понимаю, что медальона на шее нет.

–Люда..., а где медаль?... Я же ...тебе... ты же с ней...

Людка каменеет от догадки, и неожиданно, заперев протестом лицо, заявляет:

–Наверно, выпала. Там.

Мои губы, ноги и руки прокалываются тысячами мелких парализующих иголок.

–А-а-а, – беззвучно кричу я. «Все, абзац. Потеряла». И отсеченная голова слетает с плеч: «Теперь всё». То есть может быть и не все, но скорее всего «всё». Плохая примета.

Я отчаянно смотрю на Люду: «Почему она стоит...??».

– Наверно, там выпала, я скорее всего стряхнула ее с подстилки, когда мы собирались. Да. Наверно, там и осталась, –

предполагает она, каменея лицом, и поджимает в обороне губы, – А ты и сама даже не вспомнила!

Секунду я сканирую отяжелевшую подругу, в её взгляде мне мерещится мстительное злорадство. Внутри меня взрывается атомный рой мыслей и эмоций, но осознаю я их, уже сорвавшись с места, когда, оставив Пятачка дальше стоять у магазина, устремляюсь ломовым бегом назад, на место отдыха новозеландских семей. Как будто от этого зависит моя жизнь. В голове поливает только одна мысль: «Найдется или нет?».

Только бы она была там. Только бы была. Неужели...

Я задыхаюсь, но не сбавляю темпа: вот декоративный мостик через пруд с лебедями, вот кусочек набережной, детская площадка, сейчас деревья, деревья, теперь цветущие кусты.

«Как же это оказывается далеко!».

Вот первый пляж, еще немного по дороге, вон трейлеры, так, где-то тут. Вон дерево, под которым мы лежали, да, это оно! Я всматриваюсь в пространство с жухлой травой, где мы предавались воздушным ваннам. Нету. Нету. Где он? Где ты?!

И вдруг, как ниточку судьбы, я вижу сливающийся по цветку с жухлой травой кончик красивого плетения шнурка.

А..., ох. Я подхватываю талисман, и сжимаю в ладони. Потом к лицу. Здесь. Все, слава богу. Дыхание еще рваное, но я быстрее надеваю амулет, и он прилипает к груди. Теперь

я снова целая.

Не торопясь, походкой облегчения, созерцая прекрасную округу, я возвращаюсь к Людмиле. Она ждет у магазина.

– Нашла?..

Тревога давно сползла вместе с другими эмоциями, освободив место спокойствию и благодати. Понятно, что Люда не умышленно. Просто случилось так. Отлично осознаю, что своими негативными излияниями помогла спровоцировать ситуацию. Все закономерно. Надо следить за умонастроением. Но сейчас не об этом. Мне просто неохота ничего выяснять.

– Я не специально, Оля, – сдержанно произносит Люда.

– Я знаю. Все в порядке.

– Я в таком шоке была, что не могла соображать, – признается подруга. У нее красноватые припухшие веки.

– Обошлось, – закрываю тему и, глянув на расстроенного Пятака, ухмыляюсь – Мы друг друга стоим. Пошли домой, пора подкрепиться.

Из ПЗ. Как тут у вас с автостопом?

«Кто сказал, что в Южной Зеландии даже летом не жарко??» – вопрошали мы непонятно кого, обманувшего нас в интернете, когда, вытирая пот, капающий с бровей, на солнцепеке тащились пешком вдоль трассы Пиктон – Бленхейм.

«Может, конечно, лето лету рознь, – рассуждали мы, всем телом ощущая, что эта тема самая важная сейчас, – И мы

все-таки находимся в северной части южного острова». А вот если бы добрались до самого южного окончания, то, наверно, узнали бы, каким бывает летний февраль в холодных широтах.

Но туда мы не добрались. И, понятно, не узнали.

А вот узнав, что от нас на Нельсон идет только один автобусный рейс в день, и он сегодня уже ушел, решили, что мы не трусы, и все равно туда пойдем. Что, собственно, в данный момент и реализовали, озабоченно прикидывая, что проезжающих машин крайне мало. Вообще.

Еще на выходе из городка редкий прохожий на дороге, в виде пожилого рабочего, сказал, что нам тогда надо добраться до Бленхейма, а оттуда автобусы точно ходят до Нельсона, и мы отлично уедем.

—А автостопом у вас как? Пользуются? Это реально?

—Ну, да, — не очень уверенно ответил мужик, — попробуйте, думаю, могут взять.

Ясно. Как свезет. И хотя мы везучие, но для реализации этого качества нужно средство, с помощью которого это материализуется. То есть автомашина. Куда возьмут. Машин не было. Просто пустая дорога. Вернее, пара пикапов прошла, но они, во-первых, не остановились, во-вторых, были не очень пригодны, и в-третьих, далее все равно свернули не в нужную сторону.

Тогда мы решили, что надо выходить совсем за город, на трассу, по которой, если что пойдет, то это уже точно будет

на Бленхейм.

Прошлепав на жаре километр, навигатор нам в помощь, до пересечения последней длиннющей безлюдной улицы, с запертыми калитками в сетчатых заборах с основной дорогой, свернули направо и прошли еще немного, потому что увидели недалеко указатель на двух столбиках, где были прописаны дорогие сердцу названия Blenheim, Nelson и Christchurch.

По крайней мере теперь, стоя под темно-зеленой официальной табличкой, мы могли заранее, по максимуму улыбаясь во весь рот, для придания себе дружелюбного вида, как две контуженные лошади, издалека кивать головами проезжающим водителям и тыкать большим пальцем в нужное название. Хорошая мысль, по-моему.

Как бы то ни было, но третья машинка остановилась, и две офигенной красоты австралийские девушки, совершенно без лишних вопросов сказали «прыгайте», если устроит до Бленхейма. Еще как устроит! Вы че!

Вот подтверждение: по данным того же интернета в Австралии автостоп развит, так они и тормознули. Взяли.

В салоне кондиционээээр, музыка, вауууу. Так бы до Нельсонаааа. Девчонки такие симпатичные, с прокачанными загорелыми руками, адекватные, едем, болтаем, любимся. Они в погреба едут в Бленхеймские, знаменитое новозеландское вино дегустировать, оказывается, это злачное место, и город весьма этим славится, а мы не знали.

Машина из проката, сами, как оказалось, из нашего будущего Сиднея, проветриться приехали сюда на несколько дней. В порядке вещей это.

Говорят, чего вам в Нельсон, пошли с нами вино пить, утром обратно увезем. Но нет, нам надо в Нельсон. Ведь завтра мы уже сваливаем в Веллингтон, хоть и вечером, но до десяти надо кровати освободить в комнатухе, пожитки собрать свои, и там же в хостеле под лестницей, где все рюкзаки выезжающих собственно и кантуются, пристроить их до вечера, и еще погулять, искупаться, посмотреть и выпить. Вот. Никак. Хоть и хочется.

В Бленхейме нас высаживают у импозантного отдельно стоящего белоснежного здания, чем-то похожего на железнодорожный вокзал. Это рядом и с туристическим центром, и с автобусным терминалом. По-моему, это кафе. Во всяком случае мы почему-то обращаем на него пристальное внимание. Может, зайдем потом.

Собственно, в этом городке все рядышком. Еще немного покумекав, как передвигаться дальше, все ж спрашиваем в кассе билеты на автобус. Умный Пятачок, быстро и здраво прикинув по времени, сказал, что самый разумный вариант подождать час автобус и нормально доехать сразу до Нельсона, чем на авось скакать по трассе. И добавляет, как в воду глядя, что приключений хватит и на обратной дороге. Наши два билета оказались последними на этот единственный дневной рейс. И я, будто получив подтверждение, что все

правильно, обрадована такой удаче.

Ах, что это оказалось за кафе! Это не кафе, не только кафе с восхитительной выпечкой и пирожными качества серебряного века, но просто музей настоящий! Действительно, здесь когда-то начинали строить железную дорогу. Но не достроили, а маленький вокзал, видимо, остался.

Тут и макеты поездов, и картины-эстампы, старинные телефоны, колокольчики и прочие артефакты, изящные столики с диванами, зеркала, позолота, и два стеклянных прилавка стилизованы точно под начало прошлого века, добротные, темно-коричневого дерева с сияющими пирожными, уложенными горками на трехъярусных вазонах.

Очередной раз отдавшись нежности диванчиков, закинувшись кофейком с пирожным, мы подумали, что «на хрена нам рыбалка».

Мы согласны просидеть здесь весь день до обратного автобуса в Пик-тон. Люда говорит, что, похоже, нашла свое место на этой земле. Городок, который мы успели немного оббежать до неизбежного захода в волшебное кафе, ей нравится безумно.

Вот так и бывает, никто не знает, где твое родное окажется, и в каком месте тебя «схватит» узнавание и безусловная любовь.

Но это лирика. Ведь нам надо в Нельсон. Что мы тут, в Новую Зеландию, на диванах лежать приехали. Надо. И чуть не облобызавшись от умиления с улыбающейся нам, разне-

жившимся, пожилой, ах, какой стильной строгой хозяйкой, пошли совершать следующий этап.

Крисчерч, к слову – это тот город, из которого мы могли бы грамотно улетать в Австралию, если бы вспомнили название, тогда в Сантьяго.

Люда все переживает, что не вспомнила, а я все радуюсь, что мы вылетаем не из Окленда.

Нельсон город красивый, морской, зеленый, тихий, стильный и ухоженный. Зашел. Просто ненадолго. Потому как хорошего понемногу. Когда приехали, было уже далеко за обед, а как погуляли, сколь могли, так стало уже, прям скажем, к вечеру. Вылитой на нас на станции информацией по прибытию о том, что вечернего рейса не будет «ни до куда», мы решили себе настроение не портить. Опыт автостопщиков у нас уже есть. Мне так в тайне даже было немного радостно от того, что добираться на перекладных придется. Штырит меня от такого. Люда тоже, смотрю, не грустит, вот и славно. Поэтому, ознакомившись и сделав фотографии «мы были здесь», потыкавшись для приличия на заправке около автовокзала, а вдруг «прям сейчас и возьмут», направились к океану, потому что на заправке не взяли, и именно по его берегу и идет эта наша дорогая трасса номер пять.

Когда, отойдя от города по трассе километра два, уже имея справа пейзаж, напоминающий горную степь, мы решили начать активно пытаться обратить на себя внимание, то поняли, что надо было начинать раньше. Просто чтоб войти

уже в ритм и не плевать вслед не остановившимся машинам с обиженным лицом.

По дороге идем, оглядываемся периодически, руку навывтяжку вбок держим с большим пальцем поднятым, ну как положено бывалым. По очереди держим, потому что тяжелое это занятие.

Результата нет. Свищут мимо эти новозеландцы недоверчивые. Чего-то уже думается, может, назад вернуться, на такси уехать. Но ушли далеко, такси как самолет стоит, и вообще, возвращаться стремно.

Еще прошли пару километров, уже усиленно махая перед носом каждой, не так часто и проезжающей тачки, «твою же мать, будьте людьми», но безрезультатно.

Тут они быстро едут, чего им останавливаться.

Вдалеке заметили еще фигурки страждущих голосующих.

– О, да мы не одни! – и дойдя до небольшой стоянки на обочине, идентифицировали их как парочку бекпекеров панковского вида, только с современным уклоном.

Сначала обрадовались, а потом через пару минут сообразили, что если мы тут все вчетвером будем пытаться кого-то тормознуть, то точно на завтрашний паром опоздаем. Надо разойтись. И мы пошли вперед. Ребята были не против. Через километр дорога завернула вправо, и конкуренты остались на более выгодных позициях, Люда сказала, что нет смысла идти, надо стоять и молотить руками. Постояли, пожестикулировали всяко. Тот же эффект. Причем мне ка-

жется, что не умеет голосовать Люда, ну вот без энтузиазма работает, а Люде кажется, что неправильный подход у меня, слишком эмоционально, отпугиваю.

А вечер-то уже в разгаре.

Вспоминаю, что хорошо любая задумка получается, когда ты бесстрастный, без мыслей и доброту излучаешь.

«Надо попробовать излучить доброту», – решаю я и начинаю приводить себя в благостное состояние медитацией.

«Я всех прощаю, день прекрасный, добрые обычные люди едут, они дышат, улыбаются закатному солнцу, у меня внутри тепло и открытость... тепло и открытость... вот милая машинка подъезжает, она имеет право не останавливаться, я просто смиренно помашу рукой, и как водитель почувствует, так и будет... да, вот я улыбаюсь ему светлой улыбкой... возьми нас добрый человек..». Человек смотрит на меня, вот-вот он отреагирует и! Автомобиль проскакивает мимо. Вот сука!!

С Людой соблюдаем дистанцию, она даже идет спиной вперед, не видя меня, усиленно впиваясь в глаза потенциальных спасителей.

И, понятно, когда, о чудо, одна из машин притормаживает чуть не за полкилометра, проехав по инерции дальше моей дислокации, Пятачок этого не видит. Что у нее получилось.

Машина ждет где-то впереди на обочине, пока я ошалело понимаю, что реально кто-то остановился, пока пытаюсь окликнуть Пятачка, короче, тормоз и машина, думая, что мы

тут просто развлекаемся, дает газ и тает в томном предвечернем горизонте.

Гоню к отставшему Пятачку, объясняю, тот выдыхает:

– Да ты че! Серьезно? Неужели сработало?

– Ну, относительно, теперь еще не мешало бы и сесть в то, что потенциально остановится. Должны быть готовы вприпрыжку бежать к благодетелю, если такой найдется.

То ли, действительно, что-то сдвинулось в атмосфере, то ли отвлеклись и бесстрастно посмотрели на проезжающую машину, на всякий случай махнув рукой, но она остановилась. Не так далеко, как предыдущая, но все ж. Не раздумывая, маханули стометровку, решив уже взять штурмом.

Пожилой солидный мужчина немного озабоченно, но с любопытством выглядывал со своей праворульной стороны.

– Дяденька! – завопили мы, – Возьми нас, пожалуйста, Христа ради!

Он говорит:

– Вам куда?

А мы отвечаем: – Прямо! Хоть куда! Главное, начать двигаться! А так, вообще-то в Пиктон.

И с надеждой смотрим на него, а вдруг!

– Я не в Пиктон, но до заправки на отворотке на Пиктон могу подбросить. Километров двадцать.

– О, да куда хошь! Отлично.

И мы, не особо дожидаясь второго приглашения, быстрее запихнулись в машину, пока хозяин не передумал.

—О, неужели едем?

Оказалось, что товарищ нас вообще не взял бы, если бы мы были реальными бекпекерами-автостопщиками. Ни хрена они тут их не уважают. Вот тебе и раз. А остановило его чистое любопытство, что две, не самые юные, прилично одетые дамы, Люда даже с ридикулем и в шарфике, делают на пустынной трассе. Реально просто изумился товарищ. На наше счастье.

Доехали мгновенно... На повороте высадил на заправку, говорит, тут ездят, просите и прощайте. Пожелал быть здоровыми и уехал.

Пустынная заправка, пустынная трасса. Хочется сказать, что ветер беззвучно перегоняет поземку из пыли по вымершей территории.

А кто здесь нас подберет-то, если вообще никто не ездит. Вечером. Магазинчик пристанционный, правда, открыт, но тоже кажется неживым. Мы все-таки заходим туда, спрашиваем, но получаем заунывный, будто потусторонний, безличностный ответ, что сейчас почти никто не ездит и вряд ли, вряд ли...

Быстрее убираемся оттуда, стряхиваем наваждение. О, к нам повернула с большой трассы черная блестящая машинка! Подбегаем: «Возьмете? Нам туда-а...».

Не... Не идет этот транспорт в нашем направлении, только заправится и вернется на поворот, чтоб продолжить прямо, откуда свернул, непопулярное это направление. Но под-

бадривает – ждите, ждите, не может такого быть, чтобы никто. Только в редком случае.

Опять тишина. По трассе, которая в двухстах метрах от нас и в зоне видимости, проносятся счастливые машины, по сравнению с трафиком движения на нашей отворотной, часто.

Еще одна телега проехала мимо заправки, показав, что ей не по пути. Для себя уже решили, что поедем куда угодно, хоть до какого населенного пункта, поближе добраться, и ладно. Только чтоб, если чего, переночевать можно было. Вот чего-то ночевка в поле или на заправке, никак не греет. Сходили в туалет по очереди. Расширяем радиус брожения вокруг станции, конечно, постоянно поглядывая на отворотку, чтоб не зевнуть. Под какой-то длинной скамейкой я нахожу школьную бейсболку какого-то оболтуса Скотта. Там внутри подписано. И понимаю, что Скотту уже за нее дома оборвали уши, забираю ее себе в качестве сувенира. Меня почему-то прикалывает, что она может уехать на другой конец земли, и у нее вот такая будет судьба, и я покажу ее и расскажу об этом. Невероятно же. К тому же оказалось, что мне эта штука очень к лицу, что не так часто бывает с моим лицом и головными уборами. Ну пусть так.

Пока я удовлетворенно разглядываю себя в стекле магазина, мимо заправки пытается проехать большая красивая машина, но вдруг притормаживает и заезжает на заправку. Хм! Из авто выходит женщина и спокойно направляется в

магазин. Мы непроизвольно дергаемся, как лягушка без головы, которой на лапку капнули соляной кислотой, но замираем. Такой холодной неприступностью веет от этого транспортного средства. Водитель, завидя нас, лицо пуленепробиваемое изображает. Но че делать, бочком мелкими шажками приближаемся, как кот за сосиской:

– Извините, будьте любезны, не посылайте сразу, милости просим, сами мы не здешние, «страничку с пропиской отрезало поездом», надо добратся, чем богаты...

Нет, без вариантов, и едут они не до Пиктона, и никакого желания не испытывают бродяжек брать.

– Облом.

И тут Пятачок, завидев выходящую с мороженым женщину, видимо, от отчаянья, как у него бывает, вдруг кидается наперерез и быстро лопочет, отчаянно заглядывая в лицо дородной даме. Я, в качестве глухонемого приложения стоя сзади, складываю молитвенно руки и тоже с помощью страдальческой улыбки вхожу в роль кающейся Магдалины. И о, чудо! Женщина нас «видит», даже не то что с трудом, а сразу отчетливо и вполне понимает, что мы в безвыходной ситуации. И ничего против не имеет, чтоб поближе подбросить. И мужчина, ох уж эти мужчины, тоже сразу нас вдруг начинает видеть, и улыбается уже, но еще раз серьезно поясняет, что до Пиктона не довезет, просто значительно приблизит. Довезут до своего дома и высадят. Милый! Если б ты знал, что нам каждый километр в радость. Я готова запрыгать.

Мы грузимся и стартуем. О-ля-ля!! Как уютно на заднем сиденье! И тут Людок попадает в свою стихию. В смысле взять интервью. Это, наверно, для нее и было задумано. Она расспрашивает обо всем, а благодетели так счастливы поделиться и пообщаться, что через какое-то время уже констатируют, что ужас подумать, что они могли зажопиться и нас не взять. Йес!

Итак, это не муж и жена, а товарищи по бизнесу, так бывает. У них молочно-фермерский уклон, это здесь основное занятие. Видно, что дела

идут хорошо, оба такие крепкие, розовощекие и упитанные. Причем абсолютно этого не стесняются, но на словах хотят похудеть, сопровождая свои «хотелки» дружным хихиканьем. Давно, видно, собираются встать на путь истинный. Разговор не замолкает. Мужчина посматривает на нас в зеркало заднего вида для более полного контакта: «Еще виноградники здесь дают доход, виноделие, то есть». Вино свое новозеландское нахваливают, говорят, что очень уважают по вечерам. А Пятачок вдруг так серьезно заявляет по-честному, что мы сейчас практически не пьем, потому что в путешествии. В кругосветном. И не переедаем. Хотя отлично знаем, что это такое. И вроде как это организму нравится.

Вот не знаю, чего она так проникновенно донесла, но ребята призадумались, потом вдруг переглянулись, и мужчина задумчиво сказал: «Слушай, может быть, и нам пить перестать каждый день? Надо попробовать». И они опять засме-

ялись о чем-то своем, выдавая близких и добрых друзей, почти родственников. А про путешествие слушают так внимательно и с таким детским интересом, что прям вынуждают их удивлять и удивлять. Говорят, как им тоже хотелось бы! Но, бизнес, дела не дадут. Так понятно, у кого не так-то. На всей планете структура завязания в трясине дел одинаковая.

Когда мы доезжаем до их городка, то женщину высаживаем, она отбывает в супермаркет, купить что-нибудь на ужин, а наш водитель решает нас подбросить до оживленной трассы, где странниц стопроцентно подберут.

Мы и рады.

Едем, едем, опять забалтываются они с Людмилой, а он везет и везет. Я на Люду гляну, она на меня, я пальцы скрестила на обеих руках, показываю ей, потом еще намекаю, что и на ногах такое же изобразить попытаюсь, это вместо молитвы, чтоб не сглазить, Людка ржет и тоже тихонько показывает крестики. Еще через какое-то время я пальцы уже не держу. Просто изумленно смотрю на водителя.

Мы доезжаем почти до соседнего городка, что всего в сорока километрах от вожделенного Пиктона. Наш останавливается, говорит, дальше точно не могу. Смотрим друг на друга, мы немного смущены даже. Нет, ничего он не заболтался, а сделал, как хотел.

Выходим, провожает, показывает, где попутку ловить лучше. Молчим. Потом просто обнимаемся крепко, говорим «ну, спасибо!». И это классно. Просто классно и все.

Дальнейшее уже было действительно без проблем. Через пять минут нас подбирают два молодых симпатичных парня. Канадец и англичанин, путешествуют вместе. Друзья. Тут все просто, легко – до входа в хостел. Машем в прощальном приветствии, всего вам ребята, спасибо! Удачи, любви и материального благополучия!

– А ничего мы добрались, еще и девяти нету! – довольные исходом хвалим нас мы.

Успеем в дешевую забегаловку на заброс еды сходить и на залив вечерний посмотреть с набережной.

Где я?

Проснувшись утром в комнате с задернутыми плотными шторами, темно-синего цвета, на втором ярусе кровати, секунд пять я просто не понимаю, где нахожусь.

Причем не только в каком городе, но и в какой стране. Сознание горячими судорожными прыжками перескакивает из Пуно в Пунто-Аренес, из Чили в Аргентину, останавливаясь на долю секунды в каждом, подброшенном насмешливой памятью эфемерном месте и, не находя подтверждающего отзвука, с тревогой устремляется дальше на поиски, пока, наконец, все составляющие не сойдутся, и не станут осязаемой реальностью: «Я в Новой Зеландии. Это Пиктон».

«Ага», – успокаиваюсь я и сладко потягиваюсь. Пазл сложился. Сегодня ночью мы перелетаем в Австралию. Сейчас уже идёт вторая половина нашего путешествия... Опять ловлю себя на мысли, что несмотря на бешеную нагрузку, доводящую иногда до нервного срыва, я не хочу, чтобы это кончалось.

Даже не хочу думать, что и как будет дальше. Как жить без этой стремительно меняющейся картины вокруг, без «ста» натоптаных километров в день, без ощущения открытия «вот, вот сейчас и чудо случится», без ощущения полета, когда после прохождения кордонов и регламентов, реально ощущение крыльев и свободы. И взлет в небо.

Но пока мы здесь. Здесь, это где мы есть – там и здесь.

Поэтому о том, что и как дальше, я подумаю, когда подойдет время. Последний день на Южном острове промчался в обследованиях еще неохваченных территорий Пиктона, включая яхт-клуб и пляжное местечко Бобс Бей, где, естественно, не преминули закупаться напоследок.

Отсюда отлично видно, как важно скользят туда-сюда по заливу всевозможные посудины. Яхты, катера. Провожаем взглядом медлительно плывущий на выход из узкого залива Шарлоты в пролив Кука породистый белый гигант Bluebridge, двухчасовой паром в Веллингтон. Ему мы предпочли более поздний семичасовой рейс, единогласно решив, что лучше отгусоваться до вечера в этом райском местечке, чем в Веллингтоне. Собственно, в столице мы еще насидим-

ся до ночного выезда в аэропорт и так. В общей столовой нашего хостела, где разрешают в тепле, на мягких диванах и с доступом к титану с кипятком перекаптоваться бывшим постояльцам. Хорошее дело.

Да, сегодня ночью перебираемся в Австралию.

Освальдо Танго: Ты спрашиваешь о вере? Я католик по наследству, но я

не религиозен. У меня сформировалось собственное представление больше. И вы также изучали различные философии и религии, как индуистские, так и иудейские. Китайцы, мусульмане, англиканские буддисты и т.д. Какое твое понимание?

Olga Tango: Да, у меня тоже собственное представление, и я тоже не религиозна.

Освальдо Танго: Вот шутка, которую очень часто говорят, когда они спрашивают, к какой религии вы принадлежите, один из них отвечает «Слава Богу, я атеист».

Освальдо Танго: Тем не менее, как ты понимаешь, я глубоко верующий человек в единство вселенной и закономерность течения энергии.

Olga Tango: Я по сути являюсь глубоко верящим человеком во вселенское начало всего и в то, что все является энергией.

Olga Tango: Мы одновременно написали, если я пра-

вильно понимаю, одно и то же?..

Освальдо Танго: Синхронизация. Ничего удивительного.

На обратном пути из Пиктона в Веллингтон на пароме я, помня чилийские «страсти-мордасти» на выходе и имея свободное от выпитывания «новозеландского прекрасного» время, ответственно озабочиваюсь липовой авиабилетной бронью на вылет уже из Австралии, подтверждающую нашу лояльность и отсутствие намерений остаться на австралийском материке.

Платных услуг по этому вопросу в интернете хоть отбавляй, а бесплатных поискать надо.

Как и в Сантьяго, опять не могу найти свой любимый украинский сайт по бесплатной и надежной авиабронии. Хм, то ли прикрыли, то ли я туплю, то ли так надо. Интернет, все-таки, не очень хорош на борту. А дело уже хочется сделать и забыть.

– Вот чего привязываются? Зачем эти билеты, только время жрут, – недовольно бурчу я, – Вот видно же, что у нас кругосветка, подтвержденная штампами, визами, что однозначно обозначает, что пускаться в бега по Австралии с приобретением статуса невозвращенца не собираемся. Наверно.

– Наверно. А может, мы хитроумные невозвращенцы.

– Люда! Ни хрена опять не идет. Я склоняюсь больше не маяться в бесплатных поисках. Давай нормальную платную

сделаем? Двести сорок рублей на семьдесят два часа.

–А можно? Всего? Так, конечно! О чем разговор! – с облегчением радуется Пятачок доступному решению, которое воплощу в жизнь я, и на всякий случай хвалит меня, – Какая ты молодец, что все это умеешь и заботишься!

– Не стоит благодарности, – вежливо говорю я и добавляю, – Лучше деньгами.

Мы переглядываемся и ржем. Пятачок давно просит научить премудростям бронирования, но никак не хватает бытового времени. Со следующей страны начнем.

Электронная версия авиаброни выглядит «как настоящий» билет, там и фамилия, и имя прописаны, дата вылета, номер рейса и прочая, и прочая. Прекрасно выглядит. Даже в электронном виде, в телефоне. Чики-брык и все готово. Мы счастливые обладатели брони на выездные билеты в Индонезию. Рабочая легенда для таможи все та же: мы решаем немного повременить с оплатой билетов, потому что нам неизвестны пока некоторые детали предстоящей поездки, и возможны изменения даты вылета. Впрочем, это чистая правда.

Речь отрепетировали, на всякий случай. Хотя, скорее всего, никому ее никогда озвучивать и не придется.

Пару часов, забрав вещи, сидим в холле нашего хостела, полусонная Людка еще умудряется снести на кухню вместе с местными чашками мою боевую нержавеющую кружку в кожаном фирменном кофухе – подарок из Карельских вод-

ных походов и оставить ее на мойке. Несмотря, что хватились пропажи достаточно быстро, кружка уже нашла нового хозяина и, видимо, решила поселиться где-то в новой Зеландии или Австралии. Ну, удачи на новом месте проживания. Хотя ее почему-то очень жалко.

Ночью аэропорт Веллингтона «Ронготаи», от названия одноименного перешейка, на котором он выстроен, достаточно многолюден, как, видимо, любой столичный аэропорт.

Стоя в неизбежной хвостатой очереди, замечаю, что ныне чего-то не раздражаюсь на факт ожидания. Даже получаю удовольствие от отдыха в ней. Ничего себе. Еще обнаруживаю, что не беспокоюсь по поводу, какое мне достанется место в самолёте. Ведь рейс меньше четырех часов. Какая разница? Это недалеко, всего две тысячи двести километров.

Утомленное поздним временем, стремящееся быстрее достичь сидячих мест в зале ожидания по ту сторону, скопление будущих попутчиков издает характерный, сдержанный фон. Но все чинно. Мысли бегут размеренно. Это наезженный маршрут между двумя близкими родственниками. Как хорошо австралийцам – могут сюда приезжать, когда хочешь и на сколько хочешь, и исследовать все эти необыкновенные земли. Ну, кому из них интересно, понятно. Как и нам.

Межконтинентальный перелет, как и все процедуры выпуска-впуска через границы, проходят без зацепочки, никому наши брони и намерения не интересны, даже немного жаль, что такая подготовка даром пропадает.

Освальдо Танго: Хорошей дороги, моя Ольгита. Удачного перелета! Я твой невидимый охранник в пути.

Olga Tango: Спасибо, я чувствую это.

Освальдо Танго: Если ты пишешь, когда я сплю, а утром я нахожу сообщения, это как найти цветы в саду.

Olga Tango: Знаю))) потому что, то же самое и со мной. Иди спать, отдыхай. Твой день был очень насыщенным. Уже глубокая ночь.

Освальдо Танго: Еще мгновение ожидания А вот и стихотворение.

Освальдо Танго: Я хотел бы быть, и нет.

Я хотел бы быть и не могу,

Я хотел бы быть воздухом, чтобы запутаться в твоих волосах .

Хотел бы я быть тканью твоего платья,

Чтобы защищать тебя, как гнездо.

Освальдо Танго: Мне нравится цветной дизайн, который добавляет вашей элегантности и дружелюбия. Перевелось ли это достаточно корректно у тебя?

Olga Tango: Переводы, конечно, traductor de Google выдает несуразные. То есть автоматический переводчик, похоже, не очень знает испанский. Но я улавливаю суть.

Освальдо Танго: Спасибо, любовь моя, в твоих сердцах

цвета твоей родины, теперь и моя родина.

Освальдо Танго: Я собираюсь отдохнуть , скоро увидимся, любимый.

Освальдо Танго: Не забывай писать, когда захочешь и в любое время; когда я проснусь, я отвечу.

Olga Tango: Спокойной ночи, приятных снов! Отдыхай. Увидимся завтра.

Нам еще предстоит рассказать о многих-многих интересных моментах.

Глава 24 Здравствуй, здравствуй, самый молодой материк

Сразу по прилету в аэропорт Сиднея, после запуска нас в страну, выражаем на ближайшей стойке продажи интернет-услуг желание приобрести пакет «без минут». Тут же предлагаем парню-продавцу по месту сделать все настройки. Потом только платим, когда серия беспрерывно поступающих коротких бряцаний Вотсаппа и прочих сервисов сообщает о том, что нас помнят и любят и подтверждает, что мы с животворящим интернетом. Кстати, ни в какой стране такому подходу никто не возражает.

– Ой, какие мы умные теперь, – походя отмечаем мы и решаем, как добираться до новой хаты, – Здесь лучше Убер, он дешевле.

Затем довольные начинаем названивать хозяевам, чтоб были готовы бежать встретить свое счастье. Вообще, замечаю, что мы намного меньше стали «париться» насчёт качества жилья, типа: «То, не то», «Дали, не додали». Чаше везёт, но всяко бывает. Отработка механизма обеспечения себя кровом уже на уровне твердой четвёрки. В принципе, жить везде можно. Особенно, если недолго.

Внимательный водитель такси с чертами аборигена ма-

ори, провозя по чистеньким улочкам, между делом зачем-то интересуется:

– А почему решили остановиться в этом районе?

– Э... Так поглянулось, просто. Недорого и не так далеко от центра, – поясняем мы и на всякий случай слегка напрягаемся, – А что?

– Это район, где в основном обосновались представители магометанского вероисповедания.

– А разве это плохо?

– Нет, нормально, просто тут все со своими устоями, – поясняет водитель.

– И что, какая разница? – уточняет Люда.

А я сразу напряжиниваюсь от неожиданного подозрения:

– Безопасно?

– В этом смысле, конечно, да, – успокаивает дядька.

– В каком в этом? Личной безопасности для здоровья?

– Да. А в остальном свои понятия. Одеваться, может быть, стоит поскромнее.

Усвоив, что нас не зарежут, не ограбят и не сольют по дешевке в гарем, мы плюем на «свои понятия», много их, разных «понятиев», бывало, фигня.

Айрбнб – сеть мировая, чего тут может быть неожиданного?

Может! Новый опыт, потирая ручки, оказывается, поджидает нас в распрекрасном Сиднее. Кто б рассказал – не поверила. И касается он вовсе не манеры одеваться.

Сначала хозяина, по имени Магомед, нам приходится ждать минут пятнадцать, хотя вроде предупредили о прибытии, как просил, до минуты. Это бывает. Не очень комильфо, но бывает.

Потом прибегает, весь такой оторванный от важного дела, поэтому стремительный, как божия гроза, высокий молодой мужчина. С недвусмысленными признаками упитанности и чеканным профилем.

Буркнув приветствие, не глядя на нас, он хватает один из чемоданов и торопливо начинает топтать по ступеням, таща его вместе с нами в квартиру на третьем этаже. Радости особой товарищ явно не испытывает и, ничего себе, не считает нужным это скрывать. Не до нас, как мы понимаем.

Переводя дыхание на лестничном открытом марше, кривенько бурчу Люде:

–Мне не кажется, что нам демонстрируют, что мы – досадное препятствие между ним и желанным получением денег за проживание?

Людка кивает, да, что-то демонстрирует:

–Может, просто сверхзанятость?

Грохоча калошами, успеваю заметить, что на лестничных клетках обувь стоит разнокалиберная перед дверями, как у нас в поселковых пятиэтажках, где все свои и не воруют.

Магомед ворочает ключом в обитой светло-потрепанным дерматином двери, наконец, запускает нас в длинную прихожую и заставляет сразу же снять обувь. Сам убегает вниз

за вторым чемоданом.

Ну привет, трехкомнатная квартира! Как же ты прилично обшарпана, без ремонта и насквозь устлана, выдавшим виды, когда-то светлым мягким ковровым покрытием с насмерть въевшимися, несмотря на явные попытки, не отчистившимися пятнами.

–Как-то пустовато.

Проходим общий открытый зал-холл между кухней и спальнями. Он обставлен исключительно в стиле минимализм, причем абсолютном: из мебели только вай-фай роутер с антеннами-рожками. Притулился одиноко под конвектором отопления.

Подоспевший хост, показывает нам дальнюю комнату с одной большой кроватью, это наша. Вторую спальню рядом, тоже с двуспальным ложем, просит не занимать, туда завтра-послезавтра кто-то приедет. Так ладно, нет проблем. Мы с соседями мирно.

«А чего в глаза-то не смотришь? – пытливо вглядываюсь я в лицо арендодателя, пытаюсь проникнуть за его черепную коробку, – И вообще на нас?».

Странно как-то. Нам. Мужу нет. В быстром темпе он дает указания, что кран в ванной надо плотнее закрывать, а то капает, и мы должны следить за утечкой, относиться с ответственностью к его собственности. Вот ключи, вот пароль к интернету, «адьюс».

И он пытается сбежать, как из зоны повышенной сейсмо-

опасности. В суматохе понимаем, что чего-то не хватает! Одежда, полотенца, где?

Подушка одна. Может, в шкафу? Нет, нету.

– Эй-эй! Погоди, начальник!

– Что еще? – Магомед уже почти в коридоре.

На наше изумленное: «А чем укрыться??», искренне отвечает: «Зачем? Ведь тепло». И: «Какие подушки?»

Пока Люда подбирает для интеллигентного объяснения разбежавшиеся от изумления английские слова, наш восточный красавец просто сваливает, отмахиваясь от нас у входных дверей, как от заразных мух.

Правда, все-таки, вспомнив о правилах гостеприимства, рекомендованных сервисом, уже с площадки предлагает звонить по всем вопросам. Но позже. Завтра. Хлоп. Дверь отсекает нас от продолжения беседы.

«Какая-то херня», – скользит в голове нехорошая мысль, и я, еще не совсем веря в подобное раздолбайство, озвучиваю Люде, – Похоже, наш хозяин попутал «айрбнб» с «каучсерфингом»... Может, раньше пускал бесплатно?

Вообще, «каучсерфинг» – это когда просишься на ночлег «за так». И уж там с условиями проживания как получится, но ты должен благодарно принимать «дареного коня» и априори все предлагаемое. При этом развлекая хозяев песнями, былинами и плясками, с демонстрацией офигенного счастья, что ты не на улице. Или не развлекать, если не велят.

– Бог его знает, – сидя на пустой кровати, Люда продол-

жает сортировать что-то внутри чемодана, доставая необходимое.

– Интересно, куда же это мы попали в цивилизованной современной стране? – морщусь, не находя ответа, я.

Впрочем, Пятачок тоже не в курсе дела. Что теоретически – это Сидней, мы, конечно, помним.

– Смотри, как сбежал прытко, – наконец закончив инвентаризацию, отмечает Людовишна, и, пытаясь примириться с реальностью, ищет в хозяине адекватность, – А может быть, и на самом деле очень занят.

– Может, – говорю я, вслушиваясь в тишину, – Только пусть не надеется, уважаемый, что мы не позвоним. Позвоним.

– Конечно. По мере необходимости.

Мера необходимости наступает гораздо раньше, чем мы предполагаем. Прямо через минуту, потому что при попытке отметить новоселье законным горячим чайком, на кухне нас ожидает новый, изумительный по неправдоподобности сюрприз. В священном месте приготовления пищи посуды нет совсем. Совсем это совсем! Реально... Ни-че-го!

Я еще раз заглядываю во все вероятные и невероятные места этого помещения.

–Никогда в жизни такого не ведала, чтоб даже стакана не было, – не верю я, – Люда, что за ...?

–Ты хорошо посмотрела? И в шкафчиках? И в плите? Что, действительно, ничего?

–Даже в ванной. Давай, сама убедись, – предлагаю я Пятчку разделить свалившийся «афиг».

–Вот это да! – наконец присоединяется смиренный.

–Чего-то он мне надоел, этот хозяин, – хмуро барабаню я по девственно чистой поверхности кухонного столика, – Пошли на разборки. Звони. Не успел, наверно, еще до работы добежать, занятой наш.

Люда решительно вызывает Магомета по Вотсаппу.

–Чтоб в айрбнб и так обнаглеть... – еще верю во вселенскую справедливость я, – Все-таки так «не может быть», чтоб без одеял и посуды странников оставить .

Может!

Хозяин, не сразу ответив, искренне удивлен, зачем нам кушать.

–Но мы специально выбрали вашу квартиру, потому что она с кухней.

–Так она с кухней и есть, – я просто вижу, как, даже не моргнув, лихо отвечает на том конце трубки Магомед, – Что надо-то еще?

Шоколаду!

–Так посуду, ложки-вилки, стаканы, чайник – думая, что товарищ просто плохо понимает по-английски, как глухонемому втолковывает Люда.

–Зачем?

–Здесь нет инвентаря для комфортного проживания. Разве вы не знаете правил Airbnb для сдачи жилья в аренду? –

со сдержанным возмущением творит она пламенную речь. – Вы меня понимаете?

– Да, я вас понимаю, – говорит непробиваемый Магомед и предлагает всю, уж так необходимую посуду, как вариант, купить самим. И потом оставить все это на его кухне.

Наш, как оказалось, отлично слышащий хозяин совершенно не против этого. Понятно. Зато против мы. Впрочем, восточного упертого владельца это не волнует, и, чтобы быстрее закончить разговор, он от нас откупается обещанием попозже забросить постельное белье и одеяло... Хотя «все равно не понимает, зачем они нужны».

Мне сразу становится звонко и ясно, что никто ничего не принесет. Чую. По крайней мере во время нашего здесь пребывания. В этой жизни.

В трубке короткие гудки. Люда смотрит на меня, а я на нее. Кажется, нас напаяли.

– Да пошел ты. Урод комнатный! – наконец выпускаю я свое мнение, – Теперь в любом случае, отзыв я напишу в айрбнб конгруэнтный. Пусть жрет последствия. Господин хренов.

– Если не выполнит, то конечно, – соглашается Пятачок.

– Люда, о чем ты. Он нас в упор не видит. Свалил-то, как от чумы. Что с нами не так? – и тут ко мне приходит противная догадка: – Людк! Слушай... А может. Это, чтоб не оскверниться...?

– В смысле?...

– Две одинокие немолодые женщины, путешествующие без мужчин, не достойны его ортодоксального уважения. Представляешь? Мы как второй сорт. Нет, пятый. Ты отброс, и я отброс.

– Оля, ну, ты перегибаешь. Зачем так токсично о человеке. И о себе.

– Да нет, я предполагаю просто, интересно. Должна же быть причина, – смягчаю я, но в общем чую, что, действительно, «фоню».

По-христиански настроенная Люда имеет некоторые более глубокие знания мусульманского быта, поэтому в ответ на мои обличения строго поджимает губки и предлагает мне не судить предвзято насчет уважения.

– Мне помнится, что иногда мусульмане спят в одежде. У них так принято, – поясняет она, – Поэтому товарищ может действительно тупо не понимать, зачем нужны постельные принадлежности. И ничего личного.

– Да? Думаешь? Не знала, – пытаюсь принять точку зрения объективного друга, но потом ехидно допытываюсь, – А посуды нет, значит, мусульмане не едят?

– Не знаю. Едят, конечно.

– А я думаю, – чую, что газ под моей медленно кипящей кастрюлькой самопроизвольно добавился, потому что со мной не соглашаются, и собственный сок начинает клокотать, готовясь расплескаться на окружающих, – Твой подзащитный рассчитывает, что если не в чем, то и готовить го-

стюшки не будут. Сплошная экономия энергоресурсов! Ничего личного. И нечего его оправдывать!

Я голодная. А тут даже чая не попить!

– И мне кажется, что тебе в этот конкретный раз, слишком не хочется принимать, что с нами так могут обращаться. В цивилизованной Австралии. И ты, пытаешься видеть только хорошее, убеждаешь себя, что дерьмо, это тоже съедобный продукт! – внятно выговариваю я.

Люда не отвечает.

Конформистка в борьбе за мир! Мать твою. Опять понесло.

«Чего-то, кажется, разошлась я сегодня, – отрезвленная мхатовской паузой Пятачка неохотно напоминаю я себе, – Наверно, Людовик все-таки прав. Пусть будет так. По-доброму. Но отзыв все равно напишу».

Я поглядываю на сосредоточенного друга:

–Если гора не идет к Магомеду, то... А нет, в данном случае, если Магомед не идет к горе, то два пригорка сами должны все решить.

И через пару минут мое сердитое возмущение начинает растворяться, и ситуация кажется даже забавной.

–Пофиг, у нас здесь всего три ночи, – соображаю я, – Посмотрим, что с этим можно сделать.

–Именно. Посмотрим, – уверенно соглашается Пятачок, радуясь моему скорому «возвращению», – Так-то лучше!

–Хе... Новый опыт! Ты там на меня шибко не обижай-

ся, плиз. Люблю решать бытовые задачи. Людка тоже от этого прется. Собственно, ... кров есть, кровать есть, напольное покрытие грязное, но мягкое, горячая вода и клозет в наличии. Пледики собственные в наличии, спальники есть, самолетная подушка тоже. Остальное решается.

–Чего и возмущалась, – интересуюсь я у себя, – Привычка, что ли, дурацкая?

–Ага, – соглашается Пятачок.

Потом оказывается, в магазине, хоть по-австралийски и далековато расположенном, продают железные банки с ананасами в собственном соку. Не дорого и вкусно. Мы их обожаем. А когда ананасы моментально кончаются, не успев начаться, в вылизанной семисотграммовой банке отлично можно кипятить чай. Ложки у нас с собой есть, без них и спичек никуда не трогаемся.

Эх, жаль, что хороший настоящий нож месяц назад отобрали при каком-то перелёте!

Я забыла после сухопутных переездов спрятать его в багаж и не пронесло. Но есть пластиковый из самолетного набора, крепенький такой. Полезный.

Сейчас, как никогда, вспоминаю с тоской мою кружку металлическую, походную, ту, верную, карельскую, бесследно эмигрировавшую в глубину в Новой Зеландии. Не судьба.

Но... Есть стаканчик из-под зубной щетки – класс! Контейнеры, это ещё с Гватемалы! – вместо тарелок. Есть и плюсы. Тихо здесь «на хате» и интернет отличный. И много ме-

ста. И нет пока никаких соседей. Можно шляться в чем угодно по квартире. Смотреть что-нибудь в интернете со звуком, валяясь в большом общем зале. Потёртости стен и грязные пятна на ковровых покрытиях уже не бросаются в глаза, собственно, прибрано все чисто, насколько возможно в запущенной квартире. Хорошо. Больше времени на переживания по поводу несовершенства мира я тратить не собираюсь.

– Надо в город валить. Ведь это же Сидней! Давай смотреть маршрут проезда к театру оперному. Тому самому!

– О, давай, – расцветает Пятачок и столбит, – Надо поменять деньги и найти, где продают карточки на транспорт.

– Да, точно. Как думаешь, наш район совсем безопасен для хождений ночью? – неожиданно вопрошаю я у друга.

– А почему ты вдруг об этом вспомнила? – удивляется тот.

– Интересно, что по каким-то все-таки причинам водитель Убера, на котором мы приехали сюда из аэропорта, не уехал пока не убедился, что наш хозяин пришел встретить нас. Помнишь? Ждал все эти пятнадцать минут, не кинул. Неужели по причине неблагополучности района?

– А, потом узнаем. Думаю, нормально должно быть все. Цивилизованная страна.

– Ну, да. В этом мы уже убедились. Пора! У нас здесь всего три дня.

А дядьку-водителя я вспоминаю. Того, необычного по количеству доброты и некрасивости, темно-коричневого индейца-маори. Просто встреча. Когда я стану доброй?

Освальдо Танго: О! Доброе утро, любимая, я проснулся и очень хорошо отдохнул. Спасибо, что позаботились обо мне и отправили меня спать. Как ты? Я чувствую, что все нормально, но ты немного напряжена. Все прекрасно, моя любовь, ведь я с тобой.

Olga Tango: Доброе утро. Рада видеть тебя! Да, у нас все хорошо. Освальдо Танго: Вы понимаете, что уровень нашего общения заставляет нас понять, что мы буквально за углом друг от друга. Мне кажется, что в любой момент я увижу вас? Приду к вам.

Освальдо Танго: Я попробовал перевести это на русский, или если писать по-испански сложно, он продиктовал это обратно на ваш язык.

Olga Tango: Обратный перевод часто бессмысленен.

Освальдо Танго: он обещает понимание гармонии. Но не совершенен)). Освальдо Танго: Я еще отдыхаю, валяюсь и представляю, как твоя сияющая фигура села со мной в машину, какой поцелуй подарит тебе моя любовь. Я пишу сегодняшнюю поэму.

Освальдо Танго: Ты хочешь услышать?

Olga Tango: Какая женщина не хочет услышать стихи. Бальзам для жаждущих ушей.

Освальдо Танго: Бальзам для сердца.

Освальдо Танго: Поцелуй, больше ничего! Ольга: нежная половина моей души, !! одиночный поцелуй !! сердце

сердца, чтобы счастье двух убило меня, !! поцелуй, больше ничего !! и ее дух от моей пролитой души делает ее пьяной, и моя душа для твоего поцелуя поглощена, и мои губы нетерпеливо блуждают? Возьми меня с собой!! Я не могу далеко от тебя. Я боюсь увидеть твои божественные глаза так близко!! В твоих объятиях есть рай, женщина, сотня из них говорит об угнетенном сердце ... !! хо! ... поддержи меня в жизни твоих рук, чтобы ты не убила меня своим поцелуем.

Olga Tango: Буйно и возвышено. В твоих поэмах иногда бывает такое проникновение в суть, что я лишаясь дара речи.

Освальдо Танго: Безмолвие? Если вздох вечен и очень ценен, твое благоговейное молчание, как война, дороги.

Освальдо Танго: Да? Всегда присутствовать сострадание: верность прежде всего справедливость. Помни, что честь возвышает человека.

Olga Tango: Я все еще немного боюсь, что вы меня идеализируете. Я обычный человек со своими сильными и слабыми сторонами.

Освальдо Танго: Я знаю, что я точно такой же.

Русские в Сиднее или особенности организации транспортной системы

Мы идем на электричку надземного метро, ближнего от нашего изумительного пустого дома: «Электричка – это самое удобное до центра». Немного заплутав в переулках, чуть промахиваемся по первоначальному, и решаем, что лучше уточнить, где находится сам «заход» на станцию, и заодно про правила проезда. Это даже больше интересует. Потому что от

нашего летучего Магомеда лишнего не узнаешь. Да и не лишнего тоже. Безлюдно кругом. Оглядываемся, ура, вон идет улыбается, светленькая, очень стройная миловидная австралийка, плюс-минус нашего возраста.

С улыбками, чтоб не напугать, премся наперерез, и на хорошем английском Любочка спрашивает, а не подскажете ли, дескать, мадам, а где тут у вас станция метрополитена?

Миловидная женщина почему-то становится немного смущенной, и «пыкает», да «мыкает» сначала, медленно составляя фразы.

Понятно, что язык не очень у нее, не местная, значит, но смелая женщина, используя все навыки речи жестами, показывает куда идти, и мы идем, поблагодарив ее, и начинаем обсуждать между собой предстоящий вояж. И вдруг в спину слышим задорное: «Девчонки, а, может, на русском? А?».

Подпрыгнув от неожиданности, мы мгновенно оборачиваемся, и все хором смеемся от комичности ситуации и облегчения.

–Привет! Ты что, русская, что ли?

– Да!

Ой-ей, как же нам поговорить хочется, а ей еще больше! Нашу новую знакомую зовут Лариса. Вышла замуж она год назад за македонца, немного говорящего по-русски, живущего теперь в Австралии, ясно, что вместе в ней. Переехал по работе. Сама из Кемерово. Дочка взрослая, скоро внука подарит. Здесь они недавно еще, четыре месяца всего. Свой район осваивает. Район, подтверждает Лариса, нормальный, все спокойно. Даже немного скучновато.

– А как вы, девчонки, тут какими судьбами?

Мы бодро рапортуем нашу легенду по укороченной версии: немного справочного о себе, немного о своем длинном-предлинном путешествии и, с удовольствием, про хитросплетение нитей судьбы, связывающей в узелках пути разных людей.

– Вот как так? Шли, шли, никого не трогали, и вдруг все вместе встречаемся в одной точке, и уже знаем друг друга, – опять накрывает меня тихое радостное расширение.

– Неисповедимы пути, – улыбается новая знакомая.

– Да, пути господни неисповедимы, – вторит Пятачок. – Так где тут на метро сесть?

Лариса провожает нас на до входа на платформу. Про метро, кстати,

Новоиспеченная сиднейка не все знает, к сожалению, потому что чаще на машине с мужем в центр ездит.

– А как тут с билетами? Где брать?

– Касс тут нет, но, по-моему, можно просто по пластиковой банковской карте пройти, приложить к терминалу и все, – вспоминает Лариса, и открыто улыбаясь, вдруг предлагает, —Может быть, увидимся еще раз?

А мы и сами хотели предложить, поэтому отвечаем:

– С превеликим!

– Тогда обмениваемся телефонами?

И вот я, довольная, уже подписываю в Вотсаппе номер изящной бывшей незнакомки «Лариса Сиетл». Теперь не потеряемся.

Мы действительно спокойно проходим через турникет, просто приложив пластиковую карту и спускаемся с верхней площадки на этаж вниз, на самую платформу, где курсируют по блестящим рельсам электропоезда. По правосторонним правилам движения. Лариса сверху машет нам рукой на прощание, кричит, что ждет звонка.

Вагоны в надземном метро двухэтажные, обзор полный, как в стеклянном колпаке, а внутри так тихо и чисто, сиденья синие в цветной узорчик – велюровые, анатомические.

– Какой же кайф, —растекаюсь я, сливаясь с пейзажем, —вот так бы ехал и ехал!

Но путь не так далек и растекание приходится притормозить, потому как оказывается, что тут для посадки-высадки в метро – своя система. Садиться на дальних станциях, таких как наша Wiley Park Station, как мы опытным путем устано-

вили, можно по обычной мастер-кард. А вот выходить, как выяснилось по ней нельзя. Только по карте метрополитена. Об этом Ларка просто не знала, мы понятно, тем более.

Вот, значит, приезжаем мы в центр на станцию Circular Quay, откуда до всех значных, включая и Оперный, рукой подать, как «брык» у турникета, карта банковская не срабатывает и выйти никак.

– Ну что за елки-палки! Нигде в других странах таких наворотов нету! – сердито озадачены мы, —Если вошел и заплатил, то выходишь свободно.

– Напридумывают ерунды!

– И, главное, объяснить, что не на халяву ехали, похоже некому. Автоматика, —мне вдруг становится весело, потому что я соображаю, что перепрыгнуть шлагбаум – вполне реально! В фильмах столько раз видела.

– Не стоять же здесь в ступоре!

Но Людовик говорит, что я рехнулась, и встает грудью на защиту облика русо туристо.

И тут, как только мои глаза начинают округляться от того, что к преодолению незапланированного препятствия есть дополнительное, в виде Люси, сразу подтверждается, что тут в Австралии все добрые-добрые, как на сытом госпредприятии, где все хорошую зарплату получают. То есть, взволнованным нам неожиданно помогает местный симпатичный мужчина. С велосипедом. Он просто выпускает нас элементарно по своей карточке.

Когда выкатываемся все на улицу, то начинаем облегченно рассыпаться в благодарностях и тут слышим: «Да не за что, уважаемые».

–Э...? Что?..

Оказывается, что нам помог говорящий по-русски, с шикарным польским акцентом, бывший житель Шри Ланки европейской внешности.

Мы, опять обалдев от встречи с таким пышным сочетанием невозможного, воспользовавшись удачей, начинаем выспрашивать о нюансах системы проезда в транспорте Сиднея и пытаемся вникнуть в объяснения славянина.

Оказывается, в Сиднейском метрополитене оплата дифференцирована от расстояния. Прикладывается карточка к считывающему устройству на выходе, и сразу видно сколько ты проехал, откуда, сколько денег снимают и сколько осталось. Вроде как логичная система, демократичная. А карты продаются только в газетных киосках и магазинах 7- Eleven и на нашей станции их было не приобрести.

– Все-таки мне непонятно, почему нас пустили на платформу по Тинькоффской, – пытаюсь увязать когнитивный диссонанс я, – Сколько сняли и почему по ней тогда нельзя и выйти. Уплачено так- то.

Наш проводник тоже считает это странным и недоумева-ет.

–Недоработка тут у вас, —сообщаем мы улыбающемуся ему и, взаимно не желая расставаться, еще несколько мину-

ток воодушевленно болтаем, жадно расспрашивая, как кто, и что, и где, и как здесь оказался. Узнаем, что у товарища тоже «шило в заднице» и охота к перемене мест: В России работал два года, на Шри Ланке прописка и гражданство, сам урожденный поляк. Сейчас решил получить вид на жительство и в Австралии.

– Ух ты, как все летуче и сногшибательно легко! – восхищаюсь я и вербально «присоединяюсь», что и на Шри Ланке была, и в Польше была, и фамилия у меня, и предки польские. Это чтоб радость от встречи обозначить и благодарность проявить. Расстаемся, естественно, как обретшие друг друга родственники. У нас всегда так. Шриланкийский сиднеец спешит куда-то на своем велосипеде. Пока! Спасибо.

Русская речь, кстати, слышится здесь почаще, чем в Новой Зеландии, в Веллингтоне. Тут место, более наезженное собратями, особенно в центре. Ой, все-таки обожаю наших и эти реплики вслух, когда мы думаем, что нас никто не понимает. Перлы. И почти всегда со следами великого и могучего. Здравствуйтесь, братья и сестры.

У нас даже Пятачок ко второй части путешествия с девственной интеллигентностью стал расставаться, а я... Я в бараке череповецком на четырнадцать семей росла до школы, в районе Панькино. И была способной девочкой.

– Как забавно, – пожимаю я плечами, – Две первые встречи и обе на русском!

– К чему бы это?

– К дождю!

К сожалению, я не ошибаюсь.

Городские районы Сиднея располагаются в прибрежной долине, которая ограничена с востока Тихим океаном, Голубыми горами с запада, рекой Хоксбери на севере и Королевским национальным парком на юге. Береговая линия изрезана многочисленными заливами и бухтами, которые образовались в результате того, что по мере потепления климата в конце ледникового периода и подъёма уровня Мирового океана, вода затопила прибрежные речные долины и ущелья невысоких гор. Залив Порт Джэксон, включающий в себя Сиднейскую бухту Сидней-Харбор, представляет собой именно такое образование и является крупнейшей естественной бухтой в мире. На территории жилых районов города насчитывается примерно семьдесят небольших заливов и пляжей, включая знаменитый Бондай-Бич в южной части города и пляжи Мэнли на севере.

Из википедии

Пасмурно. Тепло. Течет, течет с неба, короткими бесконечными приступами.

– Как программа включения-выключения небесного душа прописана. Каждые полчаса, – перекидываемся недовольные мы.

Ближе к вечеру нам просто реально надоедает поминутно

снимать и надевать плащи.

– Небесная канцелярия уже замучила, – вздымаю очи я.

– Смотри, говорят, через неделю опять будет солнце и за сорок градусов, – узнает вдруг Люда из интернета об очередной не очень воодушевляющей перспективе.

Тут мы думаем, что, может, нам все-таки повезло с погодой, и решив не давать никакой канцелярии испортить окончательно боевой настрой бодро продолжаем наше исследование.

***

Куда идем мы с Пятачком? А вовсе и не секрет. Кто не слышал о Сиднее? Все слышали. Вопрос, что.

Я, например, как среднестатистический человек, имела только телевизионное, и в связи с этим сдержанное, но восторженно-одуревшее представление о запредельности Австралии для освоения. Я знаю, что Сидней – это не столица, что он большой, сколько-то там миллионов человек, очень современный, с зеркальными небоскребами. Там проходила Олимпиада, есть Оперный театр умопомрачительной архитектурной красоты, подобный раковинам или крыльям белых птиц над водой. Что-то слышала про мост, но, скорее всего, не про этот.

Вообще, я всегда пыталась убедить себя, что Австралия молодая, зеленая, малонаселенная и дикая в середине. И ничего там интересного исторического нет. И если уж нам там

не побывать, то ничего и страшного:

«Подумаешь! Нечего и делать».

Правда, когда по телевизору лицезрела Сиднейский оперный в ночных огнях, отражающихся в воде, то признавалась себе, что, в общем, не отказалась бы постоять рядом с чудом. Даже очень бы не отказалась. Но незапланированные «хотелки» предохранительно сдерживала здоровой мыслью, что в тот потусторонний мир, как в волшебный сон, попадают только небожители, и кому Бог дал. А мне не дал. Я к их па-сущимся в заливных лугах стадам не отношусь.

Дал. Хотя в состав жирных стад я так и не вошла.

Теперь «там» – это «здесь». Я здесь. У Оперного.

«Нет, чего, все реально, что ли? – стоя рядом с уникаль-ным архитектурным, я на всякий случай прикидываю не сон ли это, – Все в настоящем моменте?»

– Какой же он огромный.

С фотографий-то можно не различить, что это три отдель-ных здания, а вблизи и вообще, ты как муравей, ничего не понимаешь, только ладонями прикоснувшись к белым обли-цовочным плиткам, стоишь, замерев. И еще щекой потом, упиваясь благоговением и торжественностью минуты.

–Падать в обморок будешь? Рюкзак подержать? – интере-суется Людмила.

–Не, не надо. Обойдусь легким головокружением, – успо-каиваю я.

Конечно, ничего запредельного не происходит. Небо не

разверзлось, не считая мелкого дождика, ангелы на трубах не заиграли, просто сознание, что «свершилось», немного щечечет в желудке и не дает открыть глаза.

Чаще всего Оперный театр называют великолепным образчиком «застывшей музыки», как говорил Гете. Другие видят в нем выброшенного на сушу белого кита; галеон, отплывающий в волшебную страну эльфов; девять ушей, прислушивающихся к ангельскому пению; девять играющих в футбол монашек...

«Когти, оттяпанные у огромной собаки-альбиноса», — так выразился однажды сиднейский журналист Рон Соу.

«Словно что-то выползло из бухты на сушу и сдохло, — съязвил один враждебно настроенный политик и добавил: — Но пирожками в этой штуке торговать не станешь».

Из интернета, чтоб поменьше патетики

Лично мне это сооружение напоминает пластины на заливке белого мирного дракона, через которые он дышит. Подобно всем истинным шедеврам, Оперный театр уникален и похож лишь на себя самого. Его видно отовсюду. Смотреть на него издали можно действительно до бесконечности.

Теперь я знаю, что эпопея создания театра длилась почти двадцать лет, начиная с конкурса проектов в 1956 году и заканчивая вводом в действие в 1973 году.

И что автор датчанин Йорн Уотсон, задумавший здание

театра, как набор ракушек, изгибы которых одновременно будут напоминать волны океана, не выдержав конфликтов с городскими властями, через десять лет сбежал навсегда из Австралии. А что делать, проект, как положено, в разы дорожает, сроки растут, кому же понравится. За пару лет до расставания со своим детищем Йорн все пытался пояснить ушедшим в глухую оборону властью имущим замысел зачатия и необходимость рождения:

«В основе проекта Оперного театра лежит желание привести людей из мира ежедневной рутины в мир фантазии, где обитают музыканты и актеры».

Наружный замысел великого архитектора осуществился. Успел он строительство здания, пропитанного намерением зашоренную человеческую особь к свободе и творчеству привести, закончить, а вот внутренности и интерьер доделывали всем миром. Занималась этим специально созданная комиссией по «доделкам», которую австралийский критик Филипп Дрю назвал запутавшимся «сборищем ничтожеств». Резко так махнул шашкой. Сил, наверно у Дрю, не было смотреть на несоответствие формы и содержания.

Получилось то, что получилось. В 2007 году здание было включено в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. А за четыре года до этого, при вручении Уотсону Притцкеровской премии, член жюри Фрэнк Гери назвал Sydney Opera House «зданием, опередившим время, технологии и изменившим образ целой страны».

Кстати, специалисты грустно и смешно констатируют, что по-настоящему «оперным» театром назвать это великолепное сооружение нельзя... По общему мнению профессионалов, для большой оперы театр непригоден, что-то там с акустикой перемудрили.

После душевных излияний у театра с поцелуями облицовочных плиток мы увековечиваемся на фоне всего, что видим. На ступеньках сидим, здесь это модно, а потом направляемся, куда глаза глядят. Как оказалось, в Ботанический сад. Королевский.

Вот что хорошо в Австралии, как сказал кто-то сметливый, здесь подход к жизни отдает человечностью, а именно: «все, что может быть бесплатным, должно быть бесплатным». И целая куча парков, садов ботанических, тематических, королевских – бесплатны для посещения.

Круглый год, в течение светового дня, да пожалуйста, хоть завались.

Австралийцы вообще фанаты парков. Считается, что это крайне полезно национальному здоровью, потому что дает расслабление.

–Красота, медитация и, как следствие, оздоровление трудящегося народа, – подтверждаю постулат, трясущим указательным пальцем в небо, – Потенциал к работе и деятельности. Правильный подход.

—А то, — соглашается дружище Пятак, — Имеющий возможность расслабиться работник больше и наработает, прямая связь. Не то что у нас, без передыха и сверхурочно, а то не поймут.

Ботанический сад Сиднея даже при лондонской мерзкой (на наш взгляд) погоде, хорош. А расположен тут же прямо напротив Сиднейского оперного театра, на берегу Фермерской бухты Farm Cove — мелководной бухточки в Сиднейском заливе, отсюда недалеко до паромной пристани Circular Quay и улицы Маккуори Macquarie Street. То есть на нужном видном месте.

Еще в начале девятнадцатого века посадили, вырастили, а главное, в двадцатом и двадцать первом сохранили то, что до прихода освободителей само здесь росло. В доевропейскую пору. Есть чем гордиться.

Общая площадь парка тридцать гектаров, и народу тьматьющая сюда заглядывает, около четырех миллионов в год

В коллекции гербария находятся примерно 1,2 миллиона растений, старейшие из которых были собраны сэром Джозефом Бэнксом на восточном побережье Австралии в 1770 году. В саду живут большое количество мелких зверей и птиц включая желтохохлых какаду, лисовидных поссумов, белых австралийских ибисов и других.

Как он наряжен, вылизан, дорожками витиеватыми выстлан, пруды, озерки облагорожены. Фонтанов, памятников,

беседок, скульптур всевозможных не меряно. Все зелененькое, подстриженное, птичек миллионы поют, растений десятки тысяч, жизни радуются, в ветвях мелочь млекопитающая снует, от блаженства заходится. Одно слово, Королевский.

Если, насладившись Ботсадом, выйти и пойти в обратную сторону, примерно в направлении знаменитого моста Харбор Бридж, как будто обходя по дальнему кольцу, вынесенному прямо в залив на маленьком островке Оперный театр, то непременно потянет сделать это прямо по краешку берега, по набережной с кованными красивыми решетками, которыми обрамлен этот кусочек врезавшейся в город бухты.

Особенно, если на дальнем причале замечен на привязи манящий лебединой самодостаточностью океанский лайнер. А слева по ходу начинается квартал со стеной высоченных офисных зданий, на которые очень красиво смотреть со стороны. Внутри этого небоскрежного сити ты, как лилипут в стране Гулливеров, можешь рассмотреть только шнурки на их ботинках или постоянно пялиться, задрав голову, вверх.

Поэтому, конечно, мы предпочитаем продвигаться по открытой плиточной набережной, с круглыми стеклянными фонарями на чугунных черных ножках, огибая вместе с ней все контуры врезавшейся бухточки, в толпе таких же фотографирующих и взирающих зевак.

Мы замороженно следим за изменением очертаний рако-

вин Оперного по мере продвижения вокруг, это как при съемке панорамы в три D. Сейчас мы лицезреем вид сзади, ничем не уступающий виду с фронта.

– Со всех сторон ты, душечка, хорош! – воркуя, умиляется Людмила.

– Да... Слушай, а действительно с этого ракурса коварное сооружение вполне похоже на внимательные ушки белых лис или монашеские капюшоны, – начинаю удивляться я. Но тут меня, как зомби, опять привлекает очередная случайно принесенная ветром мелодия. Пройти мимо, понятно, не получается, несмотря на сомнения насчет потери времени.

Впрочем, все как обычно – со своей реакцией на любые звуки, издаваемые музыкальными инструментами я давно знакома, смирилась и называю это явление синдромом «дочки Нильса».

На самом деле уличная живая музыка в Сиднее на каждом шагу: скрипки, гитары, кларнеты, саксофонов, вообще, немерено. Все это несказанно умасливает мое голодное сердце и теплым бальзамом льется в душу, но всего не переслушаешь и не все, скажем так, высшего класса.

Нежные, говорящие о вечном, переливы гобоя доносятся откуда-то спереди, по-моему, это, где возвышается на причале белый круизный гигант. Не особо раздумывая, мы припускаем по набережной, оставляя позади небоскребы со строительными кранами на крышах, перед которыми, как по воздушному мосту, в высоте летают электрички метрополи-

тена. Попутно созерцаем почти обойденный с тыла Оперный театр:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.